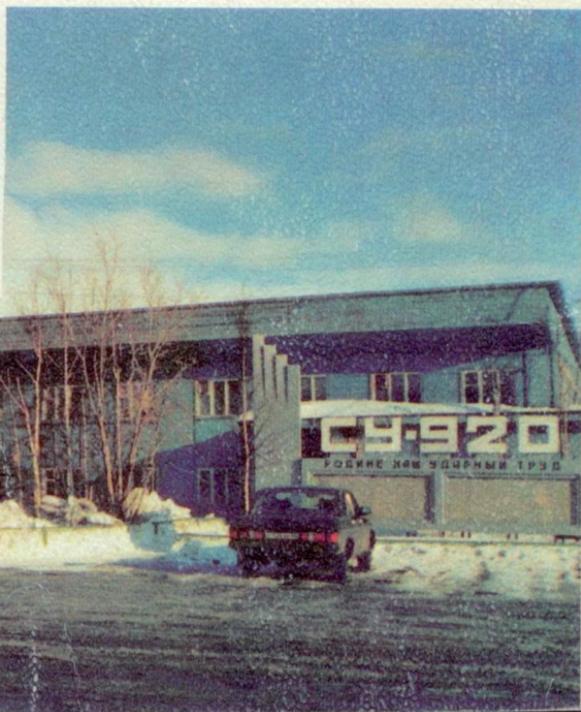

Б.89/2533-4 том 6 км 2 метри
К 59

Виктор Козлов

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

26.89/253.3-4(1)иш-6Хан-2(Методы)
К 59

М

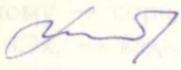
Виктор Козлов

к 25-летию АООТ «СУ-920»

ДОРОГА ДЛИННОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

художественное издание —

«Голубое Длин...»

автор

04.03.08г.

г. Метлин

53665/1-(1)

«Аэлита»
Екатеринбург
1997

МУ «Централизованная
библиотечная система»
Инв. № _____

Виктор Козлов.
ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА.
Екатеринбург. Ассоциация «Аэлита» при редакции
журнала «Уральский следопыт».

ISBN 5—85385—008—3

© В.Козлов, 1997
© Оформление
«Уральский следопыт»

ОТ АВТОРА

С проблемой сибирских дорог автор впервые столкнулся тридцать пять лет назад в 1961 году: из Тюмени я, молодой специалист, добирался до места работы — в Ярсомовский участок глубокого бурения, две недели. На гидросамолете, катере, самоходке и «крикуне» (неводник с нефтяным двигателем). Осенью того же года, едва не вмерзнув в лед, успели мы перебазироваться по Большому Югану в Усть-Балык (будущий Нефтеюганск). На буровые добирались только на тракторах или военных тягачах. Зимой вырубали «зимники». Но и они прокладывались только после сильных морозов. Помню, в конце декабря меня вызвали в Сургут, сообщили, что будет «борт», то есть самолет. Несколько дней куковали мы с бурильщиком Халиным на краю заливного луга, по местному — сора, где елочками было означено летное «поле». «Эх, — вздыхал Халин, — по «веревочке» давно бы «винку» пили в Сургуте! — И пояснил: — Ямскую службу тут звали так. Почту возили. Обозы... Теперь — самолет, вертолет... А коней — на кавалерийскую колбасу!» — хохотнул Халин.

Улетели мы на игрушечном ЯК-12, двухместном моноплане, ушедшем в прошлое, следом за «веревочкой» на наших глазах.

Мы были молоды и мечтательны. Казалось, что «Сибирь, как новую планету», должно и осваивать нетрадиционными методами. В том числе и дороги, и транспорт — должны быть иными: дирижабли, монорельсы, пневмотранспорт... пневмоподушки... Но если что и осуществилось — так это широкое использование вертолетов. Но они проблемы не решили, так же, как и зимники. В конце концов оказалось, что «старый друг — лучше новых

двух!» — без «железки» и автодороги никуда не деться!

Сначала нефтеразведчики, а затем и нефтедобытчики строили дороги своими подразделениями, но вскоре стали разворачиваться и специализированные управления Минтрансстроя СССР, в том числе и СУ-920 в 71-м году в Мегионе.

И эта книга — о людях, работающих дорожниками с самого дня организации управления, и о более молодых, пришедших позже, и о тех, кто отдал общему делу свою жизненную энергию и ушел на покой, и о тех, кто только вступает в мир.

За время работы над книгой я встречался с десятками работников АООТ «СУ-920». Это замечательные люди, патриоты своего предприятия, поселка, истинные северяне, сибиряки! Многие стали старожилками, пустили в Мегионскую землю корни: дети и внуки — мегионцы! Есть и трудовые династии: сплошь и рядом. О большинстве из них я написал очерки, зарисовки.

Основной задачей для меня стало воссоздание чувства собственного достоинства у россиян, работающих в ее «медвежьих» уголках, вдали от общепризнанных центров культуры, но живущих, тем не менее, полнокровной — созидательной! — материально и духовно, — жизнью.

Естественно, юбилейное издание несет в себе и определенный рекламный характер. Но я старался, подчеркивая надежность и стабильность работы коллектива АООТ «СУ-920», избежать броскости и поверхности, показать глубинные психологические мотивации «местного», СУ-920-го, патриотизма. И этот патриотизм закладывается с детства: с яслей-сада-школы «Полянка», — одного из немногих ведомственных садиков. В самом деле: чем хуже работники АООТ «СУ-920» работников концернов «Мицубиси»?

«Сын за отца не отвечает» (и наоборот) — этот тезис, положенный в основу советской морали, нанес, я полагаю, больше ущерба, чем даже пресловутая коллективизация и сталинские репрессии.

Был подрублен родовой корень поколений, прервалось понятие родовой и фамильной чести. И — профессиональной в том числе! Подумайте! Прервано было хождение ос-

новы мира: слова. «Вначале было слово!» — сказано в Писании. И слово — честное. В 17-м кончилась его пора. Пошла эра «справок». Партбилетов. Характеристик. Представлений. Объективов... Не буду фамилию называть: ему в морду плюют на съезде, а он, размазывая, улыбается!

Стали теряться предки.

Характерная фраза: деда-бабу — не помню. То ли в гражданскую, то ли при раскулачивании, то ли... в отечественную... то ли...

То ли отреклись и переменили фамилию! Может за это надо винить предков, а может — и надо! — понять: не от хорошей жизни они пошли на это... Хотя и ради хорошей — жизни — могли. Некоторые.

20 февраля 1926 года газета «Беднота» публикует новые правила перемены имени и фамилии (сиречь — отращения! В.К.).

И всего-то — гербовая марка в 1 рубль (но! конвертируемый уже). «...В заявлении должны быть перечислены все города и местности, в которых проживал гражданин, желающий переменить фамилию, до 1917 года, указана причина перемены фамилии и, наконец, обозначены желаемые новые фамилии и имя...» И пошли Тракторы Марковичи и Идеи Философьевны!

Самое высшее достижение перестройки — возможность носить свое родовое имя и восстановить имена своих предков, от которых или злонамеренно, или вынужденно отказались.

Восстановится родовой корень — восстановится связь времен, придет в наши края покой и умиротворение.

Поэтому, в ущерб, может быть, композиции не только книги, но и отдельных очерков, я в каждом случае пытался «добраться» до родовых корней каждого героя и тешусь надеждой, что меня возблагодарят хотя бы их ближайшие потомки: я восстановил, что мог, в их генеалогическом древе. И те, кого я «пытал», в ближайших отпусках попытаются дополнить сведения о своем происхождении, которые они смогли сообщить мне. Заняться этим мне обещали многие.

Мы — не «Иваны-не помнящие родства», мы — россияне, вышедшие из-под колпака беспамятства. Мы — рос-

сияне. Русские, нерусские, москвичи, вятичи, сургутяне, мегионцы... Мы — помним. Мы — вспомним!

У нас есть великие, всеобщие праздники, а есть и маленькие: свои! Как прежде: у каждой деревеньки был свой престольный праздник.

Ради такого маленького праздника — 25-летнего юбилея АОТ «СУ-920» и написана эта книга. С чем и поздравляю юбиляров.

С уважением и благодарностью за дороги

ДОРОЖНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

После мерзлой грунтовой дороги
по бетонке летишь — благодать!
Повороты и спуски пологи.
Распрямить, наконец, можно ноги,
посмотреть на пейзаж, поболтать
или просто подумать о личном:
как живу?..
«...будто взял напрокат
эти быстрые годы вторично
и уж срок отдавать их назад...
Солнце село... и красно-кирпичный —
на полнеба — экраном — закат...
Облака — словно легкие тени
тех, моих двадцати с лишним лет,
что отдал знаменитой Тюмени
подмастерьем — в ее измереньи...
Хоть и грустно, а горечи нет...
Кедрачи, как массажные щетки,
причесали закату вихор...
Все ж я горстью давал, не щепоткой,
что имел... Уж которому слетку
на крыло встать помог я с тех пор?..
«На лосином болоте» — богатый
умбро-суриковый колорит...
«ЛЭП» шагнула опорой рогатой...
Чем, скажи, не матерый сохатый? —
так и небо боднуть норовит!..
На бетонке пустынно...

Лишь роспуск —
как обрубок гигантской змеи...
Змей-Горыныч!..
А скоро ведь отпуск!..
Интересный получится опус:
если все вдруг сложить колеи,
по которым пришлось мне проехать
в голубую таежную даль, —
под «седлом», под «завязку», под «нехоть»,
налегке, на буксире, все — к спеху! —
до Луны — это б точно: доехал!
А обратно? Обратно — едва ль...

АПРЕЛЬСКОЕ УТРО

Этим розовым утром
я совсем заморожен.
И, вбирая зарю,
сердце громко стучит.
Безотрывно люблюсь,
как из облачных ножен
золотой богатырь
мечет книзу лучи.

Солнце стрелы вонзает
и в кедровые гривы,
и в глубины озер,
и в вихры лозняка.
И снега обращаются
в звон гомонливый,
обряжая тайгу
в навесные шелка.

В отворившемся небе —
снова краски апреля.
Окунают ветра
в них мохнатую кисть.
Оживают все чувства,
что зимою лишь тлели.
Вот за это за все
и мила наша жизнь!

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ, ИЛИ КАК НАЧИНАЛОСЬ СУ-920

28 января 1971 года был издан приказ по Министерству Транспортного строительства СССР № 41-ОК о создании в поселке Мегионе Нижневартовского района Тюменской области строительного управления № 920 в составе треста «Тюмендорстрой» Главдорстроя.

В развитие этого приказа был издан приказ по тресту «Тюмендорстрой» о создании, на базе прорабского участка в п.Мегион СУ-909, строительного управления СУ-920 с первого апреля 1971 года.

По СУ-920 первые приказы под номером один — по штатам и производству датируются: «1-ое апреля». (Наверняка остряки из СУ-909 порезвились над датой! Да ведь дни рождения, как говорится, не выбирают.)

Какую же дату считать «ДНЕМ РОЖДЕНИЯ» СУ-920? Если подходить к этому по-японски, то — 28.01.71 г. (то есть с момента «зачатия»), если по-европейски, то — 01.04.71 г. (то есть с момента фактического появления на свет). Конечно же, — ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ 1971 года! — в веселый, сам по себе праздничный день!

Каков же был «новорожденный»? Каковы — телеграфно — его «параметры»? На кого «похож»?

Вновь созданному строительному управлению устанавливался план подрядных строительного-монтажных работ в объеме 3064 тыс. руб. В составе управления создавалось три производственных участка:

— по строительству автодорог, с объемом работ 2264 тыс. руб.;

— по строительству промбазы и жилья за счет средств на содержание временных зданий по сметам автодорог и

автодороги «Мегион — Урьевское» с объемом работ 800 тыс. руб. (сейчас суммы кажутся смехотворными, но ведь рубль тогда еще не был «деревянным»!);

— участок погрузочно-разгрузочных работ.

В конторе числилось на 01.04.71 г. 18 человек, включая ИТР участков и вахтеров, на производстве — 47 человек.

Техники было, — тракторов, бульдозеров, кранов, экскаваторов, катков, — даже не как у Ноя в ковчеге: всякой твари по паре, — а по единице! Но трест обещал помочь с открытием навигации и техникой, и стройматериалами и прочими фондами.

Приказом по тресту от 3 марта 1971 года № 34/К назначены исполняющими обязанности: начальника управления — Шумашкевич Илья Романович, бывший старший прораб СУ-909 (на базе его участка и создавалось новое управление) и он вправе был занять новую должность, главного инженера — Марманов Иван Дмитриевич, бывший главный инженер СУ-905, главного бухгалтера — бывший экономист по финработе бухгалтерии треста Соловьева Эмма Яковлевна.

Специалисты они были опытные, знавшие дело не понаслышке, уже испытанные севером, Шумашкевич, в частности, к этому времени имел три северные надбавки.

Оклады, что у руководителей, что у ИТР, были не ахти какие; выручали надбавка за «подвижной характер работ» (так называемые «колесные») и «северные».

Вот, для примера, несколько взятых наугад из приказа № 1-к от 1.04.71 г. по СУ-920 замещенных должностей: «...назначаются:

1. Базанов Василий Тимофеевич — главным механиком Управления с окладом 190 руб. с выплатой 40% «колесных», 30% «северных», в порядке перевода из автобазы № 93.

2. Логинова Татьяна Васильевна — и.о. техника ПТО с окладом 100 руб. с выплатой «колесных».

6. Яковлев Владимир Николаевич — прорабом дорожного участка с окладом 180 руб., с выплатой 40% «колесных».

7. Шлыков Виталий Алексеевич — прорабом..., в порядке перевода из СУ-909.

9. Травин Василий Михайлович — прорабом участка промышленного и жилищного строительства с окладом 180 руб.

10. Згерский Иван Матвеевич — прорабом..., с окладом 170 руб

11. Дерягина Тамара Васильевна — мастером с окладом 135 руб. с выплатой 40% «колесных». Возложить на Дерягину Т.В. комплектацию и организацию отгрузки сборных конструкций (ЖБК, панели стеновые из Тюмени и заводов-поставщиков).

12. Хотёневская Галина Михайловна — делопроизводителем-машинисткой с окладом 75 руб. с выплатой 40% «колесных» и 40% «северных».

Как видим, оклады, по северным меркам, маленькие, вся надежда на премию: а про нее, сами понимаете, на воде вилами писано. Организационный период!

Рабочим проще: сдельщина! Хорошая специальность, высокий разряд, нормально закрытый наряд — заработок поболее выйдет, чем у главного механика или инженера, если тот на голом окладе будет!

Обустривать жилпоселок надо, промбазу строить: пирс, пилораму, котельную, ремонтные мастерские, электротепловодоснабжение... Жилье стационарное возводить... Да и по строительству дорог «объемы» выдавать требуется: для того и созданы!

Первоочередным задачам соответствует и спектр рабочих специальностей и разрядов. Посмотрим первый приказ по рабочим кадрам (так же наугад) № 3-к от 4.4.71 г.: «...принять:

1. Айтбаева Халиса Хабиевича — плотником 3 разряда.

2. Айтбаеву Рузу Валиевну — рабочей 2 разряда.

5. Вензелева Петра Павловича — машинистом экскаватора 6 разряда с выплатой 40% «колесных» и 10% «северных».

12. Голубева Алексея Ивановича — газосварщиком 3 разряда.

13. Зефирова Виктора Константиновича — машинистом бульдозера 5 разряда.

14. Зубова Николая Ильича — плотником 3 разряда.

18. Кириллина Павла Петровича — электромонтером 4 разряда.

28. Мальцева Михаила Сидоровича — плотником 5 разряда с выплатой 10% «северных».

34. Плотникова Ивана Мироновича — плотником 4 разряда с выплатой 30% «северных».

(Обратите внимание: фамилия соответствует специальности!)

35. Попова Николая Ивановича — машинистом бульдозера 6 разряда.

37. Семичеву Галину Ивановну — штукатуром-маляром 3 разряда с выплатой 10% «северных».

45. Шагалова Анатолия Дмитриевича — электросварщиком 4 разряда.

46. Яценко Петра Васильевича — пом. машиниста экскаватора 5 разряда с выплатой 20% «северных»...

и т.п.»

То есть, в основном строительные специальности, а уж затем — механизаторы.

Молва о новом стройуправлении шла не только в Мегроне и его окрестностях, но и по Союзу: устраивались на работу в СУ-920 не только специалисты из северных организаций, но и с Большой Земли: ехали родственники, знакомые, односельчане, направлялись молодые специалисты после вузов и техникумов, техучилищ... Приказы по кадрам издаются чуть ли не через день: «...принять в порядке перевода...»

«Згерскую Раису Сергеевну — нормировщиком...»

«Чувашьян Юрия Хачиевича — молотобойцем 3 разряда...»

«Полуэктову Антонину Александровну — с 8.4.71 г. инспектором ОК...»

«Соловьева Дмитрия Иосифовича — с 14.4.71 г. инженером-энергетиком...»

«Кириченко Николая Васильевича — машинистом 6 разряда...»

«Куценко Александра Яковлевича — капитаном катера...»

«Салихова Равиля Сабировича — механиком катера...»

«Мигушкину Галину Федоровну — и.о. мастера...»

«Нестеренко Петра Алексеевича — с 15.4.71 г. начальником ПТО...»

«Куц Евгений Георгиевича — с 24.4.71 г. линейным механиком с возложением на него обязанностей начальника РММ...»

«Савиных Станислава Семеновича — трактористом 6 разряда...»

«Корниенко Ивана Владимировича — автогрейдеристом 6 разряда...»

«Гурвича Евгения Александровича — начальником ОТС...»

За первый месяц численность работающих увеличилась почти вдвое, расширился и спектр профессий: появились сантехники, молотобойцы, токаря, крановщики, энергетики, судоводители, автогрейдеристы, снабженцы.

Кстати, вопросы снабжения стояли очень остро. И материалами, и техникой. Как могли, выкручивались на месте: занимали у соседей, обменивали, брали в аренду. Посылали в Тюмень и на заводы-поставщики «толкачей».

Всем понятно, что на севере, особенно в то время, организация, не имеющая своей пилорамы, своего «деревянного» цеха, не могла считаться солидной: никакого хозстроительства и обустройства поселка и базы без собственного пиломатериала не сделать!

В своем первом производственном приказе от 1.4.71 г. и.о. начальника И.Шумашкевич констатирует, что работник снабжения дорожного участка СУ-920 Жакова З.Г., имевшая задание отгрузить из Тюмени пилораму и ряд других материалов, поручение не выполнила из-за «халатного» отношения, была строго предупреждена и отстранена от дальнейших поездок в командировки. Вместо Жаковой был командирован Згерский И.М. «Тов. Згерский очень добросовестно работал в Тюмени во время командировки. Задание выполнил отлично и доставил в Мегион: пилораму, гвозди, половую рейку и другие материалы и оборудование. Тов. Згерский, будучи в командировке и сознавая ответственность за порученное дело, через каждые двое суток сообщал телеграммами о ходе выполнения этого важного задания. Приказываю:

1. За добросовестное выполнение важного задания в период командировки в Тюмень, за доставку в Мегион

пилорамы и другого оборудования и материалов, проявленную при этом оперативность и большую личную инициативу — объявить благодарность с занесением в личное дело — производителю работ по монтажу — Згерскому Ивану Матвеевичу.

И.о. начальника СУ-920 треста «Тюмендорстрой»
И.Шумашкевич»

Таким образом, в первый же день было роздано «всем сестрам по серьгам»: морально были осуждены халатность и безынициативность, и — морально же — поощрены инициатива и ответственность за порученное дело. (Материальное вознаграждение верно было бы эффективнее! — В.К.).

...Отдел кадров, ПТО писали свои приказы, делали свое дело. А во дворе стоял апрель. И он тоже делал СВОЕ ДЕЛО:

«Пришел, как солдат на побывку,
на север апрельский день.
Воздух — хмельной наливкой,
синим платочком — тень.
Сияет луна, как пряжка.
Скрипит дороги ремень.
На сердце — радость
в упряжке
с предчувствием перемен!
В свадебном ритме
и темпе
пурга
поет отходной:
май на пороге —
«дембель!» —
пьяный
и молодой!
Мчит во весь дух
на нартах,
солнце во лбу — кокардой!»

Шпарит солнце в апреле уже во всю, шпарит! Калит во всю мощь, дарит радость благостное его тепло озябшему

гелу и смурной душе, покрывает ранним загаром лица полеви́ков. Хорошо в апреле, крылато: весной пахнет!

Хорошо-то хорошо, да не всем: зимники осаживаются, живуны просыпаются, хляби болотные вздрагивают... Весною каждый морозный день дорог всем, кто не имеет дорог! По поговорке: «Сапожник — без сапог, строитель дорог — без дорог!»

Потому-то и появился производственный приказ № 2 от 2.4.71 г., изданный за подписью и.о. начальника СУ-920 И.Шумашкевича, о введении аккордно-премиальной оплаты труда при выторфовке болот и отсыпке нижнего слоя земполотна «с целью создания материальной заинтересованности механизаторов, а также в связи со сжатыми сроками устройства проезда от ПК-220 до ПК-180 и выезда от промбазы СУ-920 до ПК-230».

Хоть и не велика устанавливалась премия — всего 20%, но стимул есть стимул: эффект всегда дает!

Штурмовщина, скажут одни. Аврал, подтвердят другие. Неизбежный, мол, атрибут «развитого» социализма: спячки и авралы.

Это из сегодняшнего дня так кажется, а тогда — это была наша жизнь.

Не просто складывались взаимоотношения между руководителями производственных участков, в рабочих коллективах, в конторе, между общественно-политическими организациями и администрацией, и это — естественно: даже детали механизма требуют притирки, приработки.

На дорожном участке, например, возникли трения между руководителем прорабом Яковлевым и подчиненным ему прорабом Шлыковым, который игнорировал его указания и даже оскорблял нецензурными словами; кроме того, нарушал «технологические схемы работы, установленные главным инженером СУ-920, что усложнило и частично сорвало работу по отсыпке дорожного полотна». За что Шлыкову был объявлен строгий выговор, он был предупрежден, что при повторении «...будет снят со строительства и уволен». (Приказ от 19.4.71 г. № 12-к).

Или: помощник экскаваторщика Пругло прогулял два дня, а когда появился на рабочем месте, стал «объяснять-

ся» со своим шефом, экскаваторщиком Кириченко, кулаками и магом. «В целях наведения порядка на рабочих местах и решительного искоренения хулиганских выходов с чьей-либо стороны», Пругло был объявлен строгий выговор, а прорабу Яковлеву было предложено материалы на Пругло передать в товарищеский суд (приказ от 26.4.71 г. № 15-к). Вскоре (приказ от 7.5.71 г. № 21) Пругло был уволен за нарушение трудовой дисциплины, и это было ПЕРВОЕ УВОЛЬНЕНИЕ в СУ-920 (до этого был уволен в связи с призывом в армию Шепилов Сергей Михайлович). Почти одновременно на базе «отличились» плотники во главе со своим бригадиром Катаевым: за появление в нетрезвом виде им объявлены строгие выговора «с последним предупреждением».

В то же время «за энергичные действия, оперативность и личную инициативу, проявленные в Тюмени по подготовке, перевозке и погрузке материалов в адрес СУ-920 в п.Мегион» были поощрены Гурвич Евгений Александрович, нач. ОТС, и Дерягина Тамара Васильевна, мастер — им объявлена благодарность с занесением в личное дело.

К Первомаю, как и во всех организациях и предприятиях Советского Союза, был издан праздничный приказ. После общесоюзной «шапки», были подведены итоги ра-

На демонстрацию, как на праздник
Было это, было!..

боты строиуправления: «Коллектив рабочих, служащих и ИТР СУ-920 наряду с другими подразделениями треста «Тюмендорстрой» успешно завершил план апреля месяца по строительству объектов промбазы и жилья, а также выполнил план выторфовки и отсыпки дорожного полотна на трассе Нижневартовск — Мегион».

Поздравив коллектив с выполнением предпраздничных соцобязательств, и.о.начальника И.Шумашкевич объявил 16 рабочим и специалистам благодарности с занесением в личное дело и 6 рабочих наградил почетными грамотами. В заключение поздравил всех работников с Днем Первого Мая и пожелал «творческих успехов в работе, здоровья и довольства в семье». И, как полагалось, провозгласил здравицы в честь «героического рабочего класса» и компартии Советского Союза, «вождя и организатора всех наших побед!» (Так было! И воспринималось естественно и празднично: по-весеннему радостный был праздник, что бы не говорили. И ветераны СУ-920 вспоминают о Первомае с ностальгической грустью.)

В начале мая несколько человек было командировано в трест для получения новой техники (экскаватора, бульдозера), лабораторного оборудования, трансформаторной подстанции и электрооборудования.

8 мая 1971 года в первую командировку в трест убыл первый и.о.начальника СУ-920, оставив за себя главного инженера.

Главный инженер Иван Дмитриевич Марманов, по словам работающих ветеранов, был энергичным, справедливым, но строгим руководителем. Оставшись за начальника, он «встрях-

Марманов И.Д. —
первый главный инженер СУ-920

нул» службу главного механика: проанализировав работу службы, отметил недостатки (неоперативность, самоустрашение от контроля за эксплуатацией и ремонтом машин и техники, неоправданные простои, в частности, из-за отсутствия заправки на трассе, и др.) и предложил в срок до 15 мая разработать «мероприятия по улучшению работы отдела»; главный механик получил строгий выговор и был предупрежден о служебном соответствии.

В мае был предоставлен первый в стройуправлении отпуск его работнику Авдееву И.В. и прибыл «настоящий» начальник СУ-920 Тулинцев Геннадий Васильевич, назначенный с 3 мая 1971 г. приказом «Главдорстроя». Впервые также в мае начальник СУ-920 принимал участие в работе пленума стройкома треста.

Один из первых приказов, подписанный Тулинцевым Г.В., — приказ от 25 мая 71 г. № 34-к о поощрении газосварщиков Ходакова, Нуйкина, Голубева, которые, работая по 16-18 часов, за двое суток восстановили поворотный круг ходовой тележки экскаватора Э-652 — «с хорошим качеством», отмечают авторы рапорта гл.механик Базанов и прораб Яковлев, и ходатайствуют о премировании. Но начальник полагает, что моральное поощрение выше, и объявляет им за ударный труд благодарность.

А между тем... «На Оби навигация, на Оби теплоход!» Хоть арендованный, но — флот! И 8 июня 71 г. издается приказ № 31: «О назначении ответственного за эксплуатацию флота», — им назначается упоминавшийся уже Куценко А.С.

Просохли тропки и дороги. Под берегом и далее — на юг и юго-восток — «глуби слились с высотой», за спиной — таежное половодье...

«Пора весенняя в природе
на Севере так коротка!
Пригрело только — колобродит
все на глазах:
вот почка вроде,
моргнул — подобие листка...»

Только ледоход прошел, а вот уж и первые самоходки, баржи... Продукты, техника, стройматериалы... «Габариты» и «мелочевка»... Разгрузка краном и вручную... Субботники, воскресники, авралы... Были и рыбалки, и шумные застолья вокруг пахнувшей тальниковым дымком «тройной» ущицы... Разговоры про работу и «за жизнь», искреннее, гласное выяснение отношений.

Ветераны хоть и говорят, что «у нас и сейчас дружный коллектив: такой дружный, что в другой, даже если золотые горы будут сулить, не захочется», первый год свой в СУ-920 вспоминают с ностальгией!

В трудных условиях зарождался «дружный коллектив»!

Жили в балках, в вагончиках. На базе и на трассе. В Мегионе, который сам был еще поселком и корчился «в пеленках чертежей». Квартировали в совхозе. Снимали углы. Занимались самостроем. Со школой, с детсадом — проблемы. Были, конечно, жалобы, стенания, но общий настрой был мажорный: люди жили надеждой, и она их зачастую не подводила. Но они РАБОТАЛИ — чтобы надежда превратилась в реальность! Не хочется повторяться, но приведу все же абзац из очерка о машинисте бульдозера Голубеве А.С.: «Алексей Степанович устроился машинистом бульдозера в СУ-920, а приехавшая с ними племянница — дояркой в совхоз. Племяннице сразу же дали комнату в малосемейке, а Голубеву главный инженер Марманов сказал: «Давай, расчищай место под двухэтажку, как построим — первому дадим. И точно: получил Алексей Степанович трехкомнатную квартиру под самый Новый 1972 год. Где, кстати, и по сию пору живет. А до новоселья кантовались Голубевы в малосемейке у племянницы...»

Аналогично обстояли дела и у многих других. И Голубев не одинок: многие ветераны так и живут в тех, 71-го года, «деревяшечках», как, впрочем, и многие мегионцы — но тем легче: «деревяшки» сносят, и получают они жилье в «асбестовских» панельных 9-этажках. Да, что бы ни говорили о застойных временах ныне, как бы ни хаяли их — те, далекие, семидесятые годы, — люди, обустроивавшие в те годы Тюменский Север и вообще — Сибирь, заслуживают уважения и благодарной памяти в

своем большинстве. Что с того, что были среди них и рвачи, и пьяницы, и прогульщики? — ведь не они определяли «лица не общее выраженье» северян! Не применима была на севере поговорка: паршивая овца не испортила стада! — велик был нравственный иммунитет!

«Сибирь, как новую планету,
должны освоить мы
с тобою,
не занеся сюда микроба
наживы,
рвачества
и злобы!»

Тридцать с лишним лет тому назад написал я эти строчки, но они злободневны, мне кажется, и поныне. «Не покорять — осваивать!» — это принцип истинных сибиряков со времен Ермака, переселенцев Витте и Столыпина.

У строителей дорог — товар всегда лицом: видно, на совесть сработан или для виду. Соблюдение технологии строительства, качественное выполнение всех видов работ и в полном объеме, иной раз с превышением проектных величин, если того требовали фактические условия, — эти вопросы были в центре внимания и руководства управления, и технического персонала. И, конечно, вопросы оперативного управления: инициатива, распорядительность должностных лиц, линейного персонала. За упущения в работе строго спрашивалось.

В частности, за срыв работы по возведению земполотна 7 и 8 июня 71 г. (не передислоцировали во время имеющуюся технику взамен вышедшей из строя) и нарушение технологии возведения полотна, были административно наказаны начальник участка и мастер.

В июле Тулинцев издал приказ «О работе деревообделочного цеха» — отмечена плохая работа цеха по причине пьянства и.о.мастера ДОЦа и рабочих пилорамы (при плане 29 кубометров за смену напиливают только 9-12). Мастер наказан и предупрежден.

В июле же Марманов Иван Дмитриевич утвержден в должности главного инженера, а бывший и.о.начальника Шумашкевич И.Р., которому была предложена прорабская должность в СУ-920, не принял предложения и был откомандирован в распоряжение треста. Что ж, человека понять можно: ведь получалось у него не хуже, чем у присланного из Москвы Тулинцева. По крайней мере, если это и было не так, то ему самому казалось: разные есть мнения о нем, так же, кстати, как и о заменившем его Тулинцеве. И это естественно: всем мил не будешь!

А Тулинцев с Мармановым — работали ударно!

Ибо — олицетворяли весь коллектив: крепнувший коллектив СУ-920!

Семидесятые годы!

Вспомните поезд с комсомольцами на БАМ, благословляемый самим «Ильичем!» Под этот БАМовский ажиотаж — я-то это знаю! — так ободрали тюменских северян: слов нет! От БАМа прок будет или нет, а тем не менее — все туда! Как положено: без дорог, без складов, без туалетов и жилья. Нет, позже — и нам на север перепали: «БАМовские каркасно-щелевые» дома...

Что происходило со страной?!

Почитайте очерки: север людям нравился сначала снабжением и заработком; а позже — чем-то уже иным... Чем же? Запахом своего пота? Запахом проросшего и зацветающего энтузиазма: мечтами, надеждами, свершениями?

Или: «...и, подчиняясь таинственной власти, ждем не дождемся: когда же закружит лебедем белая ночь...» — багульником, талым снегом, черемухой?

Нет, не «или»!

Это — в крови.

Строитель дорог — не цыган, но пожиратель трясин, болот, тайги, непролазности — точно! Строитель дорог несет свободу: свободу передвижения в пространстве. Чем больше хороших дорог в стране, тем более свободен живущий в ней человек!

Семидесятые годы! Время студотрядов!

И СУ-920 не минули они!

Приказ от 03.07.71 года по СУ-920 № 44-к

«...принять студентов Львовского физкультурного института

Сич Эмилия Карповича — с 21 июня 71 года

Берестовского Юрия Владимировича — с 26 июня 71 года

Базана Василя Владимировича — с 28 июня 71 года

Олекшва Иосифа Дмитриевича — с 05.7.71

Направить на строительство промбазы и жилого городка по 3 разряду с выплатой надбавки за подвижной характер работ.

Стройотряды, стройотряды!

Не знаю, как у вас, а у меня — сложное к ним отношение...

С одной стороны — звучно, сверхгласно, наградно! — кто-то и получал по заслугам, те — кто трудился по совести! А с другой стороны — потеря нравственности с молодых юных лет: приписки, «взятки», «вырывание» жирных кусков по нарядам (мол, девки северные-штукатуры, за долгую зимовку «доведут» объект до сдачи!). Уж не говорю об остальном... О качестве тех «физкульт-привет-авиа-политехов»: одни — вдвое перестояли свой амортизационный срок, другие — не «дожили». А ведь «те» студенты — наши депутаты ныне и главы администраций! Более того: члены и руководители правительства!

Так или иначе, первый студотряд «отпахал» по третьему разряду и, видимо, не плохо: при расчете всем была объявлена благодарность.

(Кстати, ведь многие студенты получали даже медали за «Сибирь», отработав месяц-полтора, а позже — за двадцать-двадцать пять лет, — ни монетки! И это не единичные случаи.)

Заехали было и студенты Киевского политеха: 14.8.71 — принять, 16.8.71 — уволить. Не приемлемы условия, видимо,

оказались. Зато в самом Мегионе я видел на некоторых «деревяшках» на карнизах марку «КПИ» (дороже заплатили).

В августе — из Киевского института гражданской авиации приехал отряд (бригадир Жежера Ал.Ал., оплата — 10% от заработка бригады, а их — 10 человек! Помните: кесарю — кесарево, Богу — Богово!).

Июль! Время отпусков... Я насчитал — человека три-четыре ушли (Шумашкевич вместо перевода в отпуск ушел). Остальные — в работе!

А тут и профессиональный праздник!

ДЕНЬ СТРОИТЕЛЯ!

8 августа 71 года Тулинцев издает приказ по СУ-920 № 61-к.

«Многочисленная армия советских строителей свой профессиональный праздник встречает высокими трудовыми успехами...

В общее дело строительства коммунизма вносят свой вклад и строители нашего управления. Высокими показателями в труде встретили свой профессиональный праздник работники нашего коллектива: план II-го квартала выполнен на 150%, план июля на 189% (см. выше. Вот он результат организационно-технологической работы! Это я комментирую искренне: работали в то время северяне с полной отдачей!).

Встречая Праздник советских строителей, поздравляю Вас с Днем Строителя, желаю еще больших трудовых успехов и личного счастья».

В честь Дня Строителя девять человек были занесены на Доску Почета (насколько помню, в посадах и поселках занесение на ДП считалось престижным!), в том числе:

Голубев Алексей Иванович
Сачков Александр Алексеевич
Голубева Надежда Кузьминична
Гаврилов Алексей Исаакович
Сухаревский Василий Алексеевич
Нуйкин Николай Васильевич

Почетной Грамотой было награждено 14 человек, в том числе:

Голубев Алексей Степанович
Марманов Иван Дмитриевич

Торопов Василий Петрович
Эгерский Иван Матвеевич
Соловьева Эмма Яковлевна

Некоторым работникам, награжденным почетной грамотой или занесенным на Доску почета были, в числе других рабочих (только рабочих, не ИТР!) были выданы денежные премии.

Размер премий невысок: одна четвертая — одна третья оклада... Но, тем не менее, как Пушкин писал, кому что: «Князю прибыль, белке — честь». Думаю, бригадир студотряда (в проекте приказа — 40 руб. не оценил бы благодарность выше зачеркнутой премии. Как, впрочем, и любой его «боец». Впрочем, кто знает: может, она — «благодарность»! — позволила ему стать — через многие «табельные» ранги — каким-нибудь управляющим «молодежным» трестом даже до окончания института? Но «Почетный вымпел», врученный бригадире студотряда Сич Эмилю Карповичу, наравне с начальником дорожного участка Шлыком Виталием Александровичем, думаю, свою службу сослужил...

Большинству работников конторы, ИТР и служащим, была объявлена благодарность.

Приказ был ВПЕРВЫЕ подписан начальником СУ-920 после согласования с комитетом профсоюза в лице И.Згерского.

Как видим, на пятом месяце своего существования СУ-920 стало вполне обычным советским предприятием.

Последовавшие затем Первые Хищения, Сокращения, Поджоги (по халатности, пьянке или умыслу? — с передачей в Прокуратуру!), Несчастные Случаи, Участие в шахматных и лыжных спартакиадах, — только подтвердили это.

Но еще более подтвердил советский характер нового предприятия случившийся на одиннадцатом месяце существования строительного дорожного управления СУ-920 треста «ТЮМЕНДОРСТРОЙ» ГЛАВДОРСТРОЯ Министерства транспортного строительства СССР инцидент, поставивший вопрос: кто в СУ-920 хозяин? И, более того, — в стране!

Приказом от 3 февраля начальник СУ-920 Тулинцев освободил Полуэктову Антонину Ал-ну от обязанностей инспектора по кадрам и назначил ее мастером участка погрузочно-разгрузочных работ, вменив ей в обязанность учет работы механизмов. Мотивы и основание: не соответствует занимаемой должности, согласие треста «Тюмендорстрой».

Увольняли уже не одного: не соответствует или...

И — никакого шума.

А тут... На приказ: подписи, подписи, подписи...

«Согласен» — пред каждой.

И лишь НЕКТО САВИНЫХ С.С. (графолога бы сюда, графолога! Почерк правонаклонный, округлый, с недозамкнутостью окружностей, и... с «покачиванием» как бы! Но текст — резкий, командный!) пишет: «С приказом не согласен! После решения бюро».

(...ну что бы мне посмотреть эту папку до того, как посмотрел я «Собаچه сердце» по Булгакову! Вот бы я себя — для себя! — проверил! А тут — это? Сразу — аналогия...).

Но это — сейчас хорошо смеяться! А тогда...

Тогда, 23 февраля 1972 года, начальник СУ-920 Тулинцев Геннадий Васильевич, по отзывам крепкий мужик, издает приказ № 15-к: «...на основании решения партсобрания СУ-920 от 22.2.72 г. и УКАЗАНИЯ (в приказе, правда, не прописью) Нижневартовского райкома КПСС, — приказываю:

«Отменить приказы от 3.2.72 № 11-к и от 8.2.72 № 13-к... Г.Тулинцев».

...В одной книге, изданной давным-давно, я прочел, что граф Витте, будучи начальником эксплуатации ж/д, царский поезд пропускал со скоростью, которую устанавливал он сам с точки зрения технической сообразности, не согласуясь с намерениями или желаниями Министра двора и даже царя. Комментарии, как говорится, излишни: кто в доме хозяин, — и ежу понятно. А жизнь — шла!

Строилось жилье, обихаживались подворья, вскапывались грядки, накрывались парники, сажались цветы — хоть в автопокрышке, но клумба!.. Осваивались грибные, ягодные, рыбацкие и охотничьи уголья... Правились

свадьбы, отмечались праздники, рождались дети... Шли в детсады, училища... Многие по стопам отцов — в дорожники! И — строились дороги и обустривались места рождения.

НЕТ ДОРОГАМ КОНЦА

Дали голубые,
Окоема ширь.
Будто бы впервые
видится Сибирь:
топи да болота,
лес да бурелом.
Два часа полета
в небе голубом...
Тающие дали,
синие края!
Вы меня позвали,
ну так вот он: я!
Где еще теленка
и Макар не пас,
проложу бетонку —
в Вах и Лангепас!
Будет без работы
летчик...
Эх, держись:
катит беззаботно
по бетонке жизнь!
Да вот я девчонку
встретил, как на грех...
...Меги-мегионка!
Ты — милее всех!
Прячу я тревогу:
грустно одному!
И веду дорогу
к сердцу твоему.

НАША ЖИЗНЬ — ДОРОГА

I.

На лимузине ли катим мы из Нижневартовска, на рейсовом автобусе, на центрозавозовской ли «Каросе» или своем «Жигуленке», на повороте, перед Мегионом, очнемся от дремы: водитель сбросит скорость или вообще тормознет, высаживая пассажиров, чаще всего студентов. «СУ-920» — отметим про себя и будем кемарить дальше: «клумба», «баня», «автостанция» — еще впереди.

По автодороге до поселка «СУ-920», своеобразного Мегионского Посада, покажется далековаго от центра города, зато по берегу Меги — каких-нибудь двадцать минут, здесь он практически смыкается с промзоной города.

Ежегодно в сентябре, в бабье лето, пешком отправляюсь я в осеннюю теплынь по грибы-ягоды, по хорошее настроение, и прохожу мимо двухэтажного здания, обшитого вагонкой, с крышей-козырьком; вокруг него скверик, огороженный низким штакетником. Это контора строительного управления № 920, основное занятие которого — строительство автодорог. Вправо от конторы, вдоль Меги, широкой улицей, с проулками, двухэтажные деревянные дома и одноэтажные коттеджи поселка. Много зелени. А с севера и северо-востока поселок облегает лес. В этот лес я и хожу. Слева по дороге — промзона дорожников и их смежников: ремонтно-механические мастерские, склады, гаражи, котельная, деревообрабатывающий цех, автозаправка. На площадке перед конторой, особенно по утрам, целая автостоянка разнопородной техники. Да и людно бывает. Как говорится, жизнь ключом бьет!

Недавно я познакомился с интересным человеком — работником этого управления, и хотел о нем написать, но он отказался и предложил: «Если уж вас дорожники заинтересовали, расскажите о нашем «генерале»: молодой, способный! И как человек — интересный. Недавно собрание акционеров вновь его выбрало — единогласно!» Выполняю его просьбу.

II.

Я знал, что человек, к которому я собирался войти, генеральный директор АООТ «СУ-920» Алексей Владимирович Андреев, родился в Москве в 59-м году в доме, стоявшем на месте, где когда-то стоял дом его бабушки-коммерсанта, выходца из городка Данилова Ярославской губернии, в семье бывшего военного летчика, в мирное время — кандидата технических наук.

«Каков он? Если не по-сердцу, — поговорим и разоидемся», — решил я.

Нас представили. Пока мы обменивались неизбежными фразами, люди, бывшие в кабинете, выходили, зато из приемной втекали новые. Усадив меня в ближнее кресло, извинившись, Алексей Владимирович предупредил секретаря, что занят, и стал решать «вопросы» с теми, кто успел войти.

«Так... Сейчас ему 35. 13 августа исполнилось. Среднего роста. Плотный, спортивного вида мужчина в расцвете сил. Округлое лицо спокойно. Доброжелательно. Даже, я бы сказал, сосредоточенно-жизнерадостно. Как у... У космонавтов в гостинице... накануне старта. Или у летчика перед взлетом. Да. Гены отца-пилота сказываются?..»

Хозяин кабинета, между тем, «решает вопросы»: и с теми, кто перед ним, и с невидимым — по телефону... — абонентами! — мягко, споро, деловито.

«О! Эти черты он наверняка унаследовал от своего деда-коммерсанта: чутье и хватку русского предпринимателя, кушца, фабриканта...»

(«хватка», кстати говоря, это не «жадность»! Иные «наши» путают эти понятия!).

Наконец, прорвался последний, кажется, посетитель, видимо, начальник какого-то подразделения: доложив о выполнении «графика» он сообщил под «занавес» пренеприятнейшее «известие»: «При отсыпке балласта КрАЗ семафор подломил. Действует, но опора вот так — углом — сложилась».

«Да сколько ж их там, семафоров, — что под самосвалы лезут!» — воскликнул Андреев с горькой иронией. «Восстанавливайте. За наш счет. Пока семафоры стоят, смотреть надо. И с виновником разберитесь», — распорядился спокойно, а секретаря предупредил: «До двенадцати — занят!»

III.

«Да, видимо, это общая наша российская беда: родословной не занимался и я. — Алексей Владимирович вздыхает, — знаю, что дед был из городка Данилова Ярославской губернии, был у него там приличный дом. В нем, кстати, до сих пор школа размещается. Дед продал его, переехал в Москву, купил дом на тогдашней окраине, в дальнем Замоскворечье. Где-то во времена НЭПа. Потом, кажется, раскулачили его. Впрочем, не буду фантазировать: не в моих правилах. Вот для сына, Владика, ему сейчас 2,5 годика, родословную, ту, которую твердо знаю, напишу. Да и очерк ваш, думаю, сыграет определенную роль...»

Секретарь прерывает нас: кто-то, значит, «достал» ее.

Алексей Владимирович разговаривает по радиотелефону, потом, срastив прерванную нить разговора, продолжил: «Отец перед самой войной закончил школу на отлично. Не с медалью: медали тогда не давали, а с золотым — или что-то в этом духе, — аттестатом. И против воли матери, — бабушки, которую не помню, — поступил в Ленинграде в летное училище. Как война началась, их, по-быстрому, выпустили. Отец и самолеты перегонял, и воевал, главное — живым остался. После войны закончил институт, работал, диссертацию защитил. С матерью они познакомились во время учебы, на каком-то студенческом вечере (мать в химико-технологическом училась).

Родилась у них дочь, — сестра моя старшая, — Ирина. А потом, через девять лет, поздним ребенком — я...»

«Не иначе, Ирина «выпросила» братика! — не совсем тактично прерываю я ностальгическую паузу, — в России, особенно в городах, в то время как раз возобладала эта тенденция: «нана, мама и я». И я знаю множество семей, в которых старшие дети-первоклашки буквально выплакивали себе братиков или сестричек. Впрочем, поздние «братцы-Иванушки» или «сестрицы-Аленушки» удачливее и способнее старших. По себе это не ощущаете?»

«Да как сказать... Вроде и нет, а с другой стороны, и жаловаться — грех! В целом если, — то судьба складывается. Сейчас, по сути, по возрасту, по ощущению своих возможностей, подхожу к восходящей ветви своей жизненной параболы. А время, как себя помню, всегда торопил. Первое-первое, что врезалось в память, проблеском, как в видеоклипе, такой эпизод: книжный шкаф, отец и я. «Папа, — спрашиваю, — мне уже пять?» С огромным желанием — чтобы так оно и было! Нет, — отвечает отец, — еще нет, но скоро будет. Года в четыре с половиной, значит. А так хотелось быть взрослее! Бабушка по магери жила с нами, но я ходил в детсад: прямо во дворе, как сейчас помню, садик завода «Изолятор», — родители, как это принято в Москве, произвели обмен полученного на работе «места». И в садике, и в школе интересно было, конечно, но уж больно, казалось, жизнь медленно течет: день иногда казался длинным, как вечность! Все: магь, бабушка, сестра, отец, — занимались со мной, что-то свое привнесли в мою жизнь, но особенно, конечно, отец был близок, с ним и на стадион, и — по абонеентам — в консерваторию, в кино, в театры, на выставки ходили, и к литературе — сверх школьной программы. — с его подачи приохотился. Мать умерла относительно рано: мне восемнадцать исполнилось в тот год. А с отцом до сих пор дружим: интересный он человек. Помогаю ему, чем могу. Переписываемся. Учился в школе ровно, без блеска, но с чувством долга: надо, Леша! Разве что к математике, к геометрии, в частности, испытывал подспудное влечение: было что-то завораживающее, неожиданное и, в то же

время, предопределенное в геометрических построениях, сопряжениях, в математических преобразованиях...»

IV.

— О геометрии, кстати. В те годы, когда вы родились, известный ныне поэт воскликнул: «Я с детства презирал овал, я с детства угол рисовал». Какие склонности у вас, чем вы в жизни чаще пользовались: «треугольником» или «лекалом»?..

Мы едем по широкой, в четыре плиты, пустынной пока объездной дороге: Алексей Владимирович показывает образец «продукции» АООТ «СУ-920». «Основные наши сегодняшние объекты на левой стороне Оби, а в Мегионе и в окрестностях, можно сказать, по мелочи. Но даже самыми мизерными заказами не брезгуем: беремся за благоустройство дворов, отмотку стыков, переходов, переулков. Лучше, конечно, когда все делаем в комплексе сами, без субподрядчиков: видна наша работа! А то ведь другой раз, если заключительные работы, к примеру, асфальтовое покрытие, выполняет недобросовестный партнер, вместо него, мягко говоря, испытываешь неловкость перед заказчиком...»

Дорога между тем, по рассчитанным на ЭВМ сопряжениям кривых, с уклоном внутрь, делает плавный поворот.

Алексей Владимирович, после некоторого молчания, как бы вдруг вспомнив мой вопрос, восклицает: «Интересно! Треугольник или лекало? Так ведь и тот, и другой необходимы в равной степени. Хотя, пожалуй, лекало — чаще! Беда вся в том, что многие не умеют им пользоваться! Мы, дорожники, строители дорог, профессионально предрасположены к «лекалу»! Пересеклись две прямые (дороги, судьбы, как угодно!) — под прямым, тупым или острым углом, — неважно. Чтобы избежать столкновения движущихся по ним «объектов», нужно ставить «регулирующее устройство»: гаишника, светофор ли, инструкцию, правило, закон. И это — обычный, традиционный подход. Как в буквальном, так и в широком смысле: принцип «угла». А если оттолкнуться от «овала», то ведь в ме-

сте пересечения можно поместить круг («клумбу»), с которым плавно, по лекалу, войдут в сопряжение отрезки прямых... Более того, можно пересекающиеся прямые перевести в разные плоскости и соединить их объемными сопряжениями, сделать «развязку»...

В жизни, естественно, все сложнее... Встречаются «углы», встречаются... Вы вот спрашивали про первые жизненные впечатления, вспомнил еще одно. В детсадике... Была у меня любимая игрушка: самолетик, я с ним не расставался. У молодой воспитательницы в группе был ребенок. Однажды она говорит мне: мальчик, дай самолетик моему сыну. Я так воспитывался: жадничать нельзя, делится надо, и отдал игрушку свою. Проходит день, два, три. Думаю: когда отдадут? Спросить — неудобно... Наконец говорю: «Можно мне свою игрушку получить обратно?» И что же? Воспитательница сунула мне самолетик за шиворот: «На! На!», ходить с ним заставила и даже лечь спать. Вот уж она — точно! — «угол» рисовала! И, возможно, не одного меня им так зацепила, что и не вытравишь из памяти, как ни старайся. Так что я, скорее, за «лекало» и «непересекающиеся» в разных плоскостях перекрестки!» Переменив резко тему разговора, он спросил: «Наши «объекты» теперь представляете? Если не возражаете, посмотрим поселок и «дом, в котором я живу»?..» и направил машину домой, в родной СУ-920.

V.

«В 97-м году управление будет отмечать свое двадцатипятилетие. Живем, по сути, автономно. Все свое: жилой фонд, дороги, инженерные коммуникации, котельная, школа, детсад, магазины, здравпункт... Теплицы... В аренду сдавали, теперь вот восстанавливать приходится... Спорткомплекс, с бассейном... Единственный в Мегиионе! Молодежный досуговый центр... Большие надежды возлагаем на него! Заканчиваем реконструкцию... Наши РММ... Компания «Автомобилист» — III-я автобаза объединились с нашим транспортным цехом. Компания самостоятельная, со своим расчетным счетом и прочими правами, но вошла в

наше АООТ на определенных условиях. Сейчас в трудном положении, но — помогаем, думаем, с нашей помощью положение выправится. Далее — «деревянный» цех...»

Мы тормознулись на автостоянке перед зданием СУ-920 как раз в начале обеденного перерыва. К Андрееву, едва он открыл дверцу, подошли несколько мужчин; пока они решали вполголоса свои проблемы, я наблюдал за выходящим человеком. Была на удивление теплая для октября погода: выходящие были легко и нарядно одеты. Впрочем, многие садились в свои машины, другие — в ожидавший их автобус (я понял, что это — живущие в «городе!»), большинство уходило по пешеходной асфальтированной дорожке в сторону поселка («коренные» поселяне!). А где, интересно, сам Андреев живет, подумал я... И вдруг услышал его голос: «Алла!» Он посигналил и еще раз окликнул: «Алла!.. Жену увидел, — пояснил мне, — подвезем ее до дома да и пообедаем заодно...»

Поехали мы в сторону поселка...

Возле одноэтажного щитового дома небольшой, обнесенный штакетником огород с убранными грядками, разобраным парничком...

«Мечта!» — позавидовал я.

«Махнемтесь? — моментально среагировал Алексей Владимирович. — Да так-то ничего: жить можно! На природе! Но дому восьмой год. Панели: корежится! Вон, видите, — проказал на щель в потолочном сочленении в коридоре, — а ведь недавно ремонтировал! Конечно, при желании мог бы получить квартиру в капитальном доме — в «городе», но — дело принципа: когда меня избирали на «должность» в 89-м году, здесь жил, с людьми своими, голосовавшими за меня; поэтому, не улучшив им условия обитания, улучшать себе — просто совесть не позволяла. Вот такие дела. Когда меня впервые избирали, я прошел по большинству голосов, то есть против меня были некоторые и рабочие, и ИТР. А сейчас, в мае, на собрании акционеров нашего АООТ, избрали буквально единогласно! Это, честное слово, и сил прибавляет, но и ответственность удваивает: надо сработать так, чтоб и в будущем «черных шаров» не было! Теперь это уже дело чести!»

Алла уже нас окликнула: «Мужчины! Обедать!..»

А мы — только разговорились!..

«Алла! Минутку! — отозвался Алексей Владимирович. И мне: — А ведь в Сибирь — как приехал? Работали мы в стройотряде. В Когалыме. Можно сказать — шабашили. Не важно. Главное, потом, я говорю: а ведь вернемся мы сюда! Пусть не сразу, но — вернемся! Меня на смех: «Дашь, старик! В такую глухомань?» А ведь прав я оказался: половина нас — вернулись! Сейчас где только нет одноклассников! Хотя многие, как и я, первоначально после Московского автодорожного института получили направления в другие места. К примеру, я работал два года в Государственном проектном институте и, сейчас, — благодарю Бога: проектирование и программирование освоил, — как говорится, «азбуку» сегодняшнего дня...»

(Боже мой! Сколько утекло денег, ваших, моих, наших внуков, чтобы в Москве, С-П, Н-Н, али еще подальше, руководящие «единицы», обставленные «оргтехникой», купленной, по бартеру за невосполняемые народные богатства, у международных проходимцев, для «престижа», ездили для изучения оной и, конечно, безрезультатно! «Дэнди», «Пасьянс» ну и кое-что эротическое, — максимум, что они освоили!).

«Алла, сейчас идем!.. Ведь что интересно? Время — оно, как бы несколько измерений имеет. Особенно прошедшее. С одной стороны — вроде только-только в Сибирь приехал: Нижневартовск, общаги... Три года: мастер, прораб, начальник участка... Потом Мегион — СУ-920: мастер, прораб, начальник участка, ПТО, контора, выборы начальником... В Сибири — почти полтора десятка лет, в Мегионе — одиннадцать! Двойственное ощущение... диалектическое! Будто вчера или тысячу лет назад...»

«Мужчины! — не на шутку сердится хозяйка, — обед стынет!»

«Где ты сердитую такую отхватил? — сбившись на «ты», шутливо спрашиваю я Андреева, проходя в маленькую кухню-столовую.

«Здесь, здесь — в Сибири! Где еще таких найдешь!» — притворно сердито говорит Алексей Владимирович.

...Обед — когда успела? — по-настоящему — домашний. Капуста — носол: язык проглотишь! (На веранде целый ряд банок с такой капустой! Собираются отвезти в хранилище):

«Сами резали?»

«А кто же?» — Алла Викторовна (иронична, мысль схватывает по первым словам, интонации и выражению, как прежде говорили, «физиогномии»). Она элегантно, может, на мой взгляд, слишком «по-девичьи» одета, но это — дело ее вкуса. Главное: она мне напомнила чем-то мою младшую дочь: та тоже одевается не так, как мне нравится, но, тем не менее, я ее очень люблю в любом наряде. И еще. При всем при этом, успела сына в садик собрать утром. В квартире марафет навести. Себя «создать»: не думаю, что «стилисты» над ней работали! Выстирать мужу рубашки: прошу прощения, — но — призвание обязывает быть наблюдательным! — когда я мыл в ванной руки, обратил внимание на поддюжины сохнувших неярких, ближе к сиреневому, рукавов мужниных рубашек...), — так эта самая Алла Викторовна призналась: А кто же — как не мы! Родители — там, а домработниц, вроде «Наташи», — не держим-с... Поэтому приходится — самим-с!»

...Уходя, обратил внимание: в палисаднике стоит прогонистая еловая сушина. «Что ж не срубишь?» — вопрошаю Андреева. «А зачем, — говорит он, — пусть стоит: мне — не мешает. Конечно, чаще на нее вороны садятся. Но, по весне, и скворцы ее не избегают: поют».

Оглядываюсь: где скворешня?..

«А я, — предваряя мой вопрос, говорит он, — не хочу ее ставить: котельная городская дымит, мало того что нас травит, и их сведет... Пусть летят куда-нибудь, где есть еще чистый воздух...»

Я промолчал: это — тема отдельного разговора.

«Дорога жизни»... «Жизнь — дорога...» Просто «дорога». У каждого из нас — своя дорога жизни, но есть и общая — метафорическая, по которой идем мы — народ. Но и на этой дороге, как и на простой, построенной теми же работниками АООТ «СУ-920», есть свои «перекре-

тки», «клумбы», «развязки», «светофоры» и «посты ГАИ», есть правила движения и всевозможные разрешительные и запретительные «знаки», есть и подвижные «посты». Сколько «пробок» и аварий на нашей жизненной «дороге» случается не только по нашей вине, но и по вине некомпетентных «строителей», не предусмотревших безопасных развязок или явных шабашников! Сколько чистых ограничений и «знаков»! И к «строительству» и к «регулированию» движения на «дороге жизни» должны прийти специалисты: они знают как «развязать» перекрестки, обеспечить «зеленую волну».

P.S. Очерк был подготовлен в октябре 94-го года. АОТ СУ-920» под руководством Алексея Владимировича Андреева успешно выстояло еще один нелегкий год. О его конкурентноспособности говорит тот факт, что заказы на строительство объектов оно получает на конкурсной основе, как например, заказ на строительство участка автодороги Сургут — Нижневартовск. И свое двадцатипятилетие оно встречает спокойно и уверенно. В жизни самого Андреева также произошли изменения. Во-первых, он был избран депутатом Городской Думы. И сейчас его рабочий день существенно удлинился, и забот многодумных прибавилось весьма. В компенсацию этого как бы — сменил жилье на более комфортабельное и просторное, во-вторых. В остальном он мало изменился: мягок, вежлив, интеллигентен, но... «Андреев задрепать никому не даст! — сказала главный бухгалтер Т.Т.Давганенко. — Руководство у нас крутится...»

НАДО ДЕЛАТЬ ТАК — ЧТОБ ВСЕМ ХОРОШО!

«Нас раздели-д, нас раздели-д,
нас раздеть пытались...»

(из частушки)

Возле 54-тонной импортной машины, окрашенной в царственный цвет восходящего солнца, ее повелитель, машинист бульдозера Голубев Алексей Степанович, выглядит миниатюрно, хотя он широкогруд и по-сибирски кряжист. Ему 58 лет, четверть века из них он на севере работает все время в одной организации — СУ-920 — с момента ее создания, в одной ипостаси — бульдозериста. Вот все, что я знал, подходя к нему и испрашивая разрешения на беседу. Об остальном он рассказал сам, — то усмехаясь, пряча улыбку в полных молодых губах, щуря уставшие светлые глаза, то задумываясь, вздыхая: прожито все же немало! — и как бы подводя итог более, чем сорокалетней трудовой биографии.

Родился Алексей Степанович 26 января 1937 года в Омской области в многодетной семье: народили Степан Алексеевич и Евдокия Алексеева (в девичестве Кундусова) четверых дочерей и пятерых сыновей, Алексей, названный в честь деда, был предпоследним — восьмым ребенком.

Так уж распорядилась судьба, что ни одной бабки, ни одного деда не довелось застать Алексею, да и отца-то смутно помнит: как провожали его на фронт, проводили и больше не свиделись — погиб отец, уйдя в разведку. На фронте были и самые старшие братья, но они, слава Богу, вернулись живыми. В тылу осталась мать с шестью детьми. Те, что постарше, денно и ночью трудились в колхозе, тысячи

трудней были выработаны семьей Голубевых. «Все для фронта!», «Все в закрома Родины!». А сами пинались, корчили, обувались, одевались — с подворья! Да еще и налоги платили немалые. Благо — огороды были у них неурезанные: кто сколько мог осилить, столько и обрабатывал, это и спасало, картохи, капусты, моркошки было в достатке — не голодали. Но и трудились все — стар и млад.

После войны пустеть стал семейный двор: старшие женились, выходили замуж, разъезжались — кто в районный, а кто и в областной центр...

Места у них в Тюкалинском районе привольные, степные, озерные, лесов — самая малость, да и те в войну бычи на нет сведены. Топливо, стройматериалы — проблема. Зато покосы хороши, даже в самые засушливые годы, в приозерных низинах, трава вымахивает в рост человека! В сене — душистое разноцветье, ягоде! До того хорошо — сам бы ел! Ел бы не ел, а полежал бы да духом его подышал — с большим удовольствием!

Недалеко от села озера великие, что птицей, что рыбой обильные: Салтаим и Тенис... В селе в послевоенное время дворов семьдесят пять было. Недавно ездил Алексей Степанович на похороны матушки — 92 года прожила Евдокия Алексеевна, царствие ей небесное! — огорчился: дворов тридцать осталось, разбежался люд по свету, растеся... И винить ведь нельзя: от хорошей жизни не бегут! Взять хоть его самого... Когда старший брат уехал в Мегион, почему позвал его? Чем прельстил? Да заработком! Длинным показался тогда северный рубль в сравнении с колхозным: в десяток раз, не менее! А то разве бы оставил он землю, колхоз тот же, в котором начал трудиться чуть не с десятилетнего возраста?!

Школа в селе была начальная, да и ее не удалось закончить: работать надо! Десятилетний Алеша в класс пришел, а бригадир, верхом, в окошко кнутовищем стучит, уздечку показывает: к лошадям, мол, Голубев Леха, давай. Так и расстался со школой: на тринадцатом году уже полноценно конюшил. Одно время за молодняком ухаживал. Жеребяг в колхозе много было, семь-восемь десятков. Вот их надо было три раза в сутки на водопой сгонять, в

колоды воды набрать («интересно: подсвистываешь — они и пьют»). Корма в ясли дать. Убрать за ними. Самих почистить... Работы хватало! Но зато и не соскучишься с жеребятами: симпатяги они и забавники! А по ночам — дежурство в конюшне, по очереди. Дома тоже работы хватало: и в огороде, и на покосе, и в пригоне: корову держали, овец, потом и свиней (к сальцу привык Алексей Степанович и не к покупному: к свойскому! чистосердечно признался, что сало — любимое кушанье).

Всю крестьянскую работу — сезонную и межсезонную — освоил Алеша Голубев в подростковом возрасте: на яровых и на зяби — плугарил, на уборке — в соломокопнителе, на сенокосе — тоже без дела не леживал... Постепенно, незаметно, а променял живого коня на железного: призвание прорезалось! Безо всякой учебы, курсов, «корочек» освоил все типы тракторов, бывших тогда в МТС: от «Универсалов», НАТИков до «Сталинцев» и ДТешек... И уже взрослым парнем, в 59-м году, в Тюкалинске, в старинном городке, окончил школу механизации.

«Не трудно было учиться, с тремя-то классами?» — спрашиваю.

«Да нет, а что? Формулы-то? Читать-писать умел. Память была: что в голове, что в руках... Руки-то — они ведь тоже памятьливы: свою память имеют. А машине только то и надо: чтоб руки думали, тогда она и послушна им будет...»

В 60-м году, будучи уже дипломированным механизатором широкого профиля, высмотрел Алексей Голубев в соседнем селе невесту: Таю... Тасю... Таисью Марковну... Посватался и, получив согласие, привел ее в отцовский просторный дом... Вскоре дом огласился младенческим лепетом: наследник родился! А через пару лет еще один сынок появился на белый свет...

Дети подрастали. Заматеревший отец осваивал новые машины, совершенствовал свое мастерство. Так продолжалось до 71-го года. А потом — резкий — словно на одной гусянке (педаль до упора, рычаг на себя!) — разворот и — «поля — прощайте, привет — тайга!»

Старший, ближний по возрасту, брат Анатолий и в колхозе, и в Мегионе, в СУ-12, работал плотником («всю

жизнь «деревянный», как я — «железный», — шутит А.С.). На первое время приютил он у себя родственников: с братом приехала еще и племянница.

Алексей Степанович устроился машинистом бульдозера в СУ-920, а племянница дояркой в совхоз, причем ей сразу же дали комнату в малосемейке. А Голубеву главный инженер управления предложил: «Давай, расчищай место под двухэтажку, как построим — первому дадим!» И точно: получил Алексей Степанович трехкомнатную квартиру под Новый год! В этой квартире он и до сих пор, кстати, живет. А тогда, до новоселья, жили они у племянницы...

...Вот и нахмурился Алексей Степанович: несколько лет уж прошло, как упокоился в мегионской земле на веки вечные брат Анатолий. Остальные братья — гоже... Только он да две сестры остались из многолюдного выводка... Молодежь растет на смену! Сыновья, внуки. И после Анатолия два сына остались, здесь, в Мегионе, с матерью живут...

«Год проработал я на нашей технике, а потом послали меня на курсы в Челябинск — переучиваться на импортную: вот с 72-го года и работаю на ней. Сначала на «Катерпиларе», а десятый год вот на нем...» — Алексей Степанович кивнул головой в сторону желтого Мастодонта.

«Хорошая машина, ничего не скажешь! Нашей техники и для сравнения нету, — вздохнул с сожалением. — Разве что ДЭТ-250... Пошустрей он, но слабоват и капризный. А у этого — 420 лошадей, моща! Если сцепление есть, спокойно полметра мерзлоты вспарывает — как по пашне идет!»

«Скажите, Алексей Степанович, — осторожно интересуюсь я, — а легко ли далось вам «перепрофилирование»? Все же до Мегиона вы двадцать лет пашню пахали: там — один талант требуется, а бульдозеристу, как я понимаю, другой нужен? Бульдозеристу, как летчику, обостренное чувство горизонта должно быть свойственно! Не просто, как говоряг, «глаз — ватерпас!», а внутренний гироскоп, — чтоб и с закрытыми глазами, — горизонт чувствовал! Так я представляю?»

Щурится Алексей Степанович, можно даже сказать, ухмыляется.

«Так оно, так... Только мне и привыкать-то особо и не пришлось: я ж и в колхозе — как зима — на трактор бульдозерный нож вешал, руку набивал и глаз вострил в деревне еще... А тут, в СУ, за двадцать пять лет, конечно, тож многому научился... Сейчас, другой раз мастер говорит: вскрышу делай здесь, толкай грунт туда и прочее. А я прикину да и послушаюсь мастера, при всем моем к нему уважении, и сделаю по своему: чтоб всем было хорошо — и экскаваторам, чтоб шли своей полосой, и самосвалам, чтоб не мешали друг другу, свои подъезды имели, да и чтоб мне — поменее грунта с места на место потолкать, солярки сжечь да и машину лишний раз не надрывать... Ну, глаз — прикидывает, «компьютер» — не знаю, как уж там, считает, а руки, ноги — машиной управляют...»

«Когда с намывным песком имеем дело, работать приходится поспокойнее, ровнее... А вот если естественный песок... Тут по всякому случается... На Хохряках вот работали... После Покачей-то — помаялись! Лес — ладно, а вот вскрышка — до 5-6 метров мощность доходила! Да и песок там... Местами — ничего, а то — суглинки и глины вот такими линзами... Досталось там и технике, и механизаторам... Да и заказчики были недовольны на качество песка...»

(После нескольких наводящих вопросов выяснилось, что автору приходилось на Хохряках, в свое время, вспоминать недобрым словом качество этого песка! Но это так, к слову).

Разговор у нас с Алексеем Степановичем был откровенный, хотя на некоторые вопросы отвечал он весьма дипломатично, к примеру, вот так: «Дружно живем! Механизаторы — вообще дружный народ. Чего нам делить-то? И начальство... Что главный механик, что вот начальник РММ... Скажу: надо то и то. Если есть, выпишут. И порядок мне у нас нравится: техника, к примеру, персонально закреплена. А когда она в одних руках, то и ходит в два раза дольше. Я вот, к примеру, одиннадцатый год на своем «кормильце». Кормилец мой! — Голубев ласково, словно коренника солового по холке, огладил пульт приборный подвластной ему махины. — Клык его осмотрите: по клыку видно — кто как работает! Совсем сносил-

ся Наждаком что ли я его стачиваю? Нет: от работы! Кто хошь, спроси — работники мы с ним! Потому и смотрю за ним. С сыном вот на пару работали: не дай Бог, увижу — болтик какой валяется или еще какая мелочь, — с выходного отправлю: поставь на место!»

«Директор» выступает!» — услышал я добродушную подначку стоявших в стороне молодых механизаторов, одним из которых возможно был сын.

«С начальниками участков, с прорабами... Ну, бывало, из-за нарядов, раньше, поспоришь: заработок ведь! А сейчас нарядов и вообще не видишь: в конце следующего месяца, когда получку дадут, тогда и узнаешь сколько заработал... Это дело такое...»

Но чаще — лаконично и определенно:

«Из начальников кто запомнился? Да хоть тот же Бабенко: жесткий мужик, но — справедливый! Русскому человеку что надобно? Это самое: порядок и справедливость. Марманов, главный инженер, помнится...»

«Жить сейчас — как стало? Да вот по моим-то понятиям — хуже, конечно! Я вот на те деньги, советские, — 50 тысяч накопил! — думал безбедно на старости пожить. А что получилось? Проснулся однажды, а меня со старухой — раздели! Сейчас вот зубы заговаривают: да на те деньги бы, если бы все покупать стали, ничего и не купили бы... Да мне-то что до этого? Я ведь деньги тогда не у Мавроди в три-мэм хранил под бешенные проценты, а у государства — под 3%! Ну раздели нас, облапошили, — как какую-нибудь «деревню» на послевоенном базаре фиксатые городские жиганы, — так не измывайтесь хоть, молчите в тряпочку!..»

«Детям, внукам?.. Там видно будет. Конечно, у них уже другие понятия, у внуков-то... Сыновья женились... В Мегроне живут... Один — на экскаваторе, второй — со мной работал, да в отпуск ушел и уволился: в коммерческую организацию подался... А мы еще поработаем, как прежде: «попашем»! У меня ведь и жена до сих пор работает... На зарплату да на пенсию — прожить еще можно. И внукам купить можно и «соколадку» — да не какую-нибудь, а по ихнему выбору! И еще кое-что... Ничего! Как гово-

рится: «нас раздеть пытались, а мы им не дали!» Я-то и «Жигуленка» недавно купил, сам-то почти не езжу — младший пользуется, а мне что? — на огород съездить да в тайгу за грибами... У меня, слава Богу, ничего. Да ведь надо бы — чтоб всем хорошо!»

Уважаемый Алексей Степанович! Я не думаю, что в России вы одиноки. Я уверен, что есть люди во всех сферах деятельности, которые хотят сделать «чтоб всем — хорошо!» и так строят свою работу, чтобы всем смежникам и потребителям было удобно трудиться и жить.

А насчет «раздевания»... Научили нас: осторожнее, осмотрительнее, наверно, мы стали, по темной «улице» не пойдем. Да и выборы опять надвигаются: надо таких «градоначальников» и «околоточных» выбрать, чтоб дали нам возможность ходить по своей стране без опаски! Это и от нас зависит.

ОПОРА ДЕРЖАВЫ

На таких мужиках: простоватых,
некрасивых, чумных, рябоватых...
Чуть поддатых, заросших, кудлатых...
В керзачах, телогрейках, бушлатах...
На угрюмых, сноровистых, хватких,
на любителей правды несладкой...
Молчаливых, пытливых, смешливых,
совестливых до рези в глазах, —
на святых! —
еще держатся нивы
и заводы в больших городах!

СЕРЕБРЯНЫЕ СВАДЬБЫ

Сына женили прошлой осенью Довганенки.хлопотны были приготовления, да свадьба зато получилась хлебо-сольная и веселая. Гости собрались — желанные все, близкие, дорогие да и щедрые, хоть и привередливые: чуть что, им все — «горько»... Куда денешься: обычай свадебный — сладким поцелуем горечь перебивать!

Радуется Тамара Тимофеевна за сына: «Чудо-невестушка досталась сыночку — Наташенька, краса ненаглядная... Даруй им, Господи, Любовь, Счастье да Согласие!»

Когда, как не при рождении да на свадьбке, и порадоваться отцу-матери за себя и свою кровиночку: продолжается жизненный круг, не прерывается. Радуйся, мать-свекровушка, радуйся и ты, теща-матушка, тесть-отец и свекор-батюшка! Радуйся, родня кровная и обретенная! Радуйтесь, друзья, поселяне и все люди добрые: жизнь коловращается! Сын-отвивочек от корня родительского, невеста — веточка другого дерева, срастутся они — и пойдут новые веточки с цветами да листочками... Не засыхает древо жизни — растет, преобразается.

Взглянула Тамара на мужа своего Андрея раз да другой — попристальнее: «Давно ли с тобой-то вот так, в радостном безвременье сидели? Позавчера, кажись, а ведь сколько прошло — серебряная свадьба на носу...» Облачной тенью по светлой радости печаль пробежала: течет времечко, не остановишь... Что — свадьба... Девчушкой босоногой по Малой Муховке давно ли бегала?

В середине 50-х годов ощутила Тамара себя полноценной частичкой божьего мира, вмещающего в себя отцовский дом, село Малую Муховку, речку Беседь, расширя-

ющиеся по мере того, как она росла, окрестности, небо — то голубое, бездонное, с жарким солнышком, то темное, мглистое, помаргивающее, то текучее и плаксивое, и еще самое дорогое, близкое, теплое, мягкое, сладкое, радостное: мать, отца, бабушку; братьев и сестренку — позднее, и всех людей, и всю живность ходячую и летающую. Ощутила и полюбила мир. И хоть не всегда мир отвечал на ее любовь и ласку взаимностью, до сих пор не утратила Тамара Тимофеевна девчоночьего восхищения красотой и гармонией его, сочувствия, сопереживания и понимания его бед и пороков.

Как уж там у отца с матерью случилось, одному Богу ведомо — наживши троих детей, расстались они и семьи новые завели. И у Тамары появилось еще трое, кровных только по матушке, ближайших родственников. Среди детей она была самой старшей. Тут уж хочешь не хочешь, а и против воли нянькой станешь: пятеро ниже тебя! Сопливые, плаксивые ли — но ведь такими восхищенными глазами уставятся, так беззащитно улыбнутся беззубым ротиком, курлыкнут что-то переливчатое да и горячей цепкой лапкой в тебя заякорятся — куда уж тут денешься: нянькой стать в ущерб своей вольности, вопрекор своим слабостям, прихотям и желаниям... У бабушки Пелагеи первой помощницей была, но зато уж и первой внучкой любимицей!

Хоть и Малой Муховкой село называлось, в детскую пору большим казалось, да и не мало было: дворов четырехста. Места лесистые, красивые, грибные да ягодные. Вода — что в родниках, что в колодцах-криницах — чистая да вкусная! И воздух — свежий, neodышливый, как счастье, — незамечаемый.

Но все в пору — до поры до времени. Малым стал казаться оком в Малой Муховке и глазу, и душе, и мечтаньям девическим. И уехала Тамара после восьмилетки к двоюродному деду, бабушкиному брату, в Москву. Был дед дорожником, и с его подачи поступила Тамара в Куйбышевский техникум транспортного строительства. На преддипломной практике была в Подмосковье, а направили на работу молодого техника-строителя в Тюмень, в трест «Тю-

мендорстрой», в числе 22-х других выпускников; как она попала в Мегион в СУ-920. Было это в апреле 1971 года.

Строительное управление было только что создано, все начиналось практически с нуля. Вот и лаборатории, начальником которой была назначена Тамара Тимофеевна, еще не было. Жилья тоже не было: устроилась на квартиру. Но был молодой задор, желание работать, а опыт и квартира — дело наживное!

Управление строило не только промбазу, жилье, но и прокладывало дороги. И надо было контролировать качество строительства. И он осуществлялся — необходимый контроль: лабораторное оборудование привезли из Тюмени, выделили помещение, заведующая — вот она: Тамара Тимофеевна! В течение семи лет: испытания, анализы, пробы, заключения, предписания... Выезды на трассу, работа с оборудованием, с бумагами... На трассу... В контур... И контакты с людьми: начальники, прорабы, мастера, водители, монтажники...

Но произошла на мегионской земле еще одна встреча, неожиданная по-земному, но неизбежная: запланированная там, на небесах!

И завершилась она, мы уже знаем чем: первой свадьбой в поселке дорожников СУ-920!

Так что в течение этих семи лет в жизни Тамары Тимофеевны было много другого и не менее интересного, чем работа! Еще бы! Дети родились — сын и дочка! Детсад-ясли открылись в поселке в самый раз: в первую группу попали! А теперь, верно, и внуки пойдут, если не загадывать, в этот же садик.

Семь лет — критический период в отношениях не только с людьми, но, видимо, и со всем остальным в мире: работой, природой... Не зря «семерка» постоянно во языцах.

Вот и Довганенки в 77-м году, на излете сибирской семилетки, решили попытать счастья на Украине — на Черкащине... Не было б проблем с жильем, может и остались бы там. Но проблемы были, и на следующий год вернулись они, в такое показавшееся родным вдалеке СУ-920 и зажили в Мегионе по второму кругу: Тамара Тимофеевна стала работать в... бухгалтерии.

Начинала она бухгалтером детского садика... Потом доверили ей вести материальный стол. А еще через некоторое время главный бухгалтер Нина Ивановна Медецкая предложила ей стать своим заместителем. Это была весьма ответственная работа. Но Тамара Тимофеевна не ленилась учиться (в школе, и в техникуме обучалась с удовольствием) и не стеснялась спрашивать. С благодарностью вспоминает она сейчас своих более опытных коллег, не жалевших времени и профессиональных знаний и секретов для ее становления как будущего главного бухгалтера. Помня об этом теперь, в свою очередь, по-матерински хозяйственно, ласково, может быть, даже с излишней заботливостью, словно насадка свой оперившийся, с уже прорезавшимися голосами выводок, опекает Тамара Тимофеевна молодых своих коллег. И они платят ей привязанностью и самоотдачей. Это прежде в бухгалтерии легко было работать, в нынешние же времена бухгалтерия — самый трудный, самый напряженный, самый нервный участок любого предприятия: здесь средоточие интересов каждого работника, сюда идет сброс эмоций со стороны всех, кто имеет дело с «юридическим лицом», именуемым АООТ «СУ-920»: работник, работодатель, заказчик, поставщик, субподрядчик, банк и всевозможные инспекции и фонды: страховые, пенсионные, налоговые и т.д.

Может быть, не очень хорошее сравнение, но я бы сравнил нынешние бухгалтерии (не все, разумеется, но вот эти — низовые, бухгалтерии предприятий, которые хоть что-то производят, приращивают национальный потенциал, валовой продукт!), сравнил бы их с госпиталями...

Только выражение глаз раненого, которому без наркоза ампутировали что-то или выбирают осколки, можно сравнить с выражением глаз работника, пришедшего за своей заработанной еще два месяца назад платой, и которому в очередной раз говорят: «Потерпи, дорогой! Голубчик, ну, потерщи...» (вспомните фильм с участием Бондарчука: хорошо, если все при такой операции только бы беззлобно ворчали).

И это при выполнении программы и сдаче запланированных объектов — производственники, слава Богу, и ру-

ководители ищут на конкурсной основе заказы и выполняют их. Бич сегодняшнего дня — неплатежи!

И хотя бухгалтерия — а под крылом у Тамары Тимофеевны семь человек — оснащена компьютерами, работы у них — сверх головы! Милые, симпатичные, обаятельные девушки и молодые женщины нередко занимаются сверхурочно, без какой-либо компенсации, за счет своего личного времени, заставляя страдать в ожидании их своих близких, родных и любимых. «Мы стараемся сильнее!» — вполне применимо к ним.

Сколько денег — безналичных и наличных, родных «деревянных» и разноцветных — прошло мимо, сколько «камешков» и «камней» проплыло перед глазами в музейных, магазинных витринах и на стендах, на пальцах, шеях и запястьях, но ни разу не вздрогнуло сердце Тамары Тимофеевны в жаркой зависти или желании обладать ими: не так воспитана! Полюбоваться драгоценностями — другое дело! К красоте сердце не глухо! И ум тоже. Вот музыка... Классика умом больше оценивается, а народная — сердцем. Цвет: бирюза нравится в камне, а темновишневый — в цветке...

«После мрака слепых непогод,
Затяжных, ураганных и выюжных,
Совершается солнца восход
В облаках серебристо-жемчужных.
Серебристо-сиреневый день
Занимается над Меггионом.
По снегам переливчатым — звень
Вперекличку с серебряным звоном.
Мир вокруг и прекрасен, и нов:
Воробей соловьино затенькал!
Сколько всюду жемчужных тонов!
Перламутровых сколько оттенков!..
Бахрома, канитель, кружева...
Блеск и трепет хрустальных подвесок...
... и моя — в серебре — голова.
И лишь голос — простуженно резок.»

Я полагаю: закончатся так же и «затяжные, слепые непогоды» базарного рынка, наступит «серебристо-сиреневый» рыночный день, и тогда работать Тамаре Тимофеевне и ее коллегам будет необременительно, и радостнее будут взгляд и улыбки их клиентов. И случится это до ее золотой свадьбы и серебряной — сына.

А пока, пользуясь случаем, поздравляю ее и супруга с серебряной свадьбой! И с другой «серебряной» датой: четверть века исполняется с того дня, как была она «повенчана» с другим «женихом» — Севером!

Я РОДИЛАСЬ В СИБИРИ..

«Jib meine Jugend mir zuruck!»

Gothe

В соответствии с Указом Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г., последовавшего вслед за постановлением ЦК ВКПБ и СНК СССР, советские немцы были выселены в Сибирь и Казахстан. Необходимость их высылки обосновывалась следующим образом: «В случае, если произойдут диверсионные акты, затеянные по указке из Германии немецкими диверсантами и шпионами в республике немцев Поволжья... Советское правительство вынуждено будет принять по законам военного времени карательные меры против всего немецкого населения Поволжья. Во избежание таких нежелательных явлений... переселить все немецкое население, проживающее в районах Поволжья, в другие районы, с тем, чтобы переселяемые были наделены землей и чтобы им была оказана государственная помощь по устройству в новых районах».

Во время войны мы жили на Алтае, в селе Косиха. Среди первых впечатлений той поры, поразивших воображение, наряду с длинногривыми, соловой масти монгольскими лошадьми, добывавшими из-под снега корм, американскими «Фордами» и «Студебеккерами», были и «вакуированные», как их звали, советские немцы с их непривычными — прямыми — коромыслами, яркими, в полоску, чулками, диковинными овощами, корнеплодами, среди которых — прижившийся сразу турнепс. Старшая сестра, общаясь на уборке турнепса с немцами, научилась их разговорному языку: жаль, что ей удалось закончить только восемь классов из-за гибели отца на фронте, но

она и сейчас, когда по телеку слышит немецкую речь, спокойно «щелкает» отдельные фразы. Позже, приехав после института на работу в Тюменскую область, встретился я с детьми и внуками тех немцев в Сургуте, Салехарде, в Ваховске...

А недавно, работая над материалом об АООТ «СУ-920», встретился и в Мегионе.

В списке ветеранов, проработавших в СУ-920 с момента его организации, т.е. четверть века, значилась Галина Федоровна Мигушкина, инженер-экономист.

Галина Федоровна — статная блондинка, общительная, без комплексов, с чувством собственного достоинства — ненавязчивым, естественным. Плавная речь ее, не без легкой самоиронии, была правильна, чиста, без словесного мусора. Но все же в отдельных словах, в интонации проскальзывал еле заметный прибалтийский — «вайкулевский» — шарм. Да и просветленная голубизна глаз напоминала о синеве балтийских волн.

«Вы не из Прибалтики?» — решил я прояснить ситуацию.

«Нет, что вы! — засмеялась Галина Федоровна. — Я родилась в Сибири. Хотя по матери я — немка. А по отцу — хохлашка...»

Предки Галины Федоровны по матери жили в Поволжье. Дед Яков Кауфман занимался заготовками, поставками, имел лучших в селе коней. Умница, всегда в курсе новостей и событий, не прочь был, покуривая трубочку, пофилософствовать. Все это Галина узнала от матери — Нагальи Яковлевны.

«Статью, конституцией я — в нее!» — замечает Галина Федоровна, сама она ни «гроссфатер»а, ни «гроссмутер» не застала...

Вместе с Нагальей Яковлевной были репрессированы и ее сестры.

Поселили ссыльных в селе Назимово, Ярцевского района, Красноярского края, на Енисее. Места красивые, а по широте — даже чуть южнее Мегиона. Не поэтому ли прикипело сердце Галины и ее сестер к мегионским краям как к родным!?

Отец — Федор Иванович Римбалович — из-под Запорожья. Он с 16-го года. Вся родня в гражданскую «вмерзла» с трех лет — по людям... Да и в Отечественную не спасло: попал в плен. И вот: из плена — в ссылку...

Мать — ссыльная, отец — ссыльный... Но ссылка — любви не запрет!

В Назимово они встретились и поженились — Наталья Кауфман и Федор Римбалович — и родили дочерей: Наталью, Галину, Татьяну...

Одна из сестер матери, Галина Федоровна, была мобилизована с мужем в трудармию и не только выжила, но и оказалась после войны в Бугуруслане, Оренбургской области. Она стала хлопотать и добилась вызова своим сестрам.

В 48-м году, знаменательном не только 800-летием Москвы, но и новыми ценами, после изнурительной, длившейся месяц дороги, годовалая Галина, переболев всеми детскими болезнями, даже оспой, прибыла в город первой любви — Бугуруслан...

48-й год! Время труднейшее. Во многих краях засуха второй год. Чтоб как-то выжить, отец на мельницу устроился, мать — в столовую. В землянке жили, углы снимали. И только в 54-м, когда Галина в школу пошла, выстроили свой домик.

«О, мама у нас — деловая! Крупная женщина, энергичная. Руки у нее — золотые! Все могла: стропила поставить? Печку сложить? Посмотрела — как у других? И сделала. Не хуже, даже лучше! Инженерная была у нее мысль. А трудолюбия, упорства — на двоих с избытком. «Эх, — вздыхала, — мне бы материальчика хорошего в достатке, усадьбу отстроила бы — как на Волге была (под Энгельсом)!» Но и на бугурусланских шести сотках она развернулась, все в нужной пропорции сажала, выращивала: вишню, сливу, крыжовник, терн, яблоньку... кукурузу, фасоль, горошек, кабачки, тыкву.

Глаз у мамы сметливый, хозяйственный, цепкий: во всем успевала, все примечала. За нами, детьми, следила: росли мы в чистоте, в догляде, приучались к труду, приобретали хорошие, полезные привычки... Настолько

мы под ее опекой были, что порой внутренне протестовать хотелось, но не решались: как так! Мамочку послушаться?!

В семье любили цветы, животных. Дом кишел братьями меньшими: собаки, кошки, ужи были, ежики...

В школе училась с удовольствием, но страшно переживала, когда что-нибудь не давалось. Любимые предметы: география, астрономия... «Жизнь животных» Брэма и все, что — про зверье...

В школе ввели одиннадцатый класс... Политехнизацию... Сначала — на пчеловода-садовода. Потом — подруга переманила на повара!

Черчение любила... Для себя — тушью рисовала, мама до сих пор альбом с рисунками хранит. С натуры рисовала. Вот черчение в жизни пригодилось: чертежницей на заводе работала, копировальщицей...

Немецкий знала. Из Оренбурга, из пединститута, приезжали: кто иностранный знает, без конкурса принимается. Куда — с нашей мамой. «Только в Бугуруслане или на заочный!» А у нас что? Только нефтяной техникум да знаменитое летное училище. Поступила в Челябинский заочный техникум — на планирование. Восемнадцати не было: работала на Бугурусланском заводе «Автозапчасть». В 69-м техникум окончила — стала техником-технологом...

Мать держала в строгости, чуть не в девять часов, едва смеркается, зовет: «Галюшь, домой!» На танцы стала отпускать едва ли не в двадцать лет! Вот такое пуританское воспитание. Ну, думаю, будут дети, не стану их так опекать...

Седьмого ноября в 68-м году познакомилась я с Валерой, а в марте 69-го он сделал мне предложение. Он работал тогда в гражданской авиации «технарем». «Летно-подпрыгивающий состав», — шутил он. Решительный он человек. Ведь мы всего-ничего дружили: пятый месяц, а он в один прекрасный момент и сказал: «Предлагаю руку и сердце!...» Говорю: согласие мамы надо.

Сказали маме. Она мне по-немецки: «Галюнь! Смотри: не скоропалительно ли? Ведь техникум надо закончить:

на сессию съездить!» Валера вспыхнул. При мне, мол, про-
егу говорить по-русски! А мама в его духе отвечает: если
молодой человек станет моим зятем, то он и по-немецки
будет знать! Нашла коса на камень.

А тут еще номер выкинули: собрались на север! Идея
была моя: Валера на разведку слетал в Нижневарттовск —
понравилось. С мамой чуть не поссорились: «Я из Сиби-
ри. вы — в Сибирь! У, чаддонка!»

Мы напрогив мамы домик сняли. Хозяйка нас заводит:
«Молодые пока — че сидите? В Сибири — такие дела,
стройки! Покажитесь — пока молоды».

Приехали в Мегион... Муж устроился в цех связи
НГДУ, я — в СУ-920. Старую почту знаете? Там дали кла-
довочку, барабан из под кабеля — стол, ящики, кушетка,
кресло... Накупила плакатов, сделала проймы, зубчики —
занавески, скатерти, салфетки получились, развесила —
оченно» даже красиво, уютно. А через пару месяцев
квартиру дали. Да сразу двухкомнатную! Радости было...
Мебели почти никакой, зато — простор, света много и
воздуха! Так что к октябрю родню «выписали»: сестра
Наталья с семьей приехала.

Какие все же тогда времена были! Вернее, какими мы
были!

Нет, в самом деле. Собралась за молоком, а тут — зво-
нок, пришел кто-то, практически незнакомый человек.

Говорю ему: проходите, располагайтесь, я не надолго
— скоро вернусь, тогда поговорим.

Без всякой задней мысли. В честности пришедшего че-
ловека даже на мгновение не усомнишься. Хоть и сто лет
его не встречал. И он знает об этом и не сидит на краеш-
ке стула — как бы чего не подумали! — ожидая тебя, а
приемник слушает, телек смотрит, книгу читает... Дохо-
дило до чего: к двери записку прикнопить: «ключ под
ковриком» и спокоен. И по ночам безбоязненно ходили...

А на работе? Друг друга не подсиживали: все в откры-
тую! Не боялись переработать, сделать и за соседа, и да-
же «за того» парня. Ошгтом делились бескорыстно. Все:
оклады, премии, наградные, — устанавливались гласно...
Вера была, стабильность.

Да, вера! Уверенность в завтрашнем дне. Как это все-таки много значит — уверенность в завтра. Отсюда — улыбки, смех, веселые лица! Вспомните наши демонстрации: открытость, радость общения! Дух дружбы витал, добра... Это сейчас, посмотришь, не демонстрации — озлобленная толпа! Даже по телеку чувствуешь недобрую атмосферу над ней. Или возьмите нынешние квартиры, подъезды... Разве это домашний очаг? Бункер: стальные двери, глазочки, запоры... Не дом родной — «вольфшанце»!

Хорошо, в нашем управлении стабильный коллектив сложился, дружный, не избалованный легкими заработками, «длинным» северным рублем: наша продукция — дороги — на виду: тут ни прибавить, ни приписать. В перестроечные времена были трудные моменты, но коллектив не распался, выдержал испытания. Где-то, может быть, лучше. Но ведь там люди дру-ги-е! Чу-жие! А здесь — все свои, все свое!..»

— А то, что вы — немка, мешало ли вам в жизни? Не матушке, а вам? — задаю деликатный вопрос. — Если неприятно, не отвечайте.

— Спасибо за «интересный вопрос», как нынче принято говорить, — усмехается Галина Федоровна. — Вопрос в самом деле интересный. Я вот девчонкам в отделе как-то рассказывала. В школе, до какого-то класса, когда все одинаково — бедновато — жили, как ни странно, дружнее были и добрее! Сейчас вот говорят: национальные разборки — потому, что бедно живем, богаче будем — перестанем. Вряд ли с этим соглашусь... Кто немец, кто еврей, кто русский, стали разбираться позже, вместе как раз с этими разборками: у кого больше добра, у кого меньше... И вообще, национальные отношения — самое, пожалуй, сложное дело. Даже в семье, в смешанном, как у нашей мамы с отцом, браке. Мама с папой старенькие ведь уже. Но мама легче: при деле! То в кирху, то в немецкий клуб... А папа скучает. Мама с ним мягко обращается, а тетка, хотя и шутя, но обидно для него, говорит: «В ФРГ уедем. А хохлов не возьмем». Тетя Лиза уехала в Дортмунд, пенсию получает (есть международное согла-

шение). Пенсия хорошая, не в пример нашей, жить можно безбедно. Молодежи — пробиваться надо, а пенсионеры спокойно живут.

Мама отказывается: если ехать, надо — подсчитала! — семнадцать человек с собой брать. Самое малое. Не буду ж, говорит, я среди чужих жить. А если серьезно, хоть мы с ней общаемся по-немецки: говорим, письма пишем, язык наш сильно отличается от литературного... Внуки у нее в гостях часто бывали, разговорный, с шутками-прибаутками, освоили...

— У ваших сыновей — чьи гены преобладают, ведь они через поколение передаются? — спрашиваю я.

— Ну... «орднунг», может быть... любим порядок, организованность. Но, думаю, от типичных мегиионцев-северян вряд ли сильно отличается уклад наш. И дети — типичные мегиионцы. Старший, Андрюша, после школы выучился на киповца. В армии отслужил, заканчивает медучилище. Он круто развернулся: из слесарей да в лекаря! В мединститут готовится. Младший, Сережа, в Нефтяной Академии, третий курс заканчивает... По семейной традиции, любят животных... Не пьют, не курят... Оба — спортом занимаются, модным ныне культуризмом, боевыми искусствами... Языком иностранным младший всерьез занимается, сожалеют, что немецким в полном объеме не овладели — литературным, имеется в виду. Осознали! А ведь «Ура!» кричали: «Я — французский!» «А я — английский! Ура! Мама не проверит!» Сейчас без знания иностранного языка специалистом полноценным не станешь, я рада, что мальчики понимают это...

А какие они патриоты Мегииона, знали бы вы!

Когда-то у нас появилась возможность переехать в Нижневартовск: мужу приличную должность предлагали, квартиру более просторную. Я колебалась, сказала: как дети решат. Они воспротивились: у нас здесь друзья, школа! Останемся в Мегиионе. Так и остались. И не зря: Мегиион все равно лучше! А может и гены сказались: хоть наши предки и не боялись дальних дорог, но и не были «перекапти-подем». Ведь на одном месте и камешек обрастает!

И, конечно, будем мы жить лучше когда-то, чем в наши комсомольские времена, но я бы вновь хотела в них вернуться! «Jib meine Jugend mir zuruck!»

«Я родилась в Сибири!
И вновь в Сибири я.
Сибирь мы полюбили:
Родные и друзья!»

В СВОИХ ДЕТЯХ СЕБЯ УЗНАЕМ

«Нет уз святее товарищества.»

Н.В.Гоголь

Людмила Кузьминична Крохмальная, смуглая, чернявая, быстроглазая украинка; речь ее то плавна, то быстра, горяча, убедительна своей напористостью — когда предмет разговора задевает ее за сердце.

Молодой специалисткой, без малого четверть века тому назад, приехала она в Мегион, в строительное управление № 920, где и работает до сих пор в планово-экономическом отделе инженером-экономистом.

А родилась Людмила Кузьминична на Полтавщине, в благодатных краях, воспетых Пушкиным, Гоголем, Шевченко... Предки ее жили на полтавской земле испокон: в семейной памяти, по крайней мере, хранятся имена дедов и прадедов, все они — украинцы, полтавчане. Известно также, что были они трудолюбивы и жили зажиточно, оседло, держались вместе, кулаком, но, при случае, не боялись податься в чужие края, храня в сердце любовь к «батькивщине».

Людмила Кузьминична в шестнадцать лет вышла в мир из-под родительского крова: поступила в техникум. В одиночку, может быть, не решилась бы, а с подругами — хоть на край света!

Вроде бы и быстро пролетели студенческие годы, но они для Людмилы Кузьминичны — целая жизненная эпоха: вот эта часть — под маминым крылом, вторая — студенчество, а третья — все остальное, т.е. работа в СУ-920. И еще. Замуж вышла — молоденькой студенткой!

Все было внове, впервые. И — что интересно — в голько что образованное управление она приехала первым молодым специалистом, и в первый декретный отпуск в истории управления пошла она.

История приезда Людмилы Кузьминичны в Сибирь очень характерна для своего времени — конца шестидесятых, начала семидесятых годов, разгара сибирского «бума». В Сибирь ехали бригадами, буровыми управлениями, строительными организациями — с Украины, Белоруссии, из других республик. Это сейчас многие иронизируют, даже зубоскалят о тех временах, но тогда, мне кажется, ветер пах энтузиазмом, вся земная ноосфера или часть ее — над Сибирью, над СССР — была напитана будоражающим запахом тайги и сосущей глаза синью необъятных пространств...

«Вот. Слушайте внимательно! — говорит Людмила Кузьминична. — Было нас четыре подружки. В техникуме. Не разлей вода. Потом — четыре пары: замуж повыходили. Пришло время распределения на работу. Мы говорим: только все вместе! Нам предлагают: есть шесть мест в Тюмень, в трест «Тюмендорстрой». Поехали. Я — одна, муж еще учился. В нашем же техникуме. В Тюмени говорят: два места в Мегион, четыре — в Стрежеево. Да рядом, говорят, видеться сможете...»

Людмила Кузьминична встает, прохаживается по кабинету и некоторое время задумчиво смотрит в окно — в заобскую, сизоватую в предгрозье, даль...

«Мы — я и Таня Плужник — в Мегионе. А две пары — Глобины и Наказники — в Стрежеево. Обжились. В гости стали друг к другу ездить. Мегион и наш поселок — СУ-920 — в сравнении со Стрежеевым проигрывали, конечно, но мы, как кулики свое болото, хвалили его, хвастились: Мега рядом, Обь... Тайга... Кедрачи... А люди: чудесный коллектив подобрался! Хотя, по справедливости, и Стрежеево нравилось: чистота, порядок... дефициты там, продукты и вообще... честно распределялись... Кто заслужил, получи! А мы... Молодые специалисты: с чемоданчиками приехали, ни ложки, ни поварешки, ни подушки, ни укывашки, — все со Стрежеево привозили...

Хотя и в Мегионе, в сравнении с «большой» землей неплохо было. Да! Не говоря уж об отношениях между людьми... Сейчас до чего страну довели. Куда ни кинь, всюду клин. Как специально... Даже неумехи-кухарки не довели бы! А Чечня?

Да правильно делают те матери, которые не пускают туда своих сыновей. Мой, если бы отказался ехать в Чечню, на такую резню, я бы его не осудила! Помогла бы! Что за мать, если не будет за своего сына заступаться?! Да если б он даже какой проступок совершил, и то бы стала вытаскивать его! Это право матери — любить и заслонять свое дитя!»

(Вот когда я ощутил напор энергии, идущей от ее голоса, глаз, мимики, жестикуляции. Хорошо бы, подумал я, почаще видеть и слышать матерей нашим властью имущим: глядишь бы и конфликтов было меньше, и терапия была бы терпимее.)

«А дети... что? Дети... На моих ребят можно повлиять только добротой, они не принимают приказного порядка, грубого или громкого голоса. На них — добротой! И хоть у меня сыновья — в их характерах, в поступках — себя узнаю. Нас — молодых, юных!.. Верно, с детства прививали мы им честность, порядочность, приверженность долгу, но больше всего — ценить дружбу, беречь ее, не потакать своим слабостям, прихотям...» Людмила Кузьминична усмехается: «Себе на голову, другой раз! Что вокруг старшего друга кучковались, что сейчас — возле младшего... Старшему советовала: поезжай, сына, говорю, туда-то, там краше. Нет, уперся, я, говорит, только с другом: куда он, туда и я. И другой сын также все с друзьями, не желает один никуда. И на будущее планирует: с друзьями!

Взгорячишься другой раз: хочется настоять на своем, да вспомнишь себя, рассмеешься: да это ж твоя кровиночка, частичка души твоей — только в другом обличье!»

«Ридну батькившину?» — Людмила Кузьминична ожилилась от моего вопроса. — Как можно! Не забываем: каждый отпуск — одну неделю, самое малое — у одних родителей, столько же — других. Это уж обязательно. Жаль, что сейчас это становится проблемой. Да образуется, может быть. Поскорее бы только: ведь нам и сибирская сторона дорога — вторая родина, наша, родина наших детей, но и та, земля предков — тоже. Много нас, кто так вот, на двух землях стоит, что ж теперь — разорваться нам, что ли?.. Не можно. Одна надежда: дети вырастут и договорятся друг с другом — чтоб «краше було!»

ЛИКИ ТВОРЧЕСТВА

«Жалок человек,
не знающий радости.»
Барнарз Шоу

Стараниями многих «певцов» и «знатоков» севера, претендующих на лавры первооткрывателей — не менее, создан определенно-негативный образ северянина.

Если это абориген, будь то хант, ненец или русский, потомок старовера, беглого, ссыльного или переселенца, то обязательно алкаш, дикарь, наивняк, трудяга и рубаха-парень. А те, кто удвоил население тундры и тайги во время нефтяного бума, не лучше, если не хуже: погнались за длинным рублем, в отношении выпивки и аборигенам фору дадут, ну, честны там, отзывчивы, бывает, но в массе, мол, в лучшем случае, хорошие специалисты, технари, с эстетической же точки зрения, по культурному уровню, духовным запросам — «чукчи» и «алеуты». Поохотиться, порыбачить, «дернуть» и уткнуться в телик. «Русская водка, черный хлеб, селедка!..»

Сами северяне тоже способствовали формированию имиджа и поведением, особенно в отпусках (эдакие купринские купцы-сибиряки или мамин-сибиряковские бродяги-старатели, в бархатных онучах), и самоуничижительными откровениями...

Но это не так: по пене нельзя судить о потоке!

Северная природа — приглядна, а уж северяне — и по давно!

Просто не нужно быть «ленивым и нелюбопытным» и увидишь: земля прекрасна и обильна, а люди трудолюбивы и талантливы, неброски и скромны.

— А вот это... Юрий Федорович сотворил, когда в шестом классе учился.

— Наталья-старшая подала мне лаковую шкатулку, инкрустированную золотистой соломкой. — Подарок! Матушке своей Александре Ивановне на день рождения. Вон еще когда талант у Юрия Федоровича прорезался! — голос Натальи-старшей виолончельно низок и плавен, интонационно-своеобразен: ударные гласные нараспев, особенно в конце фразы. — Шедевр прикладного искусства, правда? Она подчеркнуто иронична, мужа называет официально по имени-отчеству, но в лукаво брошенном взгляде — ласка, любовь и гордость за него.

— Да уж, шедевр! Ученическая поделка... — Юрий Федорович смущенно и от того басисто возражает. — Вот посмотрите: работа «конкурента» семейного по резьбе. Наталья-младшая, дочь, сработала. Рамочка, конечно, небольшая, орнамент несложный, но... простым ножом выполнен! А дело было так. Загорелось Наталье попробовать себя в резьбе. Просит: «Папа, дай инструмент!» «Нет, — говорю, — дочь, ты ножичком попробуй, а я потом посмотрю: стоит ли тебе инструмент доверять». Думал, не решится. А она, раз — и сделала. Куда деваться? Допуск к инструменту заслужила.

Переполненный впечатлениями, удивленный, восхищенный, ошарашенный многоликостью творческих дарований Юрия Федоровича Мишина, его супруги Натальи-старшей, младшей дочери Натальи, я сидел уже много часов в тесной, заставленной будущим антиквариатом квартире, а из «запасников» извлекались все новые и новые «экспонаты» народного творчества, высокого ремесла и самого настоящего, с моей гочки зрения, искусства...

Юрий Федорович Мишин в Мегроне двадцать пятый год и работает в одной и той же организации с момента ее образования — в СУ-920. По этому поводу встретились мы с ним в бытовке столярного цеха, прокуренной и неудобной.

Поначалу Юрий Федорович отнекивался: да зачем, мол, про меня? Поинтересней люди есть. Потому и рассказывал скупо.

Родился в Красноярском крае на станции Ужур, это между Абаканом и Ачинском, в сентябре 36-го года. Отец Федор Алексеевич был кадровым военным, мать Александра Ивановна домохозяйничала, как обычно жены военных. Отца перебрасывали часто. Родом он из Оренбургской области. Деда и прадеды были хлебопашцы, в гражданскую погибли. Родня по матери — тоже оренбургская. Финскую войну отец начинал лейтенантом, Отечественную закончил майором. Перед уходом в запас служил в КомиАССР, в 48-м вышел на пенсию и построил дом на родине предков — в Бугуруслане на Оренбуржье. Две сестры, учительница и фармаколог, кстати, до сих пор живут в тех краях.

...Красноярский край: Ужур, Багатол... КомиАССР: Сыктывкар... Оренбуржье: Бугуруслан... Пономаревка... Музыка слов, рельефность звуков, светотени слогов... Не в них ли истоки многоличья интересов Юрия Федоровича? Разные, непохожие один на другой, ближние и дальние планы и горизонты, краски конкретных предметов и колориты целых сезонов: весны, осени, лета и зимы?.. Интонация, тембр, теплота, плавность, холодность, созвучность — голосов соседей, случайных прохожих, собак, птиц, шума крон, порывов ветра, шорохов трав, шагов, шелеста дождя?.. Где они — истоки творчества, побудившие мальчика взять в руки ножичек острый, рубанок, кисточку или карандаш, чтобы материализовать те чудные, радостно-грешетные видения, которые пока только в голове, в душе, от которых, в страхе, что они могут навсегда не воплотившись, исчезнуть, так бьется сердце?..

Может, скорее, в необходимости испытывать радости самому и приносить ее другим?

Юрий Федорович помнит: во время войны они жили в Багаголе в огромной, на самом деле или это так казалось от его малости, комнате, и мать каждый раз под Новый год устраивала своим и соседским детям елку, от которой надолго оставалось ощущение радости, праздника...

Не желание ли доставить — ответно — радость матери двигало его благодарным мальчишечьим сердцем, когда он мастерил шкатулку, о которой я уже упоминал? И многие

многие другие подарки, вещички, безделицы: родным, близким, друзьям, знакомым и просто так, для красоты, чтоб время не тратить зря, или иной раз потому, что рисунок капа понравился, фактура камня, изгиб сучка, форма коровьего рога прельстили, цвет закатного неба смутил...

Но вес это — на уровне подсознания, в крайнем случае, «про себя» — среди всяких фантазий и несбыточных желаний и мыслей о своей самобытности, избранности. А «вслух», в многолюдной реальности — как все! В самом деле: один танцует, другой поет, третий финтит... Все как все! «Простые» люди! Потому и мысли не было учиться мастерству специально: что есть от Бога, то есть.

После школы в институт не поступил, и потому вскоре был призван к себе военной музой: в морскую авиацию, на Дальний Восток (чуть в подводники не угодил). На Сахалине, в Корсаково, закончил школу младших специалистов (ШМС) по обслуживанию электрооборудования самолетов; служить пришлось в Совгавани на базе стратегических бомбардировщиков.

Служил Юрий Федорович, как и все сызмала делал, со старанием, любопытной приглядкой и интересом; всякое случалось за трехлетнюю службу, но жалости к себе и уныния за напрасно потерянные годы не испытывал: жил полнокровно; помимо всего, скрашивались эти годы неповторимым чувством солдатской дружбы! Располагал к дружбе его доброжелательный характер, чувство юмора, самоиронии, конечно: золотые руки, которые могли из ничего сделать картинку (из консервной банки — удивительной красоты светильник или пепельницу, из куса плексиглаза — мундштук, рукоятку или шкатулку с изморозью).

«Демобилизовавшись, приехал я в Бугуруслан, — вспоминает Юрий Федорович, — поступил на радиаторный завод, стал работать на электрошовой машине... Встретил Наталью, женился. Мать у нее — из поволжских немцев, самостоятельная женщина такая. Две сестры. В 71-м одна свояченица в Мегион уехала, пишет — понравилось! Зовет к себе. Прилетел в гости, по городу иду — воздух чистый, расположение приятное, компактное. В магазинах — яблочки румяные, венгерские. колбаска там, сыр, мас-

до, мясо, сгущенка, гушенка Шмотки — тоже в «ассортименте», вплоть до полушубков и унтов. Как говорится, чего душа пожелает — есть... Приезжаю домой, говорю Наталье: «Едем!» Она было: «Не срывай меня!» Я говорю: «Поедешь!» Моя взяла: собрали чемоданы, ждем вызова... И вот — вызов! Приехали 31 октября, а с 1-го ноября вышел я на работу в СУ-920... Числился маляром, а занимался и оформительскими работами, и малярными, и живописными. И плотничал, и столярничал... И кузнецом был. В общем, кем только не был за двадцать пять лет.

Юрий Федорович рассказывал скупо, даже неохотно. Возможно, сама обстановка курилки не располагала, к тому же постоянно заглядывали люди.

И только когда я попросил рассказать о работах, сделанных для души, а я интуитивно был уверен, что они есть, он оживился и пригласил к себе домой: не только он, но и дочь рисует!.. Показать есть что.

И вот, благодарный себе за проявленное любопытство, я в течение нескольких часов рассматриваю «разноликое» творчество семейства Мишиных...

...приклад «вертикалки», сделанный из капа... нет, не «сделанный» — «сотворенный»! — из удивительного, с непредсказуемо-малахитовым узором, березового нароста — капа... Не говорю уж о совершенстве формы приклада, птиц, масок и других изделий из березового чудоматериала, изваянных мастером, другого слова не могу употребить, свидетельствующих о его скульптурных способностях, но чтобы почувствовать внутренне строение капа, хаос его скрытых от глаза поверхностей и объемов, нужно интуитивное всепроникающее зрение бажовского Данилы-мастера...

...Натюрморт «Полевые цветы». Своеобразная, теплых тонов, цветовая гамма. Натюрморт хорош, композиционно уравновешен и, к тому же, «написан»... семенами злаковых растений!

— Дочь, это дочь сотворила... младшая Наталья... В Санкт-Петербурге сейчас, на учебе... — Юрий Федорович добродушно усмехается. — Ну, не поверите: преподаватель музыки ведь, а когда дачу строили, смогрю как-то —

она молотком — забор делала — вот так, что с правой, это с левой! — он приподнялся и, как заправский мим, изобразил, как дочь, перекидывая молоток из руки в руку, играючи, словно пальчиками по клавишам — «форте» и «аллегро» — вгоняет гвозди с одного маха. — А вот еще ее работа — маслом...

Передать картину художника словами невозможно, но невозможно и отказаться от этой попытки: слова так или иначе дадут представление о ней и дополнят даже ее, и она заживет в новой — словесной — ипостаси.

...Типичный — приобский — пейзаж: безбрежные сора вокруг, а это — твой, словно в закоулках всемирной души, обетованный уголок, недоступный постороннему глазу: здесь, у поросшей рогозом неяркой протоки, ты можешь порыдаться о своей шлопутной, как братец-Иванушка, судьбе, или, наоборот, излучить избыток радости...

...Аллегорическая картина: дитя, выбегающее из лесной чащи и Ангел-хранитель над ним...

Своеобразная манера письма или стилизация? Влияние «школы»?..

Юрий Федорович все просто объясняет: «Да не училась она... Как с резьбой — взяла краски и начала рисовать.»

Я возразил: «Не скажите! Ни с того, ни с сего вряд ли получилось бы. Исподволь, сызмальства наблюдала за вами, мысленно набивала руку. Влияние домашней ауры! И с музыкой... Наверняка, кто-то из родителей музыкален?..»

— О, «я», «я»! — поддержала меня Наталья-старшая. — Музыку все любим. Это уж так в роду повелось: поем, играем на инструментах. Шьем, кроим, вяжем! Хотите, сейчас покажем нечто другое. Юрий Федорович, — в голосе Натальи-старшей прорезалось нечто, позволившее мне задаться вопросом: а кто ж у них в доме хозяин? Или — очередность? — Где «фото-модели» наши? Прошу — покажите гостю!

Наталья-старшая исчезла. А он принес пачку снимков.

Прежде чем хозяин стал их раскладывать, я услышал голос его жены из-за спины: «Модель осеннего сезона-95 Вечерний костюм... «Кутюрье» — Наталья-старшая!»

...Сейчас такие моменты есть возможность запечатлеть: видеокамера! К сожалению, тогда не было такой

возможности. А жаль. Чтобы описать — слова и нашлись бы, может, да негде: на полях, что ли?

Пока я рассматривал снимки, на которых в роли топ-модели выступала Наталья-младшая, и слушал комментарии, ее «кутюрье» успевала и подчеркнуть особенности демонстрируемого дочерью образца, многократно отраженного в зеркалах, обрамленных резьбовой рамой, сработанной руками довольно бубукающего отца, и переодеться, и предстать нашим взорам...

Описывать изделия Натальи Мишиной-старшей — это все равно, что порочить новизну технических изобретений публикацией рацпредложения в многотиражке... Я с этим сталкивался, поэтому — не буду... Кто заинтересуется, пусть имеет дело с ней и авторским правом.

Выдав свой «секрет», проявившись, Наталья-старшая, тем не менее, стала еще более загадочной.

— О, «я», «я»! — засмеялась она полнозвучно. — Не только русская, но и немецкая душа — загадка! Особенно — женская! Юрий Федорович, сколько уже?.. — подалась она к мужу.

— Да уж... — ответно подался он к ней.

— Он меня — за столько лег не разгадал, а вы — за несколько часов хотите?.. Будем считать: никакой загадки нет! Есть человек. Хотя, как отец народов говорил: пока есть человек, есть вопрос...

— Давайте споем! — вдруг предложила она. — В самом деле: песня — она ведь не от тоски, от радости. А высшая радость в том, что жизнь — есть! Не надо нам сорок машин и десяток квартир в престижных районах. Хотя и надо бы квартиру сменить: в этой живем с 73-го! В скобочках: не он, а я получила. Работала бухгалтером в «УМ-5». Сначала мы у сестры с год квартировали. А потом уж сюда: на три семьи. Сейчас нам втроем — тесно, а тогда — три хозяина. И ведь весело жили! А уж когда одни остались — тем более. Юрий Федорович, видите, в детской, и здесь, в гостиной, часть стен расписал...

— Так ведь как тогда строили! — прерываю Наталью-старшую, рассматривая в детской росписи на темы популярных мультфильмов... — Про росписи — не говорю..

— поправлюсь. — Но ведь штукагурке на брус — чуть не четверть века?

— Да... Так... — из-за плеча басит хозяин.

— А вот это... — достает он из-за ковра толстую деревянную панель, — начал было спинку кровати резать да что-то охладел... Сучки вон тут... То...се...

Поглаживая толстую, в два дюйма, не менее, клееную, видимо, обласканную до атласности, панель, с замысловатым растительным орнаментом, частью уже прорезанным — плоскостным пока — рисунком, ждущем приобретения третьей координаты, третьего измерения — нового для них сейчас, как для нас, к слову, — четвертое! — только тогда я понял: что такое резьба!

Впрочем, нет, не понял: приблизился к пониманию! То, что это — терпение и труд, догадался. Но чтобы принять, самому надо попробовать...

И это будет — соучастие.

Нельзя говорить о доброте — не бывши хоть единожды добрым.

Злым — можно быть безучастно, но еще нельзя принять «априори».

Доброту и радость — можно.

Но труд, творчество — только сопричастно!

Труд и творчество рядом.

Оба они — многолики, но в основе и того, и другого — радость.

Нотная бумага, кап, кадровая доска, газетные поля — мало ли на чем можно запечатлеть лик живущего на земле.

Но высшее проявление творчества — благоустройство мика земли.

Взгляните на тот земельный микрокосм, принадлежащий семейству Мишиных: он многолик, как многолико творческое начало человека.

«Для счастья нужно устать», — сказал классик.

Мишины с этим согласны.

РЖАВЬ ДО БЛЕСКА ЗАЩИЩАЙ — И ТОГДА ТОЛЬКО ПАЯЙ!

Этот невысокий пожилой человек понравился мне сразу неспешностью движений и суждений, их уверенной определенностью.

Человек этот — Марманов Егор Константинович. Работает он в АООТ «СУ-920» с момента организации управления, т.е. с 1971 года. Начинал машинистом бульдозера, потом, после инфаркта в 84-м, по сей день — медником в РММ (ремонтно-механических мастерских).

Родился Егор Константинович в 30-м году в Крыму, недалеко от Симферополя, в сторону Феодосии — в лес, в горы. Совхоз «Ягодный». Отец, мать — местные, крымские. Отец из Тавдаира, мать — из Спиридоновки. Соседи: села в Крыму метров через 500-700, а то и вовсе сливаются.

Отец, Константин Павлович, с 13 лет сиротствовал. А по матери, Шуре, деда своего Егор Константинович помнит: добрый был дед Тимофей, хотя мог и отгнать внука хворостиной, если тот заработал. Из разговоров Егор Константинович знал, что и прадеды жили в Крыму, родовые корни, возможно, уходят в далекие потемкинские, екатерининские времена.

— Так вы — украинцы? — неосторожно спросил я.

— Нет! Мы — русские. И отец с матерью, и деда — все русские. По-русски говорили и говорим. Без «нехай» и «мабуть». — Марманов усмехнулся, мотнул головой. — Почему-то принято считать: родился на Украине — обязательно хохол, на Дону или Кубани — казак. Нет, мы — русские! — повторил, как припечатал.

Дед, а потом и отец, до колхоза, лошадей держали, извозом на жизнь промышляли. Отец и в колхозе с лошада

ни занимался, а мать — на всяких работах: куда пошлют. Места предгорные, на равнине — пшеница, ячмень, овес, во балкам — сады. Виноград рос, для своих нужд. Лаванду, шалфей, розу обихаживали — школьниками лепестки собирали. А больше всего — плантации табака!

В школу Егорка пошел в 37-м, начальная школа в соседнем селе — с километр, семилетка — в другом, за три кмэ. Ходили ватажкой. Что осенью, что по весне, — вокруг такая благодать, а ты — сиди за партой. Поэтому учеба особо не тянула, и мальчишки частенько пропускали уроки: забирались в табаки и играли там. Как увидят, что девчонки из школы идут, перехватывали их, садились в круг и переписывали все, что было в школе и что на дом задано. Да мать не проведешь: «Опять по табакам шастали?» — не по запаху определяла, а по вощине: на одежде от табачной пыли лоск такой наводился — не стряхнешь, не ототрешь! Липкий табак-то...

Жили Мармановы по тем временам сносно: дом каменный с балконом и верандой. В сарайке корова, в свинятнике — кабан. Земли пятнадцать соток. С сеном не было проблемы: лесники — за половину от накошенного — разрешали заготавливать. Все бы ничего, да пошли напасти: отец ушел, а потом — война... Егор самый старший: одиннадцать лет! Сестрам, одной — восемь, другой — четыре. Пришлось ему после начальной школы идти работать коноводом (по семейной традиции получилось — с лошадьми!).

Земля в их краях хоть и щедрая, но для вспашки тяжелая: каменистая. Поэтому в плуг впрягалась четверка лошадей, цугом по паре: на передней паре и сидел коновод. Точно так же, по сезону, — на сенокосилках, конных граблях, лобогрейках. В ночное лошадей не давали, а купать — негде было: водой из ручья побрызгал и пучком травы протер — вот и все купанье.

А тут еще и оккупация...

Как в оккупации оказались и не заметили: кто-то сказал, что в соседнем селе — немцы... Пацаны тут как тут: побежали смотреть. Потом и у них в селе фрицы останавливались, в основном проходящие, в домах получше — офицеры, в других — гоже по старшинству. Некоторые

были ничего: и угостят, и на гармошке сыграют, и фотокарточки родных покажут, а другие — орут, чуть что, пинка под зад. Скажут: вот эту курицу — в бульон! А она — несушка. Хозяйка другую предлагает, нет, упрутся: эту! «Мы, пацаны, будто ловить, а сами разгоним и в колхозный сад на четвереньках и — поминай как звали! Они сунутся — а там колючий терн, да и отступят».

По соседству, вперемежку, татарские аулы были. Мирно жили. А вот при немцах все полицаи — татары, вот они — перед немцами выслуживались. А в остальном — как при колхозах, только не колхоз — а община была, и не председатель — а староста. На работу ходили как раньше в колхоз или в совхоз. Налоги немцы тоже драли: сдай то, сдай это... Школы, больницы действовали бесплатно... Не как сейчас... к слову.

Дом в Тавдаире во время войны сгорел, жили в Спиридоновке, у бабки по матери. Дед работал мельником, в голодные годы помогал. Егор с двоюродным братом Иваном придут к деду в сумерки, тот хоть жменьку, да вынесет им муки или пшенички. (Брат хоть чуть младше, но к наукам, особенно математике, был способнее: закончил со временем институт, работал первым главным инженером СУ-920, он и вызвал Егора Константиновича в Мегион).

После войны колхозы объединили, а как татар выселили — совхоз организовался на их месте.

Выселили их за одну ночь: вчера — еще были, проснулись — нету...

Чуть подрос Егор — в прицепщики пошел, а через два года, с 49-го — до приезда в Мегион, т.е., до 71-го, — трактористом.

Служил на Курилах. Приятных воспоминаний мало: ветер и снег соленый, глаза и щеки разъедает. Да еще цунами достает, после одного из них пехоту с Курил перебросили на Южный Сахалин, остались пограничники да авиаторы.

После армии вернулся в Крым: жили у бабушки в Спиридоновке, а ходили в клуб (дело ж молодое!) в Мазанку, в совхоз. В клубе патефон заводили, а два раза в неделю — кино крутили. В клубе и с женой встречаться стали.

«Потом смотрю — не приходит. Подругу спрашиваю: что такое? Она говорит: ходить боязно. Пусть приходит, сказал, нечего бояться: провожу. Она и пришла. Проводил ее, и стали встречаться. Свадьба была хорошая: вся родня съехалась. День погуляли, похмелились да и опять за работу. Было это в 55 году...»

— Егор Константинович! — да у вас же в этом году юбилей: сорокалетие.

— Выходит, юбилей! — соглашается он.

— Когда отмечаете?

— А это уж как жена решит... Она здесь же, в управлении, штукатуром-маляром трудится. Мы ж с ней, как сродный брат пригласил, вдвоем приехали: дочери — в школу обе ходили — остались у бабушки...

Сейчас-то они уж давно семейные: пятеро внуков у нас! А тогда-то, как приехали, определился машинистом бульдозера: у дорожников бульдозер — основной механизм! А бульдозерист, экскаваторщик да водитель — тройка, на которой все управление катит! Ясно, что и другие — не просто сбоку припека, но все же... Много северной землицы потревожил за четырнадцать неполных лет, гору, чай, порядочную суглинку, торфа, песочка да и гравия переместил, не один овраг заровнял, да и не одно деревцо подмял под себя...

Егор Константинович помолчал немного и продолжал:

— Случалось и деревенские профессии вспоминать: на заготовке ли сена подшефному совхозу, на уборке ли картофеля.

Из начальства, своего, — главного механика Аншилова вспоминаю. Да... И технику знал, и технологию ремонта... И вообще: исключительный был человек, память феноменальную имел: случись какая поломка у любой техники дорожной — деталь скажет, номер подшипника назовет, и все — тика в тик! А эти — шарятся-шарятся по каталогам, книжки листают, и частенько пальцем в небо попадают.

Из начальников управлений — Тулинцев выделялся. С утра — обондеет все участки, во все вникнет, к рабочему подойдет, спросит: как, что, чем дышишь? Ярошенко, конечно. Тот долго работал и много сдвинул и по посел-

ку, и по производству. Всяко, конечно, было, но поговорить, поздороваться с рабочим человеком — не брезговал. Сейчас вот Андреев... Может, и ничего мужик, но другой раз — с кем надо, поздоровается, ты будешь рядом стоять — в упор не увидит. Или возле конторы стоишь: из машины вышел, голову вниз и — молча мимо...

А медником стал незаметно, исподволь... Получилось — как? Сначала, по мелочи, себе сделал: лейку, воронку. Жестяное дело попробовал: трубу, колено, ведро. Тот просит, другой. Сделал. Лудить обучился, уменье приобрел. Так и пошло... А как инфаркт получился (не охота вспоминать: с главмехом поссорился), медницкое дело — хобби, но нынешнему, — и выручило: медником стал.

Сама по себе работа — может и не такая уж сложная, но как и всякая, — тонкости имеет и по материалам, и по технологии. Но обязательное условие качественной пайки, лужения — тщательная подготовка поверхностей, грязь, ржавь, прозелень должны быть удалены, прилегающие поверхности — зачищены до блеска! Не поленишься, не поспешишь — будет пайка герметична на веки вечные! А если тяп-ляп — вся работа насмарку, небрежение уже не исправишь: либо выбрось, либо спаивай и начинай сначала...

Со своей профессией (или хобби?) — Егору Константиновичу нынче впору собственное дело открывать: заказчики найдутся и на лейки, и на починку радиаторов. Может поэтому он так независимо и держится? Или — дело к пенсии? Ведь с учетом колхозного — коноводом — стажа, более полувека оттрубил на благо России. По мне — дай ему Бог здоровья, пусть так и держится: все мы когда-то будем такими независимыми. Особенно, если научимся, начиная любое, — частное ли, общественное, государственное ли дело, в масштабах семьи, предприятия, села, города или государства, — тщательно его готовить, до блеска защищая от аллегорической грязи, ржави и прозелени...

P.S. Пока очерк «вылеживался», ждал своего выхода в свет, Егор Константинович Марманов умер от инфаркта в начале января 96-го, — високосного! — года. Да будет ему земля пухом, а память о нем светла.

ТЕХНИКА — ПРОФЕССИЯ МОЯ И ХОББИ...

Фролов Александр Аркадьевич — начальник РММ (ремонтно-механической мастерской) акционерного общества «СУ-920». А в момент нашего с ним разговора — еще и исполняющий обязанности главного механика.

Александр Аркадьевич ныне — ненавязчиво симпатичный, зрелых лет мужчина, без крючковской — в «Трактористах» — нахалинки, но — типично русский, вернее, сибирский, северный, механик.

Родился он в трагический для родины — сорок первый — год, на второй день после Рождества Христова, которого в те времена почитать не полагалось: считалось, что достаточно поклоняться своим — земным — вождям. Родись он на день раньше — позже, как говорят астрологи, стал бы он, возможно, кем-то другим. Но так уж было угодно судьбе, что родился в селе Черновке, что раскинулось двумя тысячами дворов в пойме речки Кинель, притоке Самарки, Саша Фролов 8 января и стал, со временем, механиком — по профессии и духу.

«Мы — самаровцы...»

У нас в группе было двое студентов из Куйбышева, но они упорно называли себя «самаровцами». «У нас, в Самаре...» Сколько гордости было в их словах! Шел 56-й год. И Самаре еще очень долго надлежало быть Куйбышевым.

Саша не помнит: был ли ярым «самаровцем» отец, но знает, что отец и до войны работал водителем, и на фронте, «объезжая мины», возил на своем «ЗИС»-ке и бомбы,

и ГСМ, и консервы под названием «второй фронт». А после демобилизации в 46-м году — тоже не бросил «баранку»: шоферил в колхозе до самой пенсии! Мать работала — «куда бригадир занарядит». Жили они и тудились всю жизнь в колхозе с символическим названием «РОССИЯ». Имели половину «пятистенки».

Потом отец взял в банке ссуду, три стены у «пятистенки» и — чуть в стороне — построил свой дом: прихожая, кухня, горница. Не велики палаты, да свои!

Было это до начала строительства малогабаритных, народных квартир, презрительно называемых сегодня «хрущобами». А после «коммуналки» да «пятистенки» с общими сенями — казались они «райским шалашом»!

В батькиных хоробах жил и познавал школьную и житейскую науку Саша Фролов.

После девяти классов уехал он в Чапаевск: поступил в автошколу (пошел по отцовским стопам!).

Получив водительские права, проработал Саша до армии полтора года в Отрадном, городе нефтяников...

(Это сейчас, в нашем возрасте, с нашим стажем, полтора года — не срок, а в молодости — это ПОЛТОРА ГОДА! И в самом деле! За это время можно жениться и родить наследника!).

Поэтому, попав в Западную Группу Войск (ЗГВ) в транспортную часть, дислоцированную в городе Магдебурге, Александр считал себя опытным водителем, «самаровцем» по духу.

Авторское отступление

...Две осени подряд работали мы на уборке в Кигинском районе Башкирии: грузили тяжелую пшеницу на токах в машины, сопровождали их на элеватор. Старенькими, с деревянной кабиной, «ЗИС»ками управляли степенные, случалось и молодые, мужики. А новенькими, кургузыми, с высокими, как вскрылки, бортами, весело фыркающими пневматикой самосвалами ЗИС-150 «рулили» куйбышевские лихие «водилы»: «самаровцы» — называли они себя. Возрастом они, как я сейчас прикинул, были посредине между отцом и сыном Фроловыми. Но вот

взгляд у них — темносиний, искристый, — тот, самаровский! И, разговаривая с нынешним Александром Аркадьевичем, я вспомнил тех его земляков. Дух соревновательности, задиристость — вот, что запомнилось. Видимо, оказалось в самаровцах что-то от песенных пращуров их — ушкуйников! Пыля, газуя, словно самолет на взлете, мчит один самосвал. Высунувшись из кабины чуть не весь, весело скалясь, глотая ветер, кричит один: «Агрегат!?» «Агрега-а-т!..» — отвечает второй. «Агрегат» — пароль и отзыв был у них шутливый, со множеством оттенков произносился. С тех пор со словом «самаровец» у меня ассоциируется скорость, бесшабашность, упругость воздуха. «Агрегат?» «Агрегат!»

Самаровцы в Магдебурге

Мало кто знает, что город Магдебург на несколько столетий старше Москвы, что уже в 13-м веке было закреплено за магдебургцами право на свободу и самоуправление, но уж про «магдебургские полушария», при обязательном среднем образовании, на уроках физики слышали все.

Кто и это забыл, напомню: из двух плотно подогнанных друг к другу, прижатых полушария откачивается воздух, и после этого полушария невозможно разъять: этим и доказывается наличие атмосферного давления...

То ли аура города оказывала благотворное влияние на наших солдат, то ли сами они были достойны этого свобододолюбивого, правового города, но, как вспоминает те времена Александр Аркадьевич, ничего похожего на пресловутую «дедовщину» у них в части не было. Наоборот, к новобранцам было старшебратское, может, чуть снисходительное отношение («салага»! вот ведь как надо, учись, пока жив!»).

«Землячества — были!»

«Как же! Самаровец?! Иди, сюда, землячок, давай покурим, вспомним Самару. И так дружили».

«Мы, к примеру, в комнате, вчетвером, транспортники, жили. Трений — никогда и никаких. До сих пор помню: Николай Мурзахаров — из Казахстана, Саша Иванов —

оттуда же, Виктор Мосалов — из Москвы... Ну и я — самаровец. В боях не были, но дружба — «боевая»!..»

«И с немцами... общались. В город, конечно, группами, с замполитом... Но и так — приходилось. Город — исторический, интересный. Над нашей частью шефствовал крупнейший в мире коксо-химический комбинат. Мы — к ним, они — к нам. На наши праздники и на гэдэровские. И столики накрывали, и танцевали. У них на заводе молодежное казино было — и там встречались. Молодые были, может, и разницы не замечали: ни в поведении, ни в разговорах. Как они сейчас там, в ФРГ?.. Магдебург-то был гэдэровским. Дай Бог, чтоб не хуже нашего пришлось им. Мы ведь тоже, как и они, хоть и без разрушения бетонной стены, а тоже оказались по «другую» сторону привычной жизни, чего уж скрывать? А вот по какую «другую», еще и не поняли толком. Может и ничего... Но уж больно «дедовщины» развелось и на гражданке, и в армии. Глядишь: не только ведь «старослужащие» салаг заставляют «портянки стирать», «приварок» себе забирают... В государстве — «дедовщина»-то... Нет, все же прежде такого не было...»

«Про Магдебургские полушария, конечно, рассказывали... Когда воздух из герметично притертых полусфер выкачали, к кольцам каждого полушария прикрепили постромки от четверки германских битюгов, и они не могли разорвать их, как ни упирались. Стоило же повернуть краник, и соединить полость с атмосферой, как шар сам по себе разваливался на две половинки...»

«Жалко, но факт: Советский Союз, видно, также держался на «партийном» давлении, и стоило в Беловежье «открыть краник», как он и распался...»

«Сейчас вот Россию как-то бы хоть «сохранить...»

Авторское отступление

«Ах, Самара-городок, беспокойная я...» — кто не слышал этих солнечно-блескучих, словно волжские, на восходе солнца, лыбкинских волн, кто не слышал этих задорных лукавых слов?.. Слышать-то их слыхивали многие, а вот так, чтобы на горячий, по-зверинному подрагивающей па-

лубе парохода «местной линии», до затопления Ставрополя-на-Волге, когда солнце, словно через хребет плотины, прорывается через Жигули, — избранные счастливыцы, среди которых летом 53-го года оказался и я...

Мой брат, молодой специалист, работал тогда на строительстве Куйбышевской ГЭС, одной из первых строек «Великого Сталинского плана преобразования природы». Я успешно сдал экзамены за восьмой класс и ехал к брату в Жигулевск на присланные им деньги. Это было мое первое в жизни самостоятельное путешествие, и я ненасытно вбирал в себя впечатления, не пресыщаясь ими. И вот, подплывая к жигулевской пристани, все еще потрясенный солнечно-райской красотой утренних Жигулей, чуть в стороне от дебаркадера, я впервые увидел то, что именовалось «зоной»: двухметровые заборы с колючепроволочной оторочкой, и сторожевые будки — «кукушки» — с пулеметами... Я был оскорблен в самых святых чувствах: я наивно полагал, что на «Великих стройках КОММУНИЗМА» должны трудиться самые лучшие и, конечно, свободные люди, а не «враги народа» и уголовники. Брат квартировал в какой-то хибаре у подножья Жигулей. В первую же ночь я проснулся от стрельбы: по черной, тусклой и жуткой глади Волги шарили прожектора... Днем стало известно, что был очередной побег, которому предшествовало убийство двух итээровцев, работавших в «зоне». Недалеко был нефтяной Яблоневоый Овраг. Строился город нефтяников Отрадное. Но я этого не знал. Так же как и про то, что через семь лет стану тюменским нефтеразведчиком, увижу развалины северных «зон» — лагерей 501-й стройки... В то лето, когда старший Фролов взял ссуду на строительство дома, я купался в чистой еще Волге, собирал землянику по склонам Жигулей, а крупнику — на солнечных полянах в жигулевских дубравах и дрых в тени дубов на дурманно пахучем разнотравье, пока не был напуган голубоватой медянкой, ходил по песчаным улицам Ставрополя мимо старинных купеческих лабазов, приземистых особняков и порушенных церквей — по дну будущего моря...

«Ах, Самара-городок, беспокойная я...»

Самаровцы в Сибири

После армии — на работу! «Крепче за баранку держись, шофер!..»

«Баранка» — хорошо, но этого ж — мало!

На счастье — выездная приемная комиссия из Куйбышевского техникума транспортного строительства...

«Экзамены сдал на заочный. А дома обмозговали: рейсы ведь! Туда-сюда... Пропуски занятий неизбежны. Решили: на дневной надо!»

«Директор техникума с участием отнесся: «В армии был?» «Был!» — говорю. Он сразу: «Завуча!» «В группе механиков, — спрашивает, — место есть?» Завуч: «Есть!» — говорит. И всего делов, когда с пониманием: перевели без волокиты, без «налапы» — на дневной. Да, безо всякого! Не в ходу еще было это: «А что я буду с этого иметь?» Это уж попозже, на «большой земле», пошло, а в Сибири — долго еще было это — когда «человек человеку — друг и брат...»

И стал учиться Александр Аркадьевич на дневном...

«Когда техникум закончил, кем только не работал: бригадир слесарей-ремонтников, начальник колонны, главного инженера замещал... Когда вызов с севера пришел, предлагали главным механиком — постоянно. Вот ситуация была: и хочется, и колется, и мама не велит! Да из-за жилья все!»

«Женился еще на третьем курсе. Жена тоже училась: в техникуме связи. Сын родился. Семья! А в нашей организации, где работал, жилье не строили. От нефтяников получали. Как сейчас, между прочим, здесь: кто-то строит, а кто-то и нет».

«Короче: поехал по вызову, стал сибиряком. Работу хорошую обещали, жилье тож».

«Приехал в октябре 70-го. На следующий день — на работу. Как сейчас помню: 15 октября».

«Ехал-то я начальником колонны, а вышел — главным механиком...»

«В апреле 71-го в Мегионе СУ-920 организовалось. Разговорились как-то с Тулинцевым Геннадием Васильевичем».

чем, первым начальником СУ-920. Приглашает он меня к себе — тоже главным механиком. А у них — плохой ли, хороший, — был главмех. Я отказался: на «живое» место, говорю, не пойду. А летом, когда тот уволился, дал согласие: 18 августа 71-го года перевелся в СУ-920...»

«Здесь вот, — Александр Аркадьевич топает по бетонному полу РММ, — только котлован под фундамент копался. Где сейчас склады и арочник — сараюшка стояла, а в ней — единственный токарный станок. Котельная — строилась... Ниче-го! Абсолютно голо было! Весь ремонт — на улице! Ну и времена были: аж не верится. Как бы то ни было — перезимовали. А в декабре 72-го вот эту РММ запустили... Как запустили? — вошли в нее, хоть стены одни были, но дышать легче стало: тут хоть тепло было! Оборудование стали получать, станки устанавливать, вентиляцию, то, се, — в божеский вид, короче, приводить стали цеха, бытовки... Ну и жизнь, как говорится, «пошла веселей»...»

«В 75-м второй сын родился, северянин... А-то — один

Вместе — всегда весело... В центре: Фролов А.А. — бывший главный механик, ныне начальник РММ.

сын у отца с матерью. Вот, через некоторое время обстоятельства так сложились, что пришлось вернуться на «большую» землю. А потом снова сюда — начальником вот этих РММ! Одиннадцать лет уж почти...»

«Техническое перевооружение идет: импортной техники много... Да и вообще: что базу, что поселок — сравнишь разве с тем, что было в первые годы?.. Много сделано. Про Ярошенко слышали? Начальником СУ-920 был длительное время. Энергичный мужик: раскрутил строительство и промбазы, и жилья, и соцкультбыта (детсад, школа, магазин, спорткомплекс...). Да много было и других интересных и умелых руководителей, специалистов: механиков, машинистов, водителей, рабочих. И вообще — хороших людей!»

«Сыновья — здесь же... в Мегроне... Работают. Младший еще холост, а у старшего — двое. Да, два внука. Один в пятый пойдет, второй — в первый. «Деда Саша...» Да, жизнь идет!»

«Хобби? Есть! — не задумываясь, ответил Александр Аркадьевич. — Техника! Машина, в смысле. До упора, по скоростям и — вперед! Чтоб в ушах свистело!.. Техника — хобби и профессия».

(«Чтобы — «агрегат?» — напомнил я. «Да: «агрегат!» — со смехом отозвался на «самарский» пароль сибирский самаровец Фролов).

«Сыновья такие же: любят технику...»

«Может, забыл что? Посмотрите в «кадрах»: в личном деле все есть».

В отделе кадров я получил вот такую дополнительную «информацию к размышлению»:

— с 1991-го года Фролов Александр Аркадьевич «Ветеран труда»,

— Указом Президиума ВС РСФСР от 25.03.91 г. ему присвоено звание «Заслуженный строитель РСФСР».

...И снова о магдебургских полушариях: те полушария держатся атмосферным давлением, а народ, если проводить аналогию, держится единством духа, способностью

каждого человека «держать герметичность», то есть, блюсти духовные заповеди, точно так же, как страна держится способностью населяющих ее народов соразмерять свои интересы — с интересами страны и других народов, не будет этого, тогда вместо народа — толпа, вместо страны — СНГ и даже хуже...

Каркас народа, его костяк, надежный, без вычурности, «самоустанавливающийся», как говорят механики, «саморегулирующийся», без внутренних опасных напряжений, составляют люди, подобные Фролову Александру Аркадьевичу, «сибирскому самарцу».

Не «винтики», просто надежные россияне.

ВЯТСКИЕ — РЕБЯТА ХВАТКИЕ!

Михаил Михайлович Песиков — крановщик милостью Божией; природная сметка и многолетний опыт, если сказать менее возвышенно, — лежат в основе его виртуозного мастерства и красивой вдохновенной работы!

Со стороны посмотришь: как легко все делается! Ну что особенного: поворот стрелы, одновременный наклон ее и ход каната в полиспасте... Кажется, сядь и ты в остекленную кабину, к пульгу управления, тронь полированные ручки и рычаги, и у тебя тоже, описав плавную сложную кривую, многотонный груз мягко опустится — без удара и лязга — в кузов самосвала или на стеллаж грузовой площадки, — только по тому, как просядут рессоры у одной машины и вздохнут опорные домкраты и рессоры другой, поймешь, что не пачка стекловаты или тюк матрасов переместился, а — железобетон или металл в замысловатом облике...

Мастерство, как и искусство, неповторимы: будь то прыжок — с зависанием в балете или манипуляции крановщика с грузом, да и где она четкая грань между ними?.. Между мастерством и искусством, имею в виду: не зря же словосочетание «искусный мастер» издревле употребительно.

Михаил Михайлович — крепкий, среднего, по нынешним меркам, роста сорокашестилетний мужчина, по-славянски широколицый, с добродушной улыбкой и лукавой, неистребимо-крестьянской хитринкой в неброских, глубокопосаженных глазах: на шутку отзывчив и сам не прочь подметить смешное, ироничное в словах собеседника и в своих.

Родился Михаил Песиков в деревне Русская Курья на Вятке (в Кировской области). Отец его во время войны

был в трудармии, мать тоже была мобилизована на строительство оборонительных укреплений на Волховском фронте; поженились они в конце войны. Нажили троих сыновей и дочку. Русская Курья расположилась на берегу озера, а вокруг — леса, поля, луга. Озеро когда-то было глубоким, соединялось с речкой Пижмой, и в него, как в затон, входили на зимний отстой и ремонт колесные пароходы. Со временем озеро обмелело, вода большая ушла, и деревня стала хиреть. Да и Советск, какой-никакой, а город, — в пяти км. Вот и родители его, как только дети разъехались, купили там тоже домик. Да беда: умер от рака желудка отец, следом — младший брат, вот мать и перебралась к младшей дочери в Мушу, где та работает медиком. Старший брат в Советском, рядышком. Но и Михаил, сибиряк, мать не забывает: каждый год приезжает, вот и в этом был — в сентябре. К матери приезжает, к родне — само собой! Но и не только:

— Места там — красивейшие! Лучше — нигде не видел! У-у!.. — С блаженным стоном, прикрыв глаза, качает Михаил головой...

Песиков М.М. на своем рабочем месте.

— Что ж тебя здесь держит? Поезжай: бери землю... — подначиваю его.

Хитро щурясь, говорит: «Так и здесь — красиво! А еще — работа... Была бы там такая работа — уехал бы! Все-таки — полжизни там прожил. Смотри-ка: и здесь полжизни! Не-е... все же кажется что там — дольше жил. Чудно! Детство и остальная жизнь... Дом небольшой был: 4,5 на 5, фактически одна комната, но зато русская печь была — втроем свободно! — да полати; как говорится, на двух уровнях! Зато усадьба была просторная: по пять соток на едока! Брат как выделился — сразу пять соток отрезали, но все равно — тридцать еще оставалось: и насадишь всего, но уж и семь потом прольешь, обихаживая огород. Лес — прямо от огородов начинался. Леса — хорошие, светлые... Липовые, дубовые... И сосна, ель... По берегам — дубы отдельными кучами... В деревне — старые, могучие, развесистые... Как в песне... С незапамятных времен эти дубы стоят. Хорошо пацанам было: рыбалка, грибы, ягоды... В школу вот только пехом, за шесть километров, в Советск пришлось — с первого по восьмой. На каникулах и в колхозе работал, и отцу помогал (тот пасеку держал, иной год до пятнадцати семей. Хороший мед был: липовый, гречишный, цветочный... Да налогами давили!). Потом, после восьмилетки, по направлению колхоза, учился в школе механизации, получил права машиниста широкого профиля. И на практике и по окончании работал в родной деревне на комбайне СК-3, потом на тракторе ДТ-75. Зимой, от военкомата, закончил курсы водителей. А когда призвали в армию, попал в танковые войска. Служил в Челябинске, в батальоне обслуживания высшего танкового училища: возил курсантов на занятия, через год службы был инструктором, потом довелось на легковой возить генерала, начальника училища...»

Училище располагалось почти в центре города. С увольнительными проблем особых не было: служил Михаил примерно. «Вятские — ребята хваткие!» Подружился вятч с уралочкой да, видать, крепко: после дембеля побыл дома недолго да и обратно на Урал! И в январе 71-го года

женился (в 96-м году — серебряная свадьба!). После коротенького медового «месяца» устроился на цементный завод под Челябинском, в Первомайском квартиру дали в бараке (после сноса получил в кирпичном доме). Усердие, ответственность молодого водителя заметил начальник гаража и предложил обучиться на крановщика — Михаил согласился. После курсов, с 71-го года и до сих пор работает он на кранах; а начинал на 3-х тонном ЗИЛ-164. Работать приходилось по цехам, в стесненных условиях: в «обжиге», в «дробилке», и прочих. С самого начала требовалось виртуозное мастерство, особенно в «обжиге».

«Вокруг тебя громадные обечайки вращаются, задень — намотают на себя вместе с краном и не почувствуют! Бригадир хороший попадет, еще ничего: команды — «майна», «вира», «вправо», «влево», «вперед», «назад» — четко, уверенно дает, — и тебе спокойнее. А другой попадет суетливый, мандражный, тут и сам начинаешь вертеться, тоже мандраж накачивает, особенно по первости. Тут стрелу, груз ведешь — словно партнершу на танцплощадке: крутишься, маневрируешь, — чтоб и на ногу ей не наступить и не столкнуться с кем-нибудь... То ли дело на открытом воздухе: хоть подгорную пляши!»

«Танцевал» на кране Михаил Песиков на цемзаводе более двух лет. А в 73-м году начальник гаража ему и еще несколькими говорит: ты и ты, поехали со мной на север! Ну, рассказал им, что по приглашению друга он уже посмотрел: как там и что. «Кем?...» «Крановщиками!» «Поехали!»

Таким вот — прозаическим — образом, как впрочем и большинство приезжих, оказался Михаил в Мегроне.

Дали ему кран К-61. «Такой разбитый — садиться было страшно!» Получил он и квартиру (бывший начальник помог!). И стал работать: «подавал» грузы при строительстве детсадика, спорткомплекса, жилых домов, трубы — на строительстве трасс... Одним словом, без работы не сидел.

«Так вот и работаю уже двадцать три года в СУ-920: на какой объект путевку выпишут, там и «перемещаю грузы». Дочь вырастил. Внука уже имею. Дачу... Как только землю стали давать у нас — сразу же взял! Сейчас все

есть: и «фазенда», и теплица, и баня, и колодец... Точно! Курьинская закваска: в деревне ж вырос! Любим с женой повозиться на даче, все свободное время там: и отдых и польза. Да и то: раньше-то мы в Гагры каждый год — «дикарями» — ездили, квартиру снимали у одних хозяев, хорошо тогда было: дикий пляж, свободно! А нынче не больно наездишься: вот и лето на даче, а осенью — родные места проведать... Русскую Курью, Советск, Челябинск... Воздухом детства подышать, водички родниковой испить: у нас ведь там кругом родники бьют! Летом вода в них ледяная, а зимой — живая: не замерзает в любую стужу. Была бы жизнь постабильнее, как раньше: 5-го аванс, 20-го получка, оставил на расходы, положил на отпуск и черный день, — вернулся бы на родину! А сейчас — миллионер! Внуку вот положил детский вклад — не знаю, что будет? Хорошо, машину вот на «старые» деньги успел купить...»

«Уехал бы, да вот работа держит!» — чуть раньше сказал Михаил.

«На работу — как на праздник!» — в последние годы слова эти произносились с иронией, даже с сарказмом. А ведь такие, как Михаил, не редкость! Любят свою профессию не только спортсмены, топмодели и звезды эстрады — любят ее и медники, и бульдозеристы и крановщики!

«Приболел тут как-то... Давненько уже! В РММ и слесарил, и токарничал... Да, на токаря выучился. Конечно, работа поспокойнее. Как полегчало малость и группу сняли — сразу на кран! Дали мне гидравлический, на МАЗе: КС-35-77/2. Семь лет уже на нем, не обижаюсь: бегаёт, поднимает кое-что тонн так до шестнадцати... кормилец мой!»

«Не-ет, на кране — свободнее! Туда поехал, сюда... Сегодня то, завтра другое... да! Это уж точно: глаз — наметан, сразу вижу: как встать мне, как — машине, чтобы груз быстрее переместить и без надрыва пупа, то есть, крана...»

«Конечно! Напряжение машины чувствуешь! Да, сиденьем! Вернее, чем сидишь: по напруге, по подрагиванию сиденья... Лучше всякого прибора! Да почти что тензометр... А если серьезно, когда работаешь на пределе —

или по вылету стрелы, или по грузоподъемности, — рассчитывать надо... Ну, к примеру так, как когда на одной ноге стоишь и куда-то тянешься... Соразмеряй — чтоб потом «крыльями» не махать! Соразмеряй и на ограничителе поглядывай!»

Да, хорошо сказал Михаил Михайлович Песиков о соразмерности! Побольше бы таких «вятских» в политике, глядишь, дела в России шли бы гладко, без «кувырков»...

P.S. 27 января у М.М. день рождения, в этом же месяце у них с супругой Серебряная свадьба. Пользуясь случаем, поздравляю с днем рождения и Юбилеем! Желаю здоровья, счастья, любви и исполнения всех — соразмерных! — желаний!

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ЖЕ ДО КОНЦА СПАСЕТСЯ»

(от Матфея, 24-13)

1. Вступление

Простую истину одну
я понял пацаном в войну:
хлеб спички, соль и мыло —
основа жизни... Стыла
кровь даже под одеждой —
хоть грела нас надежда.
Как жизнь тогда была крута!
Но ведь была и доброта!
Да! Доброта и Милость!
Вот жизнь и сохранилась.
Сейчас все это — вновь в цене.
А Милость с Добротой — вдвойне.

К Анатолию Владимировичу Попову эти стихи применимы в полной мере. Мы сидим в его «аппартаментах»: в слесарке ремонтно-механических мастерских АООТ-СУ-920, разговариваем. Слесарный стол с тисами, наждак, инструментальные ящики, шкафы. Продавленные сидения, приспособленные вместо кресла. Фоном — воспетая Гастевым индустриальная музыка: звон и гром железа, гуденье электромоторов, утробное таракхтенье дизелей, голубое полыхание электросварки и запах выхлопных газов — цвето-аромато-музыка! Мечта композитора Скрябина! Впрочем, к этому через пять минут привыкаешь. В слесарку то и дело заглядывают: «Дядь Толь...» или: «Вла-

димирович...». Одним Попов говорит: «Положи на стол, сделаю», — и плавно показывает белокожей, в железных опилках и смазочной обработке рукой — куда положить. Другим: «Погоди. Попозже.» Третьим разрешает: «Давай! Только быстрее.» И пока визжит наждак или дрель, вжикает рашпиль или напилоч, Анатолий Владимирович сидит, прикрыв глаза, изредка поглаживая тыльной стороной ладони светлое, чуть одутловатое лицо. Как бы то ни было, беседа наша идет «конструктивно». Речь у него правильная, без слов-паразитов и диалектизмов, я бы сказал — литературная. А когда узнал, что он из Вологодской области, из-под самой архангельской границы, я не выдержал, спросил: «А куда же «оканье» из речи подевалось?» «Выкатилось... Уехал-то я из родных мест — когда? Считаю, как в армию ушел. — Он чуть задумался, усмехнулся. — В отпуск, другой раз, подолгу не ездил. Как выберешься и удивляешься говору. Отвыкаешь, как же! «Посидим, поокаем...» А ведь сам так когда-то окаял».

2. Анатолий брат Анатолия

Родился Анатолий Владимирович в мае 1938-го года в деревне Кропухино в районе, центром которого — город Великий Устюг, известный еще с 1207 года. Молога, Сура, Вытегра, Сухона, Вологда — названия рек и речек Вологодского края. Великий Устюг и Кропухино — на берегу Сухоны (по местному, ударение на первом слоге). Богатые покосы в поймах и лугах, а на нежирных пашнях — рожь высокая, ячмень, овсы, гречиха и голубоглазый лен-долгунец, серебристо-серый, шелковистый после хлопотной и долгой обработки. А речки — рыбные, чистоводные. Сухона после паводка текла летом меж отборногалечных берегов и плесов: раздолье для ребятишек и рыбаков! Родители — Владимир Николаевич и Лидия Васильевна, деда и прадеды и по материнской, и по отцовской линиям, крестьянствовали: обрабатывали землю, обихаживали живность. В межсезонье, кто для себя, кто по заказу, мастерили колеса, сани, телеги, бондарили, шорничали, пимокатили, — у кого к чему больше душа

лежала и искусны руки были. Отец Анатолия все умел ладить.

Кропухинцам повезло: коллективизация пришла поздно — в 35-м. Семья у Поповых была большая. Детей только девять человек: семь братьев да две сестры. Анатолий — поскребыш. Он — Анатолий-ИИ... До его рождения в семье уже был Анатолий. Но тот, на шестнадцатом году, трагически утонул. Видимо родители тяжело переживали свою потерю, если уже в зрелом возрасте завели поскребыша и назвали именем старшего сына. Анатолий-ИИ стал жить своей, разной в разное время, жизнью: гукать, ходить, разговаривать и, даже в малые лета, — посильно работать. Во время войны отца забрали в трудармию (он воевал еще в первую мировую), брата на фронт, сестру — медсестрой, остальных — кого куда, и остались они впятером: два брата, сестра, мать и бабушка. Изба — с высокой завалинкой, просторным подпольем: под картошку, овощи, соленья (огурцы, грибы); в избе — русская печь, вдоль стен — лавки, у стола — скамейки (стулья уж потом пошли), полати. Во дворе — амбар, коровник (корову держали, покосы были; сейчас чащоба и на покосах, и на полях), баня. Огород двадцать пять соток. Взрослые — в колхозе, а свой двор — на старом да малом держался. Жили трудно: голодно и холодно. Из-за этого и в школу пошел девяти годков. В начальную школу ходил за два километра (Кропухино-то — дворов двадцать), а в семилетку — в Марденгу, за четыре версты. Каждый день — по тропке, по санному пути. Из более дальних деревень (как его жена — за шесть кмэ), квартиры снимали, а потом — в интернате. Весной Анатолий из школы к матери на поле: «Иди домой, я за тебя побороню!» У матери были красна, и она всю жизнь ткала изо льна, не это — вообще бы голышом ходили. А обувка? К деревянной подошве прибивали гвоздиками брезент — вот тебе и ботинки. Сестра — та кружева плела крючком: красивые! Все-таки чудо — лен! А цветет? Вот — поле как поле, и вдруг — голубое озеро.

После семилетки отец правдами-неправдами достал у председателя справку, выправил Анатолию паспорт и устроил его в ремесленное училище (РУ) в Великом Устюге.

РУ находилось при судостроительном и судоремонтном заводе, готовили судомашинистов и механиков. С общезнанием было туго, поэтому Анатолий жил в основном у тети, отцовской сестры. Учили наукам и ремеслу тогда хорошо. Анатолий до сих пор с благодарностью вспоминает преподавателей училища: знающие и ответственные люди были, хорошо, уважительно относились к воспитанникам. Да и вообще: ремесленников одевали — по тем временам — хорошо, кормили; чистое постельное белье, регулярная баня, культпоходы в кино, самодеятельность, спорт, производственные задания, теория — бездельничать некогда было. Эксцессов в группах не бывало. Вот «межкорпоративные» стычки — с речниками, техникумовцами — бывали: училище на училище. Два года отучился, год отработал в Велико-Устюжской МТС и в армию... Два года служил наводчиком танка на полуострове Рыбачий в Мурманской области. После дембеля вернулся в Великий Устюг и вскоре женился на своей однокласснице Маргарите. Было это в 1960 году. Весной устроились в речпароходство, плавали матросами на линии Котлас — Архангельск. После аварии парохода их списали на берег, и Анатолий сменил профессию: закончил школу механизации и почти десять лет работал в совхозе механизатором.

В 71-м году жена в отпуске слетала к знакомым в Мегион. Ее сводили на берег в «колхоз»: понравилось! Погодка ясная была... Кедров. Магазин. Чисто. Светло. Река близко... Приехала: хвалит, говорит — айда! Ну и отправили контейнер в Мегион, а сами — на самолет.

3. Широта одна да коэффициенты разные!

Парадоксы географии: посмотрел в атлас — что Великий Устюг, что Мегион — практически на одной широте! А вот поясные коэффициенты — разные, да и «северные» в Мегионе платят. При прочих равных тарифах — двойная разница! «Накрутки» делают, конечно, не зря, но вот эта разница в заработке и смущает людей, срывает с насиженных мест. Сорвала она и Поповых.

Приехали в Мегион 11 июня 71-го года. А июнь, первая его половина, как правило, мерзопакостная бывает: мало того, что дожди, холодно, так и запуржить может.

Идут Поповы по Мегиону — грязища, пни, коряги, своры собак... Не понравилось Анатолию Владимировичу. Говорит, что если бы не контейнер, то уехали бы!

Месяц пожили у друга. Потом сосед в отпуск собрался — пустил к себе. Малость погода, дали, возле «рубленного», пенал, в нем жили до конца 71-го года. Следующее новоселье — квартира с подселением. Все — за год.

С работой тоже не гладко. Он же механизатор, а предлагают плотником. Друг говорит: иди, квартиру скорее получишь.

Неделю проплотничал он, а сам потихоньку присматривался. Видит: экскаватор «Беларусь» новенький, а как брошенный — колеса спущены и прочее. Пошел к главному механику: чего, дескать, техника стоит. Тот: а запустить сможешь?

За день восстановил Анатолий трактор! И все лето на нем: работы для этой универсальной машины было навалом. Копал траншеи под теплотрассы и коммуникации, гравий грузил, баржи зачищал и т.п. А пошел получать — 240 рубликов... За этим ли ехал? Тут главный энергетик предлагает — предзимье уже! — слесарем по котлам. Он ему: если разряд сохраните, то — хоть сейчас. Нет, говорит, выходите завтра, я все оформлю. Так и оказались они с женой в одной службе: она оператором котельной установки устроилась и до сих пор работает.

И двенадцать лет проработал в котельной слесарем по ремонту котлов. В 83-м заболел. Да так, что операцию на сердце сделали: два клапана заменили...

Когда я услышал эти его слова, то непроизвольно переспросил осевшим голосом: «На сердце — два клапана?..»

4. Какой клапан лучше

«Два клапана, — совершенно отстраненно подтвердил Анатолий Владимирович, — митральный и орталый. Ведь двенадцать лет пылью дышал, чего хочешь. Вода-то

здесь плохая. Хоть химводочистку и делают, все равно трубки в котлах накипью, нагаром покрываются — зима-то долгая! Когда чистим — пыль столбом! Вредная, ядовитая, с химией! Ни респираторов, ни противогазов. Ничего, мол, Владимирыч, прочихаешься! Вот в котлах нутро чистил, а свое — забил, и сосуды, и клапана. Особенно пострадали сердечные клапана: кальциноз».

Направили его в научно-исследовательский институт в Москву. После соответствующей подготовки сделали на сердце операцию: отсекли закастневшие — в накипи! — родные лепестки и пришили механические. «У меня вот такие», — Анатолий Владимирович протянул мне простой шаровой клапан. Второй раз я сталкиваюсь с вторжением мертвого железа в святая святых человека и не могу спокойно воспринять симбиоз механического устройства и сердца. Осторожно, с любопытством и разочарованием взял я устройство, две копии которого «чакают» в груди моего собеседника, и не взглядывая на него, стал рассматривать конструкцию клапана.

Тонкое, диаметром с новый гривенник, высотой миллиметров шесть, седло из нержавеющей стали, понизу — два ряда мелких отверстий (для пришивания к сердечной мышце), сверху — четыре изогнутых внутрь штырька, они образуют каркас, в котором находится силиконовый шарик. Вот и все: элементарно просто! Ни тебе нервных окончаний, ни кровеносных сосудов... Сердце сократилось — шарик приподнялся, пропустил порцию крови, стало расширяться — опустился на седло, перекрыл кроветок. И так — 60 и более раз в минуту, под сто тысяч в день и около сорока миллионов раз в год. И так уже четырнадцатый год (гарантийный срок большой!).

«А вот другой конструкции: мембранный. Полегче и меньшего перепада напора требует».

Конструкция оригинальная: поворотная заслонка колеблется, благодаря особой формы ограничителям, в пределах седла; этот клапан занимает объем в два раза меньший, чем шаровой. «Работают люди!» — уважительно подумал я о медиках-протезистах.

«Ну и как... самочувствие было? Тогда... И сейчас: все же условия, смотрю».

«Что — условия?! Работу по силам делаю, без работы — хуже. Я ж три месяца пролежал в институте. И комиссовали меня инвалидом по 2-группе. Год и девять месяцев просидел на второй группе. Пошел на перекомиссию, взмолился: «Не могу! Переведите на третью — работать хочу!» Вняли просьбе: дали пожизненно третью группу. Доволен был. А как начал устраиваться на работу, вторая заковыка. Замкнутый круг! Начальник управления требует справку, из поликлиники, что можно работать, а в поликлинике требуют справку, что меня возьмут на работу. Хоть стреляйся! Вот только после перекомиссии и уладилось: с 85-года здесь, в РММ слесарю».

«Все ж тяжело, поди? Другой, полегче, почище — не нашлось бы?»

«Да, ничего! Тормозные колодки наклепать, диски... Ну и все остальное по мелочи что. Тяжелое не поднимаю. Газы вот только: сварка, и трактора заводят».

«Ну а как насчет режима? Насколько знаю, лекарства надо регулярно принимать, параметры крови контролировать, обследоваться... В Нижневартовске, в больнице, у меня сосед по палате был: у него один искусственный клапан, так он говорил, что четко — два раза в год по десять дней в стационар на обследование и реабилитацию, и кровь на анализ по свертываемости...»

«Таблетки — разжижатели крови — принимаю. И в Тюмень предписано каждый год приезжать. Два раза съездил: анализы, рентген и — обратно! Одна морока. Если бы в палату поместили, обследование сделали... А то кантуйся в гостинице... Нет, больше не поеду».

«А не хуже себе делаете? Не получится как с тем же: «Ничего, Владимирович, прочихаешься!» Ведь и в Мегионе больница есть — обследование-то сделают, поди».

«Ничего не хочу просить. Одного хочу: уехать бы на «большую» землю. Хорохорься не хорохорься — больной ведь я. Уехал бы, на пенсию вышел, да некуда».

5. «Деревяшки мои, деревяшечки...»

«Жили, работали, деньги на черный день откладывали: 30 тысяч старыми было у нас с женой на сберкнижке — на эти деньги в перестроечные годы можно было и неплохую квартиру на «большой» земле купить, и обстановку, и осталось бы еще малость к пенсии. Верили государству! И реформы начались — тоже верили обещаниям: «Через полгода — стабилизация...», «...в этом году...», «в следующем...». Ждали-ждали да все жданки съели! Больше невтерпеж. Заработок у меня маленький: где-то полмиллиона. У жены больше выходит. Так это ж только на существование. У дочерей — того хуже. Одна — к примеру — в Ленинграде на оборонном заводе, у них — неполный день работают, получают минимальную зарплату...»

«А мегионскую — на обмен? Не пробовали?»

«Да кто ж на «деревяшки» обменяется? Добро бы — поднос шла, тогда — другое дело. Четверть века, считай, прожили в ней, в «деревяшечке»! Я еще, помню, на ней пяток дней поплотничал. Да и другие дома помню: 9-й, 2-й, 13-й, после него — 4-й, 6-й, 8-й — я еще на «Беларуси» копал траншеи под теплотрассы к ним. Да!»

Помолчали. Мне вспомнились слова Люды Якушевой, которые она сказала, узнав, что я хочу написать о Попове: «О, дядя Толя — хороший человек. Меня они, как дочку, привечали с тетей Ритой. Справедливый, совестливый. Другой бы на его месте... А он все: да ладно, обойдусь. Добро — не все помнят». Она в детстве, оставшись без отца, без матери, была в детдоме, пока старший брат не взял ее к себе в Мегион, и она чутка на доброту.

«Главное, пока еще деньги были в цене, кооператив пытался пробить. Это — как инвалидом стал. Везде записывался. В Тюмени — уж и деньги заплатил, думал: ну, наконец-то! Нет, прошло время — деньги вернули. Сейчас вот уже месяц хожу: помогите хоть взамен «деревяшки» или за мои двадцать пять лет работы на севере купить какую-никакую хату или квартиру — поближе к мо-

им девчонкам. Не дожидаться ведь мне, пока моя «деревяшка» под снос попадет».

Стихами я начинал рассказ про Анатолия Владимировича Попова, стихами и закончу:

«Деревяшки» ль вы мои, «деревяшечки»!
Поскрипушки ль вы мои, продувашечки!
Тридцать лет как нет! Как мгновение...
И — другое живет поколение!
Свой всему черед и всему свой час:
Нас — на пенсию,
Под бульдозер вас...
... Может, станете вы — «фазендою»,
Ну, а мы?.. Даст Бог, мы — легендою...

Ну, а пока мы, анатолии владимировичи, викторы николаевичи, егоры константиновичи, не став еще легендою, «поскрипываем» рядом с вами, люди, проявите свою ДОБРОТУ и МИЛОСТЬ сейчас — они возвысят всех: и вас, и нас.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА ИЗ ЯСНОЙ «ПОЛЯНКИ»

«Дитятко что тесто:
как замесил, так и выросло».

Русская пословица

Надежда Константиновна... так и хочется сказать: Крупская! — Надежда Константиновна Бородина, — не теоретически, как ее знаменитая тезка, а практически вот уже 23-й год имеет дело с детьми: кровно родными, — дочерьми, и просто родными, — детсадовскими, она — медицинская сестра детского сада-яслей «Полянка», что находится в Мегионском Посаде, иначе — в поселке дорожных строителей «СУ-920».

«Дети для меня — все как родные! — говорит Надежда Константиновна. — И люблю я их, как своих. Если вспомнить, над своими так не тряслась. Особенно, не дай Бог, занедужит ребенок... Поэтому профилактикой не пренебрегаем — упор на нее делаем! Себе легче! А уж ребенку — и подавно. Заболеет ребенок, вылечим, конечно. Но ведь болезни не закаливают детей, они зря сжигают заложенный природой, —

судьбой ли? — запас жизненных сил... Предупредить надо болезнь. Тем более, инфекционную. И здесь каждая мелочь важна. Не только сбалансированное питание, режим дня, гигиена, чистый воздух, физзарядка, своевременные прививки... Но и прогулки, закаливание, игры... Комфортабельность обстановки в группе... И, главное, заботливый, материнский пригляд за детьми и во время игры, и на прогулке, за обедом и в сончас...»

«Я видел: дети «во врачей» играют... Ваша работа?» — интересуюсь я.

Негромко, сдержанно, глуховато смеется Надежда Константиновна, и даже чуть смущенно как бы.

«Наверно... моя! В детстве сама любила играть «во врача»: «лечить» — слабость моя была. Собаки, кошки, другие зверюшки были пациентами. И не только они! Тетка родная прихварывала — пчелиным ядом ее правила. Не поверите, чуть что — звала меня: «Надя, полечи!» Ни крови, ни боли, ни уколов не боялась — ничего!»

О себе рассказывает Надежда Константиновна лаконично, даже скупое, без эпитетов: подлежащее, сказуемое, но не тушуясь, называя вещи своими именами. Причем чувствуется, что о каждом событии, стоящим за глаголом-существительным, она могла бы рассказать ярко, эмоционально, красочно.

«Тяжелое было детство. Правда. Что вспоминать не хочется. Родилась в деревне. В Татарии. В Бавлинском районе. Там у нас настоящий интернационал: русские деревни, татарские, мордовские, чувашские. Жили мирно, но — все — бедно. Дед Федор и более дальние предки — крестьяне. Может, со времен Грозного еще. Отец всю жизнь шофером работал, мать в колхозе работала до переезда в Октябрьский, а как перебрались — домохозяйничала...

Поселились не в самом Октябрьском, в пригороде... да, в Нарышево... Вот как наш поселок: за промзоной, на отшибе... В Нарышево жили тесно, в одной комнате. И хоть огород держали, трудились все, как могли, жилось не сладко. Закончила школу. Училась обыкновенно. Без медали. Поступила в Октябрьское медучилище. Закончила его. По распределению работала три года в Шаранском

районе Башкирии. В фельдшерско-акушерском пункте. Работа интересная, но уж больно хлопотная: на круглые сутки! А зарплата — курам на смех. Отец-то предлагал учиться дальше — отказалась! Хватит, сказала. Достатка и так нету. А тут еще шесть лет тянуться? Нет, одеться-обуться надо: буду работать! Думала: куда бы уехать, где бы можно было по-нормальному жить? А тут как раз брат, в поисках заработка, из Казахстана переехал в Нижневартовск и вызвал меня к себе... Стала я северянкой, работала в Нижневартовске... А потом...

А потом вышла замуж за мегийца и переехала в Мегийон, сюда — в СУ-920... Безработица — не только сейчас. В те времена тоже была — женская. Часто работали не по специальности, за любую брались. И мне, пока садик открыли, пришлось воспитателем в общежитии побыть. А потом уж сюда... вот на это самое место...»

Надежда Константиновна щурит в усмешке темные за стеклами очков глаза, легонько и улыбочиво играет уголками губ, словно говорит про себя: что, мол, дорогой, конфетку хотел получить? а у меня ее нет: таблетка горькая да порошочек сухой, глотай — коли можешь... а может, уко-льчик остренький?..

Я не подаю виду: вдруг да я не так понял? и с нажимом спрашиваю: «Послушаешь вас, так в детстве и юности так уж и никаких радостей не было и никаких интересов — кроме медицины! В игры какие-нибудь играли? Спортом занимались?.. Венки плели? Цветочки по весне вдоль Ика собирали?.. Песни пели? Танцевали?.. Вообще — веселились? Жизни — просто — радовались?»

«А стоит ли об этом?» — всерьез засомневалась она.

«Коль скоро мы о вас ведем рассказ, — уверил я, — то стоит!»

«Радовалась ли?.. — раздумчиво, чуть нараспев спрашивает Надежда Константиновна себя. — Радовалась, конечно. Куда без радости? В лапту играли... мальчишки и девочки. Кто по соседству обычно. Иной раз та-ак ударишь лаптой по мячу, что он в небо-свечкой! — летит и в синеве, словно жаворонок, исчезает, — вот и радуешься, и сердце, от радости, от гордости за себя, тоже жаворонком

трепыхается... Ну, спортом занималась... И в школе, и в училище... На лыжах бегала... И так, летом, на длинные дистанции... да, стайерские... На лыжных гонках — вторые, третьи места по городу занимала, а по бегу — первые...»

«Ну вот! — не выдерживаю я. — Что ж об этом молчали? Это ли не самая большая радость — радость Победы! И потом ведь — слава! Грамоты, медали...»

«Да уж грамот было... Комнату можно оклеить! И в газетах писали, фотографировали... Да что толку?.. Прошло... Дочки, правда, в меня пошли: и лыжами, и легкой атлетикой увлекаются... И песнями: поют, любят петь... Я ведь и в молодости, и позже — в хор ходила с удовольствием. Да! Хоть первым голосом, хоть подголоском! Когда в моде были вокально-инструментальные ансамбли, пела в ВИА. Детей хоть азам музыки обучила: старшая давно уж музыкальную школу закончила, а младшая, девятиклассница, учится, а сама — не умею! Инструмент есть! Старшая вон, на обед идет, зайдет — поиграет! Даже «Калинку!» — не умею. И плавать — не умею! И еще — вязать. В самом деле! Вот такая я. Зато дочерей обучила: все умеют! А музыку люблю... Отец у нас на балалайке играл... Песни в семье пелись... Мы ведь и здесь, в СУ-920, пели — пока Валя Плотникова самодеятельностью руководила... Ведь во всяком деле — энтузиасты нужны.

А уж цветы... Цветы — страсть моя! Люблю цветы, любые! И полевые, и лесные, и садовые! Где жила — везде выращивала. В цветах все люблю: и цвет, и запах, и форму и абрис... Все — от незабудки до подсолнуха — нравятся... Разве что астры чуть выделяю. Цветы — как дети! И, главное, — чтоб они росли здоровыми, счастливыми... Росли и расцветали!»

После таких слов, в которых Надежда Константиновна раскрылась по-настоящему, мне не хочется приводить многое из того, что составляет содержание и суть ее работы, но звучит очень уж прозаически. Скажу только (предварительно постучав по дереву!), что в «Полянке» самая низкая в городе заболеваемость детей, а карантинны очень редки. Естественно, заслуга в этом не единственно Надежды Константиновны — всего коллектива

«Полянки» и даже, опосредствованно, руководства АООТ «СУ-920» и — непосредственно! — родителей детей, для которых «Полянка» — ясная полянка в их, будем надеяться, длинной и счастливой жизни.

«А детям и внукам будущим своим я бы пожелала — чтоб росли порядочными людьми: жили — честно, трудились — вдосталь! — так ответила Надежда Константиновна на мой последний вопрос. — И родным моим, детсадовским, того же! Мы их учим быть здоровыми телом и добрыми душой».

P.S. У меня дочь когда-то тоже играла «во врача», но дома; пациентом приходилось быть мне. Вот как это выглядело:

Папа! Сейчас ты Сережа Березкин.
Я его мама. Как будто бы. Плачь!
Плачь понарошке...
Дай, вы-те-лу сле-ски...
Не заболел?.. Ой, как печка, горяч!
Скорая?! Вот, я теперь — будто врач.
Тихо, Березкин Сергей, не дрожите!
Горлышко мне, язычок покажите!
Так! Назначаю, больной, вам укол...
Да за него не хватайтесь рукой!
Умничка... Вот вам за это конфетка...
Ну-ка, больной, уберите газетку!
Я вас немного еще полечу...
Книжку вам дам... и — чи-тай-те врачу!
Вот — про Сережу Березкина книжка:
ты — снова папа, а не мальчишка!
Все!
Я — не врач, ты — не больной,
занимайся ТЫ со мной!

И доигралась: стала врачом... Думаю, что и девочки из ясной «Полянки», играющие «в доктора», уже нашли свое призвание.

СЛАБОСТЬ МОЯ — ДОБРОТА

«Василий Александрович! Признайтесь: неужели никто не говорил Вам, что Вы — вылитый Малежик? — еще раз пытаю я главного инженера АО «СУ-920» Василия Александровича Невмержицкого. — Не может быть! Ну взгляните: лицо... взгляд рассыпчато — голубой... волосы... шевелюра... А тембр голоса». «Не-ет! — мягко, глуховато, с неповторимой малежиковской хрипотцой, отнекиваясь, смеется Василий Александрович. — Сам на себя похож. Да, говорят, на батька еще чуток. Я совсем другой. Может, поэтому Малежик меня и не задевает».

«А кто ж тебя «задевает»!

«Конечно, Ротару! Несравненная София Ротару...»

На северо-востоке Украины, на границе с Белоруссией, есть Овручевский район; это уже — Полесье. Край древний, обжитой, многострадальный: литовцы, поляки, тевтоны, москали, «воевали» эти земли. Невелик город Овруч, районный центр, да богат историей: с десятого века известен (ровесник, считай, Москвы!); в нем находится одна из древних на Руси церквей — церковь Василия (конец 12 века).

В этих краях, в селе Левковичи, у шофера Александра Федоровича и колхозницы Ульяны Андреевны Невмержицких родился 9 июля 1950 года сын, которого они назвали Василием.

Родитель Василия, 1924 года рождения, водивший прославленный грузовик ЗИС-5, попал на взятие Берлина: отслужив 3,5 года, вернулся в родные Левковичи.

Свой дом они построили в 1957 году, Василий помнит, — а до того жили с бабкой Антониной. Хоть и мал был,

а запомнилось: как радостно было помогать отцу в строительстве дома. Может, эти детские впечатления впоследствии и определили его судьбу, как знать.

Полесье — оно ведь не только болота да чапыжник, но и леса, поля, медоносные травостой! У отца, Александра Федоровича, до сих пор «хобби»: пчел держит, небольшую пасеку. На воле, на природе и прошли у Василия детские годы. И не в просто любовании, а в посильном труде: в огороде, в подворье, в поле, в лесу. Однако это не мешало учебе: школу закончил с серебряной медалью (сочинение на украинском написал на «хорошо». А надо заметить, обучение велось на украинском языке: русский изучался наряду с немецким, часов только на него отводилось чуть поболее. И так было во всех селах. Русские школы имелись только в райцентрах и в городах).

Решил Василий после школы пару лет поработать: опыта поднабраться, обновами обзавестись да и отечеству послужить, но иначе рассудил отец: допек — учись! Пришлось, в октябре уже, с заготовок, из лесу, ехать в столичный Киев.

В Киевском строительном институте ректор посочувствовал медалисту, но к себе не взял, а позвонил в строительный техникум: там приняли и даже со стипендией. Было это в 68-ом. Но доучиться не дали: в декабре 69-го в армию забрали... Но худа без добра не бывает!

Службу проходил он в Горьковском области, в ныне известном и знаменитом после ссылки Сахарова, в Арзамасе-2. Это сейчас там даже иностранные журналисты гуляют, а в то время был он за семью дверями, семью замками. А так городок — ничего! Чистенький, аккуратный, народу — как в Мегроне сейчас, только сплошь — военные.

Закончил Василий полугодовую школу связи, присвоили младшего лейтенанта и должность старшего механика по связи — сигнализации.

Мало того, что город закрытый, так чтобы с завода на завод, из цеха в цех попасть — особые пропуска каждый раз оформлять требовалось. Секретность! Подписку давал: пять лет не разглашать, где служил. Зато и много интересных людей приходилось видеть: хотя бы Королева

Сергея Павловича. (Кстати, он без охраны ходил). Приходилось во всяких кабинетах бывать, но ремонт делал только в присутствии хозяина. Приятный народ — академики. Служил бы, да и свои дела начатые есть — завершить нужно.

После «дембеля» восстановился в техникуме и в апреле 73-го закончил, да не как-нибудь, — с отличием!

В те времена за направлениями на работу молодые специалисты в Москву ездили, в министерства.

Принял Василия чиновник, бывший членом Государственной комиссии при защите диплома, узнал, видимо, его и доброжелательно спросил: «Куда бы Вы хотели?»

«На самую большую стройку! — ответил Василий и добавил: — И чтоб к дому поближе...»

И получил он направление в комбинат «ЖИТОМИР-ПРОМСТРОЙ», на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку: на строительство завода «ХИМВОЛОКНО»...

Стройка громадная: на площадке в 120 га!

Назначили Василия Александровича мастером на строительство «сердца» заводского — котельной! Начал он с «колышка» (сам разбивал) и довел котельную до пуска, но уже в должности начальника участка. Серьезный экзамен на зрелость выдержал Василий Александрович в течение этих двух лет. Котлы мощные, современные, каждый — 50 тонн пара в час, монтаж и пуск их — дело не шуточное.

В личной жизни у Василия Александровича за это время тоже произошли значительные события.

Левковичи — не такое уж большое селение, все друг друга более-менее знают. И Василий не исключение. И Марийку, учившуюся двумя классами ниже, он встречал, здоровался с ней и разговаривал, но УВИДЕЛ и по новой познакомился с ней уже будучи студентом, на каникулах, отслужив в армии.

Пока он занимался связью и сигнализацией в Арзамасе-2, Марийка закончила школу и поступила в сельхозтехникум в городе Бологое и тоже приехала домой на каникулы.

Судьбе было угодно, чтобы они пошли на школьный вечер на танцы: там ПО-НОВОМУ увидели друг друга,

вновь познакомились, а вскоре поняли, что они — половинки целого, что друг без друга не могут и в августе 1973 года поженились. Мария к тому времени тоже закончила техникум.

Через полгода молодая семья получила однокомнатную квартиру (муж — строитель, да к тому ж — оба молодые специалисты), а в декабре 74-го она огласилась звонким голоском дочери Натальи... Летит время! Наталья закончила кооперативный техникум, сейчас работает в КРУ и заочно учится экономике в Челябинском университете).

После сдачи котельной перевели Василия Александровича в другое управление заместителем начальника производственного отдела. Управление занималось возведением жизненно важных для Житомира объектов: хлебозавода, мясокомбината, молокозавода, насосной станции. В Энциклопедическом словаре 85-го года выпуска эти предприятия фигурируют в качестве основного промышленного потенциала Житомира. А в то время — это были «объекты», «площадки» строительные. Управление выступило генеральным подрядчиком. Субподрядчики в строительстве — словно рода войск в армии, а производственный отдел генподрядчика — штаб. Более двух десятков субподрядчиков строили эти объекты! Работы Василию Александровичу хватало: скоординировать и проконтролировать выполнение обязательств такого количества партнеров — непросто! Но Василий Александрович справлялся. С коллегами ладил, находил общий язык. И начальство ценило его. Главный инженер, работая в Сибири, прельстил его и вызвал к себе... Но это позже, в 82-ом году. А до этого Василий Александрович успел «расшириться»: получил двухкомнатную квартиру, поработал в нормативно-исследовательской станции при комбинате «Житомирпромстрой», в областном Управлении сельского хозяйства и сельхозтехники начальником отдела по технадзору за строительством. Так что, когда Годун, работавший в то время начальником ПТО СУ-920, дал ему вызов, Василий Александрович Невмержицкий знал строительство со всех, так сказать, сторон: нормативной (де-

нежной), исполнительской («живой») и контролирующей (со стороны)...

В Мегион Василий Александрович приехал 13 ноября 1982 года. Начал работать начальником участка. Выделили ему коттедж. В марте 83-го привез семью. И заработал счетчик («Может, спидометр?» — замечает В.А.) его сибирской биографии...

«Работа — с инженерной точки зрения — может, и проще прежней, на «большой земле», но организационно, технологически — не уступит. Зато простор какой, размах! Это тебе не сто двадцать га, километры, сотни километров! Да. Не люблю восклицательные знаки, но как в Сибири без них обойдешься? Когда взглянешь на дорогу, уходящую вглубь «зеленого моря тайги», перед сдачей заказчику, до ее открытия, да если еще она с гривки на гривку ныряет, через ручьи и болота перекидывается, — если не голосом, то горячим толчком крови в сердце, комом в горле, мыслью в голове — а воскликнется беззвучно, будь ты хоть трижды сдержанный человек: «Наша работа!»

Дороги, дороги, дороги... На Лангепас, Северный Покур, Хохряки... Магистральные, внутрипромысловые...

Испытание моста.

Сейчас, в трудные времена, берутся за любые заказы: строят даже временные, лежневые, с отсыпкой, трассы для перетаскивания буровых установок. Но и при выполнении этих, казалось бы, простеньких работ возникают свои технические и организационные проблемы, требующие вмешательства главного инженера: пока мы беседовали с Невмержицким, несмотря на его предупреждение: «занят», к нему со срочными вопросами — несколько прорабов, начальников участков.

«Вот он, мой недостаток, — сетовал после ухода Василий Александрович, — не могу отказать! Доброта не доброта, жалость не жалость, — не знаю... Нет, когда дело идет о выполнении технических требований, качестве, технике безопасности, могу и наорать, и наказать... А вот когда так, чисто по-человечески... Пользуются некоторые! — Василий Александрович вздыхает, лукаво щурит рассыпчато-голубые, в каштановых ресницах («малежиковские»!) глаза. — Недавно уволил одного... злоупотреблявшего выпивкой... Ценный работник; он это понимал, поэтому и хорохорился: меня, мол, везде с объятиями примут! Раньше был — да, а сейчас — потыкался он туда-сюда да и вернулся. Во — он там: на колени плюх — и просит: Возьмите обратно! С «распутинным» завяжу!» И я не устоял, дал ему еще шанс, но с условием: кодироваться от алкогольной зависимости... Закодировался он, работает пока безупречно. Даст Бог, может и не сорвется...»

«Вообще-то, — говорит он, — я люблю живую работу: непосредственно на трассе. Сюда, — он показывает на свое кресло, — сел после нескольких приглашений, в феврале 92-го. А раз впрягся в гуж, не говори что не дуж: приходится вертеться. Я на работу — к семи часам хожу пешком. Мимо убээровских балков. Там собак полно — так они уже привыкли: как другу, хвостами машут, поскуливают. Да и дети меня любят! — это уж на мой вопрос. — Добрый я или нет, но то, что собаки меня не облаивают, а детишки даже от матери, ручонки ко мне тянут, если позову — это точно... Внуки будут — думаю, поладим...»

Василия Александровича я знаю менее полугода. Такая вот обстоятельная беседа идет у нас впервые, — но ведется она легко, как со школьным приятелем, перескакивая с одного на другое.

«Отпуска как проводим? Да по-разному: когда как... Если есть возможность — обязательно ходим на выставки, на концерты, в театр... И в музеи, картинные галереи. И что удивляет: малолюдство! Придешь — экскурсоводы тебе, как родному, рады. В церквях, в храмах зато стало теснее. Я ведь, когда в Киеве учился, — хоть и запрещали тогда, — любил ходить в соборы, особенно на Пасху. Вот уж поистине праздник!

К родителям — это уж каждый отпуск. Еще бы: помочь надо! Старенькие ведь уже, а хозяйство: огород двадцать соток, корова, поросенок, куры. Дрова, сено заготовить, им уж не под силу. Этой осенью вот были: картошку убрали».

«Читать — любил и люблю. В детстве — даже под одеялом с фонариком читал. «Любимого» писателя — чтоб в него уперся: «самый-самый»! — нету. Каждый по-своему интересен. Сейчас ТВ да компьютеры отлучают молодежь от книг. Да и детишек: только стал ходить, а уж тянется к компьютерным играм. Вот еще мелочь: в школе состязательности в учебе нет. Прежде хоть у нас, хоть в старых гимназиях медали были. К слову, у нас в классе шесть медалистов было, практически все закончили вузы и техникумы. Даже аттестаты сейчас какие-то невзрачные...»

«К власти никогда не стремился. Но если она вручена, справлять ее надо добросовестно, справедливо. Самое главное: чтоб у тебя и у подчиненных были четкие обязанности, чтоб каждый знал, за что он отвечает. Чтоб не было дублирования. И чтоб «безнадзорных» участков работы не было. И чтоб личные привязанности оставались за праздничным столом: этому гостю лучший кусочек положу и рюмочку вовремя налью, а тот — сам себя обслужит... На работе должно быть со всеми справедливым...»

«Есть ли высокая любовь? Не знаю... Но что-то есть! Возьмите разлуку. Ведь другой раз места не находишь: словно половина тебя дома осталась... Или, когда рядом

мысли друг друга читаешь: ты подумал, она ответила... Что-то есть... Не зря раньше говорили: браки свершаются на небесах...»

«Что не люблю? Наветы! Меня знают: приучил, сейчас никто не пытается при мне даже заикнуться про другого...»

«То, что коллектив у нас дружный, опытный, вы слышали да и могли убедиться сами, бывая на объектах. Основной вклад в то, что мы выжили в трудных условиях, вносят, конечно, производственные участки, которыми руководят Швецов Владимир Николаевич и Петриченко Юрий Алексеевич. Но они не сработали бы успешно без четкой, хорошо организованной работы службы главного механика. Коэффициент готовности техники в прошлом году достигал 0,8-0,9. И это — заслуга главного механика Васина Евгения Николаевича, начальника РММ Фролова Александра Аркадьевича и опытных и добросовестных работников их служб. Справляется с задачами энергетическая служба под началом Анны Гареевны Артекс. В ПТО работают давно и успешно старшие инженеры Козловская Людмила Алексеевна, Черкашина Нина Николаевна и другие. В самом деле: хороший у нас народ, даже трудно выделить...»

«Зачем живем? Не сами брали жизнь, а раз дадена — надо жить. И потом: есть ради кого — ради дочери, а потом — ради внуков... А уж как жить — это, во многом от нас самих зависит».

«И все же! Как насчет Малежика?» — прощаясь, спрашиваю я.

«Ладно, присмотрюсь... прислушаюсь, — обещает Невмержицкий. — Но вообще-то я предан старым привычкам...».

ВОСПИТАТЕЛЬ — НЕ ПРОФЕССИЯ, А ОБРАЗ ЖИЗНИ

Воспитатель детского сада... Кто из родителей хоть раз не имел с ним дело, что-то потерял в жизни. Мне пришлось водить детей в разные садики, в городе и в поселке. Разные были и садики, и воспитатели — разные по внешности, возрасту, но одинаковые — в добротерпеливой влюбленности в детей. И я, например, учился у них сдержанности и мужеству: пока собираешь ребенка или раздеваешь его, от шума, гвалта, смеха, рева, вопросов, — голова кругом уже идет, а какво, думаешь, им, воспитателям — по двенадцать часов, да пять раз в неделю?.. Не, такое — изо дня в день, из года в год, — вынести могут только те люди, для которых этот «веселый ералаш» стал образом жизни!

«Да уж и не так страшно, как вы себе представляете, — Лидия Степановна Юшко возражает мягко, улыбаясь, но — не категорически (значит, доля правды есть в моих словах?), — просто скучать не дают. А иногда вообще ведут себя тихо... Как сейчас, например...»

«Еще бы в сончас шумели!» — я тоже не могу сдерживать улыбки: с юмором у Лидии Степановны Юшко, воспитателя детсада «Полянка», что в мегионском Посаде — поселке СУ-920 все в порядке (а дети отзывчивы на юмор и сами любят шутить!).

В группах тишина. Дети спят на раскладушках: кто чинно, кто разметавшись. По-домашнему уютно. Нет казарменности, характерной для прежних лет.

Двадцать первый год Лидия Степановна в этом садике! А в Мегионе — с 1973 года.

В Мегион приехала из Башкирии.

Отец у нее, бывший московский детдомовец, окончил военное училище, стал военным строителем. Как и принято у военных, поездил по стране. В Сибири встретился с Лидиной матерью, коренной сибирячкой (вся родня по матери в Байкальске да в Слюдянке). Лидия Степановна родилась в юном городе нефтяников Октябрьском, который строил ее отец.

В Октябрьском я впервые был на ознакомительной практике в 56-м году: город понравился ухоженностью, чистотой, зеленью, даже бараки, в которых мы жили с китайскими студентами, не угнетали; возможно, это были те бараки, в которых жили пленные немцы, участвовавшие в строительстве города. А центр, с радиально-концентрическими улицами, свежезаасфальтированный, зеленый, застроенный домами с «архитектурными излишествами».

Здесь Лидия Степановна закончила 11 классов, медицинское училище, вышла замуж, родила дочь... Три года отработала по специальности в детском саду. Красивый город, работа по специальности — и вдруг в какой-то Мегион, в то время — сумбурно застроенный поселок. «За запахом тайги, за туманом?..» «Да нет, на заработки!»

Мужу работа сразу нашлась, а вот медики... Весь Мегион обошла Лидия Степановна, медики не требовались ни в детсады, ни в больницу (крохотная была больничка, за военкоматом, сейчас снесена). Первое время на одну зарплату жили. Потом пообещали место в этом садике — он как раз достраивался, но — воспитателем. Согласилась... Может, и к лучшему.

«Управление расширилось, поселок рос. Группы были большие: по тридцать детей ходило! Вот тогда крутиться приходилось! Представьте: тридцать раскладушек в группе раскинуть, убрать... Принять, накормить, на прогулку сводить... На чисто воспитательскую работу времени не остается. С прогулками, правда, было хорошо: действительно, «как в ясной полянке»! За спорткомплексом — ягоды, грибы собирали с детьми. А сейчас что? — дорога, дачный кооператив за высоким забором... Загазованность... Как на «кусте», за Мегой, разлитую нефть запалят, весь дым сюда.

Зато сейчас легче: группы стали меньше, человек по восемнадцать. Сокращение везде — одна причина, часть детей с матерями сидят. Из города, как бывало, уже не возят к нам — там, видимо, проблема с детсадами решена — вторая причина. Поэтому появилась возможность специализированные классы оборудовать: музыкальный, изокласс... Школы в поселке нет, так получили разрешение своих выпускников в нашем, садиловском, первом классе обучать на продленке.

Хотя дети всегда дети, во все времена, но какие-то отличия, конечно, между детьми 75-го года и этого, есть. И в одежде, и в развитии. Влияние телевидения — заметно, безусловно. Перестройка, рынок — все на лету схватывают детишки. Уже и приоритеты профессий в ответах на вопрос: «Кем будешь?» — меняются... Может, предвзято наблюдаю, но кажется, что дети стали чуть беспокойнее: сказывается, видимо, нестабильность обстановки в семьях, неуверенность в завтрашнем дне родителей, да и вообще — ситуация в стране... Дай Бог, если ошибаюсь... Хотелось бы, чтобы дети выросли здоровыми, уверенными в себе! Как и первые воспитанники, некоторые из них семьями уже обзавелись!

Радуют ли свои дети? Пока радуют. Сын в армии отслужил, сейчас учится. Дочь Новосибирский техникум закончила, занимается коммерцией.

Живем вместе. Раньше жили в «деревяшке», после сна получили в 9-этажке. Мегион не то что полюбили, скорее — свыклись! По мужу — все родственники в Ленинграде. Кстати, вот про генеалогическое древо вы спрашивали. По мужу — и в Швейцарию, и еще куда-то уходит... Пожалуй, надо просматривать рубрику «Инюрколлегия разыскивает...» — вдруг наследство нас ищет... Да. Так о Мегионе. Люблю не люблю, а в отпуске долго не могу: тянет! Хотя и на большой земле жилье бронировано, но основной дом — здесь. Там — жилье, здесь — дом. Пока на пенсию не выгонят — здесь будем жить, это однозначно!»

Мы закончили разговор, а дети в группе еще спят. Боже мой, как беззащитно-доверчивы спящие дети! Разомлевшие, с подрагивающими ресницами — снится что-

то?, с разгоревшимися щечками, аленькими, полуоткрытыми губками... Кто-то уже беспокойно ворочается, верно, сончас последние секунды отсчитывает. Но еще есть время: взгляните на спящих детей, и вы поймете, почему воспитатель — не профессия, а образ жизни... И не ревнуйте к ним своих детей.

За руку тянет. Смешлива, румяна.
«Ох, погляди, какая большая,
какая огромная поляна!
Сколько цветов нашла я:
охапку!..
Что же молчишь ты, папа, ну, папка?
Ну, не брани ты меня за это!..»

В самом разгаре сибирское лето.
Шмель вертолетом садится на кашку.
Будто разряды, шуршат стрекозы...
Не шелохнутся над нами березы.
И глаза у нее — голубые ромашки!
Смотрят на мир они в удивленьи
и не сморгнут ресниц лепестками...
Ради этих, наверно, мгновений
сеется хлеб,
долбится камень...

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ...

Афоризм вождя, вынесенный в заголовок, по сути своей верен, так же как справедливы и величественны были заповеди конституции его имени, — все дело в их реализации и толковании на практике.

«Кадрами», в обиходе, называют отделы кадров предприятий, организаций, а ныне — фирм, компаний, разного рода обществ.

В АООТ «СУ-920» «кадры» олицетворяются Флюрой Халяфовной Даниленко, старшим инспектором отдела кадров.

Флюру Халяфовну знает каждый работник акционерного общества, и она знает практически всех, и неудивительно: в «кадрах» строительного управления она работает восемнадцать лет!

Флюра Халяфовна, с мягкими чертами лица, негромким мелодичным голосом и неспешными уверенными движениями, вместе с тем — «железная» жрица КЗоТа! В прошлом году 10 сентября у нее был юбилей: пятьдесят лет!

Пятьдесят лет... Задумчивый юбилей, что ни говорите!
А ведь давно ли...

Давно ли Флюра жила в родной деревеньке Баишево с папой и мамой, с братом и тремя сестрами... В семье — мир и благодать, природа вокруг — прекрасная: поля, холмы, леса, чистоводные, глубокие озера... Юг солнечной Башкирии!

Бегали босиком! Смотрели за скотиной, присматривали за цыплятами, обихаживали огород: копали, пололи, окучивали, тяпали, поливали, ходили в луга, в лес — за

съедобными травами, по грибы, по ягоды... Делали, конечно говоря, все, что скажут родители. «Не хочу», «не могу», «не буду» — такого даже в мыслях не появлялось!

Прекрасна, богата, отзывчива на труд башкирская земля: лук, морковь, огурцы, капуста, репа, брюква, кабачки, тыква, картошка, мак, шафран, укроп — все, что ни посеешь да обиходишь, радовало урожаем. Леса и луга также были полны своими дарами: ягодой да лекарственными травами: позже, в школьные годы, на деньги, вырученные за аптечные травы, корешки и ягоды, покупались учебники, карандаши и тетрадки... Потребности соразмерялись с возможностями, и на душе было комфортно.

Летними вечерами, после дойки, выгоняли коров и другую живность попасть еще на ближних лугах. Подростки, детвора приглядывали за ними и одновременно резвились, веселились: пели, водили хороводы, играли в прятки, догонялки — до самой теплой темноты...

А зимой — школа, уроки... Начальная школа — в Баишево, восьмилетка — в Малоибраево, за семь километров: утром — туда семь, после обеда — обратно. Каждый день, кроме каникул. В мороз, в метель, в стужу — активированных дней не бывало! В старой одежонке с плеч взрослых: в основном, в знаменитых советских «куфаечках»!

Как начинался отел, окот, — весело становилось в доме: телят, ягнят, козлят на некоторое время в избу заносили, в закуток, молозивом отпаивали, цветочным сеном подкармливали, липовыми, заготовленными летом вениками, сладкими с мороза ильмовыми веточками... Часами можно было любоваться этими забавными несмышленишками, играть с ними. Но и ухо надо было держать востро: чуть что, примут за соски и обмусолят край подола, рукав или еще что... Не по дням росли, а по часам! Давно ли расплзались ножки на мягких копытцах, а уже прыгают, побадьваются, голос подают. Значит, скоро на вольный воздух отправятся... в хлев.

В семье Мавлютовых все дети учились хорошо, и Флюра не была исключением. Когда она окончила восьмилетку, учителя настоятельно предлагали продолжить образование. Родители и сами желали этого и отправили Флю-

ру в одиннадцатилетку, которая была в райцентре, в 15 км от Баишево. Так, в шестнадцать лет, Флюра «вышла в люди»: жила на квартире у дальней родственницы и скупала по своей семье... особенно по родителям.

Самые лучшие родители у нее были, добрые, хоть и нелегкую жизнь прожили. Мать, Ханифа Тимербаевна в три года осталась сиротой (дед с бабкой имели лавку, за товарами ездили в города; в одну из поездок заболели и почти одновременно умерли). До восьми лет воспитывалась мать в детском доме, потом — родственники забрали, жила у них в няньках, по хозяйству помогала. У отца в семье тоже несчастье было. Прежде жили они в достатке: работающая семья была. Потом отца его, деда Флюры, раскулачивали, а однажды, по дороге в Уфу и убили, и осталась бабушка с пятерыми на руках.

И вот, когда матери исполнилось 16 лет, выдали ее за муж... хотя отца она до этого ни разу не видела! Но ведь как повезло ей: хорошим, добрым человеком оказался он, да и ему тоже повезло! Встретились они да и слюбились: 45 лет прожили душа в душу, в любви и согласии, очень счастливо. Никогда дети не видели их сердитыми, ссорящимися, никто из них даже голоса не повысил ни друг на друга, ни на детей.

Отец, отвоёвав четыре года, вернулся с войны инвалидом II-й группы. Главное, живой! Ведь из всей деревни только трое пришли с войны... Был он работающий, отзывчивый. В колхозе работал конюхом. Помогал соседям. А лапти... в лапоточках лыковых хаживали ведь в то время! — лапти плел на всю деревню. Жаль, в 70-м умер.

Одна из всего Баишево закончила Флюра одиннадцатилетку. Куда поступать? По сути наобум, с двумя одноклассниками, уехала в Стерлитамак и поступила в строительное училище — «на каменщика»! (Действительно «строить»! Здание «коммунизма»! Шел 62-й год: Программа построения Коммунизма принята КПСС и одобрена всем советским народом!).

За два года освоила профессию и получила направление на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку — в город нефтехимиков Салават...

До 77-го года работала каменщицей СУ-2 греста «Салаватстрой», одно время была даже секретарем комсомольской организации управления.

Труд каменщика — созидательный, творческий, захватывающий процесс! Но — тяжелый, не женский труд, тем более, что все — вручную: на второй-третий этаж и кирпич, и раствор — на носилках! Флюру Халяфовну спасала только деревенская закалка.

В Салавате и замуж вышла, дочь родила, квартиру получила. Может, так и жили бы там (муж на химкомбинате работал), да случилось так, что сосед по лестничной площадке оказался мегионцем: работал в СУ-920 механиком.

В 77-м и семья Даниленко приехала на север: сначала жили на Покачевском месторождении. А когда получили квартиру, она работала уже в «кадрах», заочно окончила Омский строительный техникум.

И вот, прошло восемнадцать северных лет. Флюра Халяфовна три года уже бабушка: дочь закончила пединститут, учительствует, замужем, сейчас водится со своей дочкой... Балует бабушка внучку — как когда-то, в Баишево, саму ее чем-нибудь вкусеньким баловала ее бабушка...

Восемнадцать «кадровых» лет...

Сейчас в АООТ «СУ-920» работает только 36 человек из тех, кто пришел ранее ее: остальных она оформляла.

«Так как же все-таки — «кадры» «решают все?» — спрашиваю ее.

«Все не все — объективные причины бывают, — но очень многое зависит от «кадров», если иметь в виду первых руководителей, — говорит она. — За мою бытность сменилось их достаточно. И самый главный показатель того, что «кадры» решают и как, — это текучка! Бывало у нас несколько всплесков — когда во главе управления оказывались слабые руководители. При них падала производительность труда, производственные показатели, дисциплина, ухудшался моральный климат в коллективе, снижались заработки... И, как следствие, начинался отток кадров, зачастую, лучших. За эти годы, из всех руководителей, могу выделить только двоих: Бабенко Виталия Се-

меновича, начальника управления с 79-го по 84-й год, и нынешнего генерального директора. Конечно, условия работы у них — совершенно разные, требующие и разных методов. Но многое их и объединяет: они не отрывались от коллектива.

Вскоре после прихода Бабенко текучка прекратилась, осталась только естественная. Это был очень энергичный, способный руководитель, он буквально заряжал своей энергией людей. Был очень подвижным: знал, что делается на участках, на всех объектах, в поселке, в каждой семье. Со своими нуждами к нему любой мог зайти и в кабинет, и домой. Он понимал людей, и они откликались на его просьбы, когда надо — приказы. Человеколюбивый, он мог быть и жестким. Без этого руководителю нельзя тоже. Но времена сменились... И вот Андреев Алексей Владимирович, нынешний генеральный директор, в 89-м был выбран коллективом... Принципиальная разница!

Да и условия хозяйствования сейчас совсем другие: «входим в рынок»! Новое время требует новых руководителей, иного подхода к «кадрам». Но в любом случае, общечеловеческие требования — справедливость, отзывчивость, требовательность — остаются. Не отрываться от коллектива, но и не идти у него на поводу ради сиюминутных интересов. Всеми этими качествами наш руководитель обладает, но и коллектив тоже под стать: дружен, в трудные минуты надежен и терпелив. В общем, у нас «кадры» всех уровней «решают все»! Сейчас идем по неоторенной дороге, учимся в пути, но идем уверенно».

На этой — мажорной — ноте я и заканчиваю рассказ о Флоре Халяфовне Даниленко.

Я НЕ ЗАБЫЛА ВАС, РЕБЯТА...

«Сердце матери
лучше солнышка греет».
Русская народная поговорка

1

Осень уже, длинная сибирская осень... И ветер-листо-бой отсвистел, и шишкой угомонился... И первая кру-па прошла, белыми лепестками первые снежинки проко-лыхались: через месяц, по приметам, ляжет зима...

Осень, северная осень...

Ржавь длинных, не осиленных ветрами тальниковых листьев...

Жестяный шорох нескошенной травы на сорах...

И вдруг на фоне серебристого подзола и мокрой кар-тофельной ботвы — нежно-тревожное, ало-беззащитное, неожиданное цветочное пятно: купа доцветающей касмеи, сказочного аленького цветка...

Увидишь такое — и зверем лесным, чудом морским по-чувствуешь себя: мурашки бегут по коже, а в сердце, в горле слово рождается ласковое, заветное, еще чуток — и, кажется, сбросишь прежнее свое обличье и превра-тишься, если уж не в сказочного молодца, — все равно в другого человека: доброго, отзывчивого, жальливого...

Когда все хорошо: в доме, в душе — не насладиться ли итогами труда? Что до того — что осень? На ее фоне контрастной благополучие!

Так оно, так! Но хорошо ли другим? Особенно в пере-менчиво длинное сибирское предзимье. Вспомним о них, кому, может быть, хуже, чем вам, озаботимся их судьбой!

Пошлем им хоть через ноосферу — мысленно — слова привета, как это делает Людмила Якушева — своим однокашникам по Ново-Тапскому детдому... Свою жизнь она считает состоявшейся, и сердце ее болит о них, друзьях-интернатовцах.

Но сначала о ней самой.

2

Дорофее Максимовне Комаровой, Людиной матери, выпало градобойное детство: родителей раскулачили, сослали, а потом — война. Из всего семейства уцелела еще мать да сестра Ульяна. В девичестве счастье посветило: любовь пришла безоглядная, да не надолго. Возлюбленный в армию уходил, сам клялся в верности и от Доры требовал — взаимной. Сынок родился, Володенька. Тютькала, нянькала сына, гукала, случалось, и всплакивала с ним вместе, ожидая служивого. А он пришел через три года, покрутился да и слинял! Кляла Дора доверчивость свою, да жить-то надо! И жила: работала-крутилась, сына малого подымала. Приглядной женщиной была Дора, не один в женихи навяливался, да, обжегшись, разборчиво принимала она мужские ухаживания. «Выбирала-выбирала да и выбрала!» — осудили было близкие, когда «сошлась» она с будущим Людиным отцом, оставившим свою прежнюю семью. По всякому можно отнести к его поступку и к Доринуму: помимо того, что у него было четверо детей, был он и значительно старше ее. Но как бы то ни было, привел он в новую семью двоих сыновей, Толю и Володю, и стали они жить-поживать и совместных детей наживать. И нажили: сына и дочку. Дочка — это Люда и есть.

Говоря о родителях, нельзя пройти мимо двух странных совпадений. Первое. Девичья фамилия Доры — Комарова. Фамилия мужа — Комаров. Второе. Одинаковые имена сводных братьев: оба Володи! Мало того, родились в один год и в один день! Между ними Люда — как ось симметрии. Высшего промысла в этом она не усматривает, но все же — странновато... Будто витязи-хранители: слева — мамкиного рода, справа — папкиного.

В Викулово жили, в Боково, возле Большого Сорокина... Хорошо жилось, плохо ли, только тепло мамкино, ласка и любовь ее вспомнились: как воздух, как хлеб, как водичка родниковая, как улыбка солнышкина, — только как не стало их! А до того — не замечалось!

Молодую еще мать умерла, и тяжело умирала. Упокоилась она на берегу речки, с кратким, как ее жизнь, названием — Ит. Отец, войны успевший хлебнуть, контуженный ею, смертью жены был словно вторично контужен: не выдержал и стал заливать горе извечным лекарством — «вином с печалью пополам». Крепко, видно, присушила его Дора! Так он и не оправился после ее ухода, и семья, окрепшая было, пала, как та безымянная высота, на которой он был контужен после гибели командира: детей в детдом, именуемый интернатом, взяли, а его — ветеранский интернат под Ишимом, где через несколько лет и упокоился он. И тогда дети совсем осиротели.

3

Семь лет прожила Люда Комарова в Ново-Талском интернате. Семь огроческих, подростковых, преддевичьих лет!

Школа-интернат располагалась на краю поселка, дальше — кладбище и аэродром, на который садились «кукурузники». Территория интерната была огорожена высоким крепким забором, по ночам обходили дозором сторожа. Внутри двора находились интернатовские постройки: четыре двухэтажных, из сосновых бревен корпуса — столовая, школа и несколько небольших, вроде бамовских, коттеджей. Хозяйственные постройки (сарай, склад, погреб) и «удобства во дворе»: помойка и туалет. Спортивная площадка, она же линейка. Несколько деревьев. Клумбы, грядки. Это их мир, среда обитания, это — планета, называемая Интернатом. А за забором — Вселенная, Космос...

Младшие жили в коттеджах, вперемежку, а ребята постарше — классами, в двухэтажках. Классы-семьи, классы-сообщества, классы-страны обладали неформальным суверенитетом, жили и развивались по своим негласным «историческим» законам. И, конечно, по формальным,

носителями которых были учителя, они же — воспитатели. По этим законам-распорядкам они вставали, ложились, ходили на занятия, готовили уроки, обедали, несли дежурство в столовой, в классе, в комнате, вступали в пионеры, в комсомол, проводили линейки, ходили строем в культпоходы в кино.

По своим неписанным — общались между собой, защищали честь и достоинство, «частную» собственность, «государственную» тайну: тайники своего «я», сокровенные уголки души, в которых живы воспоминания или мечты о родителях...

С внешним миром были сложные, напряженные отношения. Если походы в кино и на сельхозработы (прополка, уборка урожая) проходили без эксцессов, то малочисленные самовольные вылазки без драк с деревенскими не обходились. словно иноземные космические пришельцы, вооружившись дубинками, с криками: «Бей инкубаторских!» — деревенские не раз брали приступом забор и ворота, и тут уж защищаться приходилось всем интернатовским коллективом, включая взрослых. И хотя дети, особенно постарше, старались как-то оживить (кружевным воротничком, манжетами, косынкой, аппликацией) свою одинаково-мешковатую интернатовскую одежду, выглядели они, особенно зимой, в блеклых ширпотребовских пальто, в суконных сапожках или валенках, однообразно, эдакими «гадкими» утятами. И крики: «Инкубаторские идут!» — вызывали в них не лучшие чувства, но плачивали их, крепили корпоративную солидарность, замыкая их в своей — интернатовской — среде, отчуждая от внешнего мира. И, тем не менее, все более манящего к себе, к своим тайнам и соблазнам.

Маленькая, послушная до смиренности, не по натуре, а по разуму, не кукольно-красивая, а милая, общительная, однако и себе на уме, добрая, но не до транжирства, Людочка Комарова и ее братец Юрочка не могли не понравиться педагогам, обслуге, друзьям-товарищам, подругам... И — нравились. Мягко, ненавязчиво была она в своей группе духовным пастырем: еще с младших классов умела овладевать «аудиторией». Развлечений у них, как это

нынче понимается, не было. Даже книг не хватало, обычных детских: сказок народных и авторских, того же Гайдара, Кассиля, Фадеева, Горького. Не говоря уж о Пушкине, Гоголе, Майн Риде, Купере, Твене... На этом фоне умение Люды пересказывать прочитанное было высоко оценено. В рассказах запросто переплетались канонические сюжеты и коллизии с ее фантазиями, благодаря которым все истории имели счастливый конец, вселяли какую-то надежду на такое же окончание интернатского заточения.

4

Были и другие маленькие радости, были укромные уголки на солнечном припеке, или, наоборот, в тени, в заустеньи. И ученье, в процессе которого приходили творческие озарения, и радость преодоления трудностей при решении сложных задач, многим доставляло счастливые переживания. А дружба... первые, неясные любовные томления... Внутренняя духовная, невидимая жизнь была богаче внешней, событийной — та была серой, однообразной, скучной. Скукота: надоевший, без каникул, распорядок, скукота: надоедливые, как тараканы, похожие друг на друга, воспитатели-учителя...

И вдруг... Иван Васильевич, историк, — новый учитель, приехавший к ним чуть не из самой Москвы! Две его дочери: семи- и восьмиклассницы. Жена — литераторша: русский язык и литература.

С первого же урока весь интернат был очарован новыми сотрудниками и их детьми: внешним видом, одеждой, манерами и вежливо-уважительным обхождением со всеми без исключения. Местные учителя, со своим сложившимся деревенским бытом, с привычной, как посадка картофеля, уборка, доение или вывоз навоза, работой учителя и наставника, в сравнении с приезжими, смотрелись как одуванчик или кашка рядом с гладиолусом или георгином.

История стала у всех любимым предметом.

Людмила Комарова тоже увлеклась историей, и любимый учитель выделял ее из других: доверял ей в случаях, когда возникала необходимость, подменять его на уроке.

Это, впрочем, практиковали и другие педагоги: ассистентом Люда была надежным. Училась она в то время на одних пятерки. Заглядывая в будущее, Иван Васильевич советовал Люде: «Когда закончишь школу, поступай в институт с историческим уклоном! Хотя бы в Тюменский педагогический институт на историко-географический. Или в университет, на факультет журналистики...»

Дело в том, что классе в седьмом стала она записывать придуманные сказки и истории. Это занятие приподнимало ее над повседневностью, вызывало уважение своих друзей и вселяло надежду, что во взрослой жизни у нее все образуется, может быть, самым неожиданным образом. И когда, после восьмого класса, старший брат ее, Володя-мамин, приехал за ней, они — «ребята», т.е. мальчишки и девчонки, однокашники, — дали ей наказ: если выучится и будет возможность иметь, пусть расскажет правду о том, как они жили в школе-интернате на речке Тап...

5

Брат Володя привез Люду с Юрой в Мегион, где он работал водителем УАЗика: возил начальника СУ-920 Бабенко. Было это в 78-м году. Володина жена, Римма Павловна, стала им старшей сестрой-матерью. Кстати, Римма Павловна до сих пор работает в управлении.

В Мегионе Люда закончила школу и, под влиянием брата и окружения (среди дорожников жили и общались!), поступила в Омский строительно-транспортный техникум. В 84-м году получила специальность и стала работать в одном управлении с братом.

Работала в разных службах и на разных должностях. Однажды даже замещала главного энергетика, ушедшего в отпуск. Исстрадалась, вспоминает она, и не потому, что не справлялась, а из-за своего «гимназического» вида: приходит она к незнакомому коллеге-заказчику или субподрядчику согласовать техусловия на подключение или по другому техническому вопросу, а ей: «Вам чего, девушка?» (Она и сейчас «не солидно» выглядит: ясное, круглое лицо, доверчиво-любопытный взгляд го-

Люда Якушева — первое фото на
мегионской земле. 1978 г.

лубых, с фиалковым оттенком, глаз, и располагающе-мелодичный голос... А уж лет десять назад — и по давню чьей-то дочкой-школьницей выглядела, а не и.о.гл.энергетика!).

Сейчас она работает в дочерней компании АОТ «СУ-920».

Муж — в РММ управления. Сын ходит в поселковый детсад «Полянку». Считает, что по нынешним временам живет она не так уж и плохо. Любит читать историческую литературу, не только приключенческого и авантюрного плана, но и познавательного, просветительского. И часто вспо-

минает своих «ребят»: одноклассников-новотоповцев. Волнуется за их судьбу: у многих ведь никого из близких не было, а если и были — конченные алкаши. Да и психика не у всех была на высоте. Как они? Никто ведь не учил их жить, плавно приспособляться к ее «углам», «горкам» и «поворотам»... Доходили слухи, что из ребят — кто в тюрьме, кто в бичах...

У Люды бережно сохраняются любительские фотокарточки интернатовской поры. И без запинки она называет: «Артегова... Люда тоже. Бердюгина Рита, Самсонова Оля, Шипулина Люда... Модное имя было. Вот еще Люда, Лихачева... Черникова Вера, Шагенова Роза, Фазылова Нина, Муравьева Таня... Тихонова Вера, Самбиндилова Нина, Валея Марина... Мухамадеева Алла, Серебренникова Оля... Вот это я — Комарова Люда... Зорина Нина... Мальчишки: Рябчиков Рома, Ниязов Вася, Антонов Гена, Чупин... тоже Гена, Китаев Сергей, Тихонов Коля и Васильев Миша...» В шесть строк поместилось двадцать че-

Интернат
Вера и Коля Тихоновы

тыре судьбы, двадцать четыре мира, двадцать четыре души... Как они там? Общаются ли через ноосферу между собой хотя бы во сне неясными, новотапской поры, детско-юношескими образами?.. Или все уже быльем поросло? — как, говорят, поросло молодыми сосенками то место, где стояла до недавних пор школа-интернат.

Но Люда Комарова-Якушева помнит все до последней минутки: она не забыла вас, ребята! Пусть поддержит и согреет вас ее сердечная память.

«...судьба мне выпала такая!
Но я ее благодарю.
Слезам своим не потакая,
с улыбкой жду свою зарю.
Без озлобления, без завидок,
какая есть — и буду жить!
И вьется волос без завивок,
и голос ясный не дрожит.
Живу — не бедно, не богато...
Но затуманится мой взгляд, —
когда я вспомню вас, ребята,
и ново-тапский интернат...»

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Татьяна Сергеевна Жакова сейчас в самом расцвете своих жизненных сил: песенное — «молодушка»! — слово про нее сказано. Татьяна Сергеевна круглолица, пороссийски улыбочива, в меру полна, доброжелательна, чи-стоголоса.

Так и хочется представить ее в иной, фольклорной обстановке, да что поделаешь, какова профессия — таков и антураж! Татьяна Сергеевна заведует строительной лабораторией акционерного общества «СУ-920». Поэтому и окружают ее прессы, разрывные машинки и прочие приборы — в одной комнате; письменный стол с журналами испытаний, инструкциями, справочниками — в другой. В этой — «другой» — есть и электрочайник с посудой: на случай, если заглянут «полевики».

Акционерное общество, в котором работает Татьяна Сергеевна, занимается, в основном, строительством дорог с твердым покрытием разной категории.

Важную роль в обеспечении качества строительства играет лаборатория, возглавляемая Татьяной Сергеевной. Здесь определяются технические характеристики — и, в первую очередь, прочность — строительных материалов, несущая способность — грунта. Для снятия некоторых характеристик Татьяне Сергеевне часто приходится выезжать на объекты работ — к «полевикам».

«Не трудно?..»

«Что вы! Интересная работа не бывает трудной, не об-выкается!»

Родилась Таня в летнем месяце июне на берегах ИС-СЫК-КУЛЯ, в г.Пржевальске (по-нынешнему, в ближнем

зарубежье, в Киргизии). Однако, прожила она в этих благословенных местах недолго. Ей было всего пять лет, когда судьба нанесла жестокий удар: умер ее отец.

Мать ее, Мария Егоровна, в свое время приехавшая в Пржевальск к родственникам, окончила местный — женский! — пединститут, вышла здесь замуж, родила двух дочерей, из которых Таня-младшая, работала заведующей детсадом, — смерть мужа перенесла тяжело. Осиротевшая семья решила покинуть край, принеший им горе, и они вернулись на материнскую родину — в Благовещенку, что на Алтае, на границе с Кулундинскими степями...

Там, в Благовещенке, в поселке Степное Озеро, и прошло осознанное долгое детство среди родни, под неназойливым приглядом бабушки Марии Кирилловны, всю жизнь проработавшей санитаркой, деда Иссака Ефимовича, плотника — «на-все-руки-работника» и, конечно, матушки — до недавних пор, кстати, работавшей заведующей детсадом. (Видимо, это врожденная черта — приверженность однажды избранной профессии: ведь и Татьяна Сергеевна на своей должности с 83-го года, т.е. тоже «всю» жизнь — трудовую).

В Благовещенке закончила Татьяна школу. Класс был на редкость дружный. Первая учительница не запомнилась: получилось так, что в начальных классах наставники менялись часто, и это, возможно, способствовало, как ни странно, сплочению класса в дружный ребячий коллектив. С первого по восьмой — без потерь, непобедимой когортой, прошли они сквозь топи, чащи, пески и высокогорья наробразовской программы — к «Аттестату». И с тех пор с завидной регулярностью продолжают съезжаться в Благовещенку в условленное время.

Родная землю! Благовещенка!.. Благо... вещенье... В апреле, по первым проталинам, в степь... к озерам... Что глазу, что слуху, что обонянию — благодать! «Надо мной — небо синее...» Красота!..

Может, поэтому и уезжать не захотелось, и поступила Татьяна в Алтайский строительный техникум — здесь же, в Благовещенке.

Закончила техникум, год проработала — и что-то произошло в душе: потянуло на север, в «бучу»! Так и оказалась она в тресте «Нишневартовскдорстрой», а через год — в Мегионе, в СУ-920, в этой самой лаборатории...

Коллектив, поселок, работа — понравились. Природа — тоже. Жизнь потекла неспешной полнокровной, если и не речкой, то — чистой таежной протокой, рано или поздно, — как впадают что тюменские, что алтайские притоки в Обь, — сливающейся с жизнью предприятия, поселка, страны... С поворотами, подъемами, меандрами, разливами, суходолками...

Пришло время — вышла замуж... Были радости? Были! Да почему «были»? Есть они, есть! Это ли не радость — дочь Настенька?! А и не вторая ли радость — Артем-сынчик?!

Так уж получилось — что теперь одной приходится поднимать их, но это — другое дело! Это, как говорится, «испытание прочности»! И — цель жизни: взрастить их — своих детей — спокойно, без надрыва, но так, чтобы запомнилось им детство — счастливым и долгим. А потом — образование дать современное. Ясное дело — не из легких задача! Радует, что дети — уже помощники. Настенька — вообще искусница, за что ни возьмется — все у нее получается. Вязать? Пожалуйста: в шесть лет салфетки, не глядя, «сочиняла» узорные — словно в руках у нее крючок-самовяз! По дереву выжигает... В доме — хозяйюшка (живут они в двухкомнатной квартире в поселке «СУ-920»). И на огородах — в палисадике и на дальнем, у Оби — Настенька с Артемом — помощники уже!

Этот год в семье Татьяны Сергеевны знаменателен: Настенька идет в школу... Что ей пожелать? Дружного, как когда-то у матери, класса и радости познания! И — материнского же! — оптимизма и жизнелюбия.

ДОРОГИ АФАНАСЬИЧА

1. Переселенцы

Предки Анатолия Афанасьевича Подолько хлебопашествовали в Полтавской губернии в Зеньковском уезде. Голодать не голодали, но и не роскошествовали: крестьянские наделы были малы, разгуляться трудолюбивым рукам особо было негде.

Переселенчество, как явление, — для Малороссии было не в диковинку: не только в Сибирь, на Дальний Восток, но даже за океан, в Новый Свет, в Америку и Австралию, уезжали предприимчивые хохлы. А с проведением столыпинской реформы переселение приняло массовый характер: снимались с насиженного места чуть не целыми селами, уезжали со скарбом, живностью, со стариками и малыми детьми, а, главное, — со своим укладом, обычаями и жменькой родимой земли в кисете или ладанке... Манили переселенцев свободные обильные земли, прельщали и льготы, особенно — свобода от податей.

Двинулись в путь и Подольки со своими земляками... Ехали на волах: «Цоб-цобэ!» И неудивительно поэтому, что в дороге были целый год! В честь «ридного мистичка» Зеньков, старинного, известного с начала 16-го века городка на севере Полтавщины, основали на зимовке деревню Зиньковку, часть переселенцев осталась в ней, остальные подались дальше — ближе к океану...

2. В Уссурийской тайге

Родился будущий «Афанасьич» в Уссурийской тайге, в поселке леспромхоза Манома, в начале войны. Свидеться

же с родителем своим, Афанасием Трофимовичем, ему не пришлось: погиб тот 23-х лет от роду в 43-м году под Сталинградом... С дедом Трофимом Васильевичем, сестрой и двумя братьями да с матерью Анной Иосифовной перемогал младший Подолько военное лихолетье.

После войны, через три года после гибели мужа, вышла замуж Анна Иосифовна вторично: за деверя, т.е. мужниного брата. Случайно так получилось, по уговору ли между братьями, Бог весть... Только — дядя стал отчимом, а младшая сестренка одновременно и племянницей. Главное, что — все дети выросли, стали на ноги и по сию пору живы-здоровы: братья, один — в Ленинграде, второй — рядом, в Мегионе, сестры — в Хабаровске...

А в 46-м... В 46-м переехала окрепшая семья в город Бикин, купили на окраине дом. Через некоторое время раскорчевали рядом участок и построили второй: в одном стал жить дед с бабкой, в другом — отчим с семьей.

Анатолий жил и воспитывался у деда.

Детство Анатолия прошло на земле: природа была вторым домом.

Горная речка Бикин: широкая, быстротечная, холодоструйная, многорыбная (конек, чебак, сом, сазан... осенний ход кеты — на нерест!).

Уссурийская тайга: сказочно-дремучая, светлая, звучная, разномастная, обильная, ягодная, заманчиво-страшная (в двенадцать лет довелось увидеть на поляне, метрах в семидесяти, уссурийского тигра — «амбу» по Дерсу Узала)...

Начальная школа располагалась в бывшей японской конюшне, но это не мешало учиться хорошо и с интересом. И первая учительница помнится: Роза Степановна... Потом учился в средней школе. До восьмого класса. А в четырнадцать лет пошел работать: в горбыткомбинате на токарном станке из дерева вытачивал различные изделия (вроде ручек для эмалированных ведер, бидончиков, чайников). Может, даже выучился бы «матрешек» ладить, да круто изменил профессию: в 56-м году поступил в среднее мореходное училище в г.Иман (с 73-го — Дальнереченск) Приморского края. И в 59-м году получил специальность механика паросиловых установок.

И расстелились перед Анатолием Подолько голубые — морские! — пути-дороги...

3. Голубые дороги

Первое судно, на котором в 59-м году пошел по голубым путям-дорогам новоиспеченный механик, — ледокол «Добрыня Никитич». И ходил он на ледоколе до самого призыва в армию — три года.

Служить довелось Анатолию на Тихоокеанском флоте в Петропавловске-Камчатском на десантном корабле. Интересна, завидна служба морская, да затяжная: четыре с половиной года отрубил Анатолий!

«Ты моряк красивый сам собою...»

Бескозырка, форменка, брюки клеш, тельняшка флотская, ремень с напаянной для весу бляхой — многие хранят их в заветных рундучках.

Анатолию их нафталинить не пришлось: после «дембеля» стал служить в торговом флоте, пригодилась и тельняшка, и клеш, и ремень...

«По морям, по волнам!..»

Нынче — здесь, завтра — там...»

Морские пути-дороги — на глобусе, на карте ли, по бледно-синему — темно-голубым пунктиром...

«Петропавловск-Камчатский — Находка» — 2500

«Находка — Хакодате» — 700

«Находка — Сан-Франциско» — 8300

«Владивосток — Одесса» — 17 000...

С лесом. Оборудованием. Товарами...

Во время стоянок в заморских портах — группами — с замполитом — после инструктажей — выходы в чужую, запретную жизнь...

Блеск и гам улиц, сиянье витрин, красочное и необычное изобилие прилавков... Многое в диковинку: от многообразной фасовки до изумительной (произведения искусства!) упаковки! Как все это было не похоже на «свое»: трехлитровые банки, серую занозистую бумагу или «газетку»... Поражали-то именно — мелочи! Сами по себе многие наши товары были не хуже, а продукты — и лучше, бывало.

Петропавловск-Камчатский — круглогодичный порт. Суда, приписанные к нему, случалось, месяцев по семь находились в плаванье, — когда выгодный фрахт находился. В Одессе, к примеру, выгрузились, а груза, чтоб к родной гавани, нету, есть — в Коломбо! Пароходство бронирует гостиницу, заказывает самолет и... везет из Петропавловска (почти как к Штирлицу!) к морякам жен, детей... И все же... все же... очень при морской службе семья на прочность испытывается.

В наши-то порты, ладно, привезут семью: детишек, как говорится, пересчитаешь. А как вот на затяжной ремонт где-нибудь в Сингапуре или Кейптауне станешь — тут и «амба»: кровь-то бурлит! В «бордели» не только холостяки хаживали... Теневая сторона флотской службы, но дело-то — житейское!

4. «В Кейптаунском порту...»

«Известно: даже близкие, друзья осуждают — когда, чтоб создать новую семью, разрушается прежняя. Когда свободные люди сходятся, у них, может и не любовь, а увлечение. Если же люди, мужчина и женщина, идут «против ветра» — семью-то оставить легко ли? — значит, чувства у них определено крепкие, настоящие. И осуждать их с бухты-барахты не стоит... Я ведь и сам — как женился?

Во время службы в военном флоте дали мне отпуск — как поощрение. В Петропавловске-Камчатском друг был. Как раз в плаванье находился. Стал я с его женой встречаться: полюбилась мне. И ответила взаимностью. Что делать? Хоть разрывайся! А командир поддержал: женись! С его благословения и женился.

Жили в Петропавловске до семидесятого. Не шикарно: две комнаты в «деревяшке»; отопление печное, «удобства» — во дворе... Да и зарплата, с флотскими и северными надбавками, была не очень. Но жили спокойно, стабильно: без тревоги... Снабжение — терпимо. А уж лосось, крабы, икра — за всю оставшуюся жизнь! Литровая банка икры — червонец. Коробка крабов — рубль шестидесять семь, лосось — рубль пятьдесят! Правда, зелень,

овощи — редко и дорого. Пиво — дефицит из дефицитов! Да и вообще — выпивка... Кто хотел, из загранки привозил: этого добра в любом порту...»

5. На земле предков

В 70-м году, в отпуске, в Черкассах, купили Подольки дом: деньжата поднакопились. Вскоре частный дом попал под снос, взамен получили 2-х комнатную квартиру в кирпичной пятиэтажке. Через дорогу кинотеатр, внизу, под балконом, вход в пельменную (в ней — рюмочная!). Наслаждайся, моряк, устойчивой сухопутной жизнью: ни качки тебе, ни штормового предупреждения! Отдыхай, повышай свой культурный уровень.

Кончился длинный отпуск: семья осталась в Черкассах, моряк — на службу. Еще год проплавал и окончательно бросил якорь в Черкассах: устроился работать на секретном п/я...

Через несколько лет поменяли квартиру на Мариуполь (тогда Жданов): море рядышком!

Море-то море, да недалеко оказались и сорок труб, изрыгающих желто-зелено-ржаво-змее-горынычевые клубы дыма... Особенно донимал конверторный завод. По ночам фантастическая картина: всполохи, феерические россыпи огней, искр, подсвечивающие эти дымовые, словно из преисподней, извержения... А Подолько привык к вольному воздуху: если не морскому, к хотя бы свежему...

Неудивительно, что через пару лет оказался он на своей исторической родине: в Полтаве.

Милое дело! Завели, как полагается, дачу: вишня-черешня, яблоки-груши, сливы-абрикосы, ну и виноград: светлый и черный... Живи — не хочу! Витамишься! Наслаждайся: ароматом цветущего сада, синью небес, соком плодов, сытью злаков, чарующими звуками «ридной мовы»!

«По морям, по волнам...» — тяга ли к простору, недостаток ли «грошей» — но что-то пересилило «зов» исторической родины, и Подолько уехал в Сибирь («зеленое море тайги» позвало?): в 79-м году он уже работал в Мегионе.

6. «Зеленое море тайги...»

В 80-м году, при начальнике СУ-920 Бабенко Виталии Семеновиче, поселился Подолько в общежитии; месяца через три получил балок. Жена у него в это время работала на вредном производстве, решила «добить» вредный стаж для льготной пенсии. Сын изъявил желание уехать на север, к отцу (учился уже в седьмом классе). И не пожалел.

В первое же лето купил «Афанасьич», как стали, по-сибирски, звать Анатолия Подолько, маторную лодку «Обь» с «Вихрем», и все свободное время проводил на Оби: вода в ней хоть и пресная, но простор, особенно в половодье, — почти морской! Брал у рыбозавода лицензию и рыбачил: в те времена еще отборные осетры — более 70 кг — ловились, икры — эмалированное ведро! Как положено, сдавал на рыбозавод, но и оставалось: подкармливал управление.

Сын Игорь, между тем, после восьмилетки стал слесарить и учиться в вечерней школе, решив поскорее стать самостоятельным. По этой причине уехал в Волгоград и, закончив училище, стал механизатором широкого профиля. Вернувшись в Мегион, обучился профессии автомеханика. Женится. Невестка из Кемерово, работает на компьютере, заочно учится в институте. У них сын, назвали его в честь деда — Анатолием...

Сейчас Анатолий Афанасьевич — бригадир комплексной бригады и председатель профсоюзного комитета акционерного общества.

Человек умудренный, спокойный, разговаривает он негромким, с задушевной хрипотцой, голосом.

Он невысок, но покатые плечи выдают недюжинную силу. Лицом смугл, словно только что пересекал экватор, темные глаза с приглушенным блеском...

Люди идут к нему в кабинет, обращаются и на ходу: не только по нужде, с просьбами, жалобами, но и просто интересуются делами управления, а то и делятся своими радостями, — разговаривают с ним уважительно, доброжелательно, на равных.

...В июльском сизом мареве дорога, с ультрамариновым блеском асфальта, по гривам, словно по океанским спокойным волнам, скользит, суживается и сливается с зеленоватой, цвета морской волны, таежной далью. Дорога Афанасьича и его товарищей — дорожных строителей.

ЯСНАЯ «ПОЛЯНКА»

«Полянка» — это детсад-ясли в поселке дорожных строителей.

Я проходил мимо этого садика в конце сентября. Накануне над Мегионом пронесся порывистый ветер-листобой, и золотисто-зеленые деревья и деревца, растущие на полянке перед садиком, в ограде, стали сквозисто-ясными, ясеневыми. Окрестные леса и заречные прибрежные тальники также просветлились и как бы отдалились, да и весь горизонт уширился словно, а небо — выкрутилось больше обычного.

Поселок СУ-920 стоит на берегу чуть на отшибе, своеобразным Посадом Мегиона: между ним и городом — промбазы различных управлений и БНТОиКи. Расположен он, к сожалению, от города по розе ветров с подветренной стороны, то есть. (Те, кто выбирал место, не предполагали тогда, что Мегион — в то время еще сам поселок, — переместится так и застит «посадским» господствующий ветер, наполнит его своим «ароматом»: гарью выхлопных труб, графитом факелов, угарным газом и золой из котельных). И все-таки воздух в Посаде пока чище, чем в самом городе: сказывается близость леса и заречного простора.

«Полянка» на дальнем от города краю Посада, и дыхание города касается его вскользь, на излете. Место для садика выбрано удачно: хороший обзор, в стороне от движения транспорта, много деревьев. Старое, оштукатуренное под ракушечник уютное двухэтажное здание из дерева хорошо вписывается в ландшафт.

Еще несколько раз — в октябре и ноябре — проходил я мимо садика и удивлялся царившей тишине, светлой и ностальгически грустной.

А ларчик просто открывался. «Да вы попадали в сончас! — звонко, по-молодому рассмеявшись, просветила меня заведующая садиком Светлана Георгиевна Бобкова, — вы придите, когда группы на прогулку выходят!»

В ожидании «выхода» мы разговорились с хозяйкой «Полянки».

Педагог из династии педагогов

Светлана Георгиевна заведует «Полянкой» («ясной» — подсказал я; ей понравилось: Ясной «Полянкой» — согласилась она) уже семь лет. А вообще в Мегионе и, в том числе, в этом садике — в ясной «Полянке» — десять лет. Приехала с семьей из Волгограда, точнее, из Волжска, что у ГЭС, на левом берегу Волги.

А вообще-то, родом она из станицы Новоанненской, что в междуречье Хопра и Медведицы. Дед по матери и прадед были казаками Войска Донского. Запомнилась фотография деда: молодой бравый вахмистр в форме с лампасами, чуб из-под козырька, грудь в крестах. По рассказам, и в мирное время — дважды в год войсковые сборы! Их-то бы в заложники вряд ли взяли: оружие у каждого было... По отцу — украинка, но его родня, к сожалению, частью во время коллективизации, частью во время войны погибла. Отец и мать были активными комсомольцами: она — учительница в станице, он — секретарь станкома комсомола. Потом отца мобилизовали по комсомольской путевке в училище НКВД. После окончания училища служил он в погранвойсках: на Закавказской границе. Был заместителем, потом самостоятельно командовал заставами в районе Батуми, Сухуми. Семья, естественно, ездила за ним с заставы на заставу. Две старшие сестры Светланы Георгиевны родились до войны — на погранзаставах.

Как началась война, отец подавал рапорты с просьбой направить его в действующую армию, и в 42-м просьбу

его удовлетворили: направили под Сталинград. А семья — в Новоанненскую, к родне. Станицу немцы не заняли, но бомбить — бомбили, в родне были погибшие от бомб. Но, конечно, эти бомбежки не могут сравниться со сталинградскими: отец говорил, что там так бомбили и обстреливали, что после этого — никакой ад не страшен! И всегда отмечал день освобождения Сталинграда — 2 февраля. И умер он в 85-м году подполковником запаса тоже 2 февраля — вот какое совпадение.

Мать умерла, когда Светлане было 14 лет. Через некоторое время отец вторично женился. Светлана очень любила мать, и женитьба отца, с позиций подросткового максимализма, показалась предательством по отношению к матери. Она не приняла мачеху, — уехала к старшей сестре в Казахстан: сестра жила в Щучинске, маленьком городке недалеко от знаменитого озера Боровое.

В Щучинске окончила школу и педагогическое училище: решила стать, как и мать, педагогом, учить самых маленьких и наиболее благодарных учеников — малышей!

Тихие, пока спят

Внутри «Полянки» тепло, уютно. Ковровые дорожки и паласы глушат шаги, гардины, ковры, мягкая мебель гасят нечаянно громкое слово. Тихий час! В группах, в спальнях, в классах — по-семейному уютно. Уголки, шкафчики — по росту подобраны.

Светлана Георгиевна провела меня по всем группам: в покойном полумраке спят дети, а бдительные воспитатели, несмотря на партизанский неслышный шаг, встречали нас настороженными взглядами и предупреждающими жестами. При переходах или уже в коридоре, и то шепотом, заведующая давала пояснения. И только в одной пустующей группе, где столы и маленькие парты, вполголоса: «Это — наши первоклашки. Они не спят, хотя на продленке. Сейчас на прогулке. Из 24 учеников на продленку остаются 18, остальные после уроков идут домой, занимаются с мамами. Ведет класс преподаватель из 5-й школы. По статусу мы сейчас — детсад-школа! На следу-

ющий год планируем нынешних первоклашек пустить во вторую смену — вторым классом, а подготовишек — в первый класс. Этим обеспечивается не только непрерывность образования, но и облегчается вообще жизнь, по сути, отрокам — перво- и второклассникам поселка: вряд ли в ближайшем будущем будет построена школа в нашем посаде-слободе. Посмотрите на них, когда они идут из города, — крохи ведь. Ранец за спиной, в руках пакет. Как ни трудно будет, попытаемся реализовать планы — по программе «Радуга». Тем более, что руководство акционерного общества помогает. Благодаря генеральному директору Андрееву, осваиваем программу «Радуга». Это — новое слово в педагогике. Для ее изучения потребовались командировки в Москву, и Андреев, человек передовых взглядов, способствовал им. Разработанную столичными педагогами программу мы изучаем с коллективом воспитателей, внедряем ее поэтапно: в позапрошлом году начали с младшей группы, и так постепенно дошли до подготовительной в этом году. Напролом мы не пошли — чтобы сразу охватить всех воспитанников, — ведь хоть и маленькие, но человечки! — зачем же неотработанную методику внедрять? Основа программы: мягкий, без стрессов, переход от домашней обстановки, семейной среды обитания, в новую, коллективную, общественную — с одной стороны, и приближение методики воспитания к «объекту» воспитания, с целью выявления его способностей и комплексного их развития в ранней стадии, обеспечивающие в дальнейшем возможность каждому воспитаннику стать гармоничной личностью. Внедрение программы потребовало материальных затрат. Вы обратили внимание, что интерьер наш «одомашнился»? Мягкая мебель. Предметы домашнего интерьера. И прочее».

«Программа идет хорошо. Этому способствовало то, что у нас сократился контингент воспитанников. Сейчас норма: восемьдесят пять детей. А то ведь доходило до полутора сотен! Теснотища! Группы были переполнены, не до развития любви к прекрасному: накормить бы и обиходить. Ныне в группах по 15-20 человек. А на уроках по искусству занимаются подгруппами по 8-10 чело-

век: рисуют, лепят, музицируют, рукодельничают. Занимаются с ними музыкальный руководитель, инструктор по изобразительному искусству, физрук, воспитатели... На прогулках знакомим детей с основами экологии. Летом они ухаживают за цветниками. Даже огород свой есть».

«Концерты на праздники для родителей организуем. И не только в садике: в управлении выступали, даже в городе. Особой популярностью пользуются выставки творчества детсадовцев! Вот, сами смотрите. Это у нас что-то вроде музея: здесь есть работы и давнишних выпускников. Много работ выставлено и развешано в других классах и помещениях, стоит на стендах».

...Поистине нет предела детской фантазии! Из шишек, перьев, бересты, травинок, соломок, веток, скорлупы, кусточков цветной бумаги и материи — чего только не сотворили маленькие, гибкие и цепкие детские пальчики! Птицы, звери и зверюшки, куклы и страшилки, белоснежки и гномики... Дно морское и высь небесная... Из бумаги и пластилина, из листьев, зернышек и целых початков... И в объеме, и на плоскости. Некоторые решения оригинальны до простоты. Вот аппликация: на темнозеленом листе бумаги аквариумные рыбки из листьев: я едва сдержался, чтобы не постучать по «стеклу»! А тем, кто вырезал из бумаги архитектурные сооружения, «кубик Рубика» собрать — ничего не стоит, объемное мышление у них уже на высоте.

«Талантливые у нас дети, видите! — говорит Светлана Георгиевна мелодичным голосом, гордясь своими воспитанниками. — Приходите еще: послушаете, как они поют. Прелесть. Послушные. Здоровенькие! По дереву постучать... — со смехом, но поспешно тем не менее, она постучала по столешнице. — Нет, в самом деле: у нас самая низкая заболеваемость: 1,2-1,3, а в других — и по 5, и по 8, и по 12. И карантин редко. И еще. Наши — самые тихие. Когда спят. Потому что крепкий сон — залог здоровья. Ведь крепко спят — когда наигрались, нагулялись и вкусно покушали. И еще — когда воздух свежий и комфортной температуры. Это тоже по «Радуге!»»

Постепенно «Полянка» наполнилась звуками: что-то было в этих звуках от пчелиного улья, что-то от ясной цветочной полянки — веселое, гомонливое, жизнеутверждающее. Дети просыпались, чтобы собирать пыльцу знаний, нектар открытий.

Династия продолжается

«Коллектив у нас хороший... Бородина Надежда Константиновна, медсестра, Юшко Лилия Степановна, воспитатель, работают с момента открытия детсада, т.е., более двадцати лет, воспитатели Глуздова Надежда Анатольевна, Попова Галина Владимировна, повар Шолохова Людмила Николаевна — по семнадцать и более лет. Я — и то уж десять лет. А до этого — восемнадцать лет воспитательского стажа на «большой» земле. Время идет. Молодежь на пятки наступает. — Светлана Георгиевна шутиливо-трагически надломил тонкие, в ниточку, брови, вздохнула и тут же, будто я поверил в трагизм положения, сказала: — Шучу, конечно. Молодежь у нас великолепная! У нас пять человек работало из города. И вот они ушли в детские дошкольные учреждения нефтяников: ближе и зарплата гораздо выше, чем у нас. Понять их можно, хотя и поставили они нас в тяжелое положение. Но! Были у нас молоденькие помощники воспитателей. Вот они и спасли положение. Сейчас все они — дипломированные, закончили педучилище. Смена будет достойная!»

«Да! И еще. Интересный, мне кажется, момент, — как бы спохватилась Светлана Георгиевна. — Я уже говорила, что мама моя — учительница. Я — педагог. Но ведь и сестры старшие — тоже учителя! У самой старшей две дочери — племянницы мои — тоже. У другой сестры сын — учитель истории (до мужчин черед дошел!). Даже в родне мужа — по женской линии — все учителя или воспитатели: золовки, свояченицы и т.п.»

«И вот... — грустить или радоваться? — хотели — чтоб дочь получила престижную ныне профессию — адвоката, а она, после девятого класса, поступила... в педучилище!»

Говорю: ну куда, деточка! Ведь низкооплачиваемая, подвижническая профессия... Будь хоть ты прагматичней матери. Куда там: упрямая, как... вся в мать, одним словом!»

Одним словом, — династия продолжается!

И дай Бог им, будущим воспитателям, своих ясных «Полянок» и ясноглазых, разумных, крепких, веселых, шаловливых, талантливых, звонкоголосых, но тихих, когда спят, воспитанников. И пусть у них любовь будет взаимна.

ВЛАДИМИР В «КУБЕ», ИЛИ РОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИИ

В мае прошлого года непривычно жаркое солнце слепило глаза. Приставив ладошку козырьком, я оглядел территорию «деревянного» цеха АООТ «СУ-920». Несколько дощатых цехов, эстакада для таски леса к пилорамам, емкость-элеватор под опил, штабеля бревен с хвойными метелками, пакеты теса-«шелевки», образной доски, каркасы свежее-янтарных садовых домиков, самосвал, кран, несколько легковых машин... Словно запаленные мастодонты, учащенно-тяжело дышат пилорамы; комарино-высоко поют вентиляторы, выдувающие из-под них опилки.

Между двумя строениями — пилорамным и столярным — двое загорелых, мускулистых мужчин разгружают выкаченную по рельсам тележку: горбыли, срезки, выбраковку — в мою сторону, обрезную доску — к столярке, в «дело». Из торцевой, сбоку, двери столярки вышел коренастый, подтянутый мужчина в голубой безрукавке; прищурившись, тут же одел темные очки.

В этот момент я и обратился к нему: как, мол, найти вашего шефа Невмержицкого?

«Это я... Слушаю вас. Что вы желаете?» — отозвался он доброжелательным глуховатым голосом.

Я посвятил его в свои заботы.

«Да ради Бога! Подходите...» — он чуть подумал и назвал дату.

Все было сделано спокойно, точно и, самое главное, доброжелательно.

И я решил узнать: кто он и откуда, спокойный, душевно-отзывчивый, негромкий человек — Владимир Васильевич Невмержицкий.

Родился Владимир Васильевич 1 сентября 1946 года в селе Левковичи Овручевского района Житомирской области. Отец Василий Федорович, мать Анна Трофимовна, дед Федор и бабка Агапка — по отцу, дед Трофим и бабка Наталья (ба-ба-а!) — по матери, — все левковичевские. У матери и фамилия девичья — Левковская. Да на все село, считай, две фамилии: Левковские да Невмержицкие!

Родители, как и деды-бабки, крестьянствовали, лесоразработками занимались, строили. Отец, Василий Федорович, и сейчас на лесопилке работает. Так что сын, можно сказать, по отцовским стопам идет. Да и одно из первых, поразивших его впечатлений, наряду со смертью бабки Агапки, это — как мужики «пиляли» бревна на плахи ручной — маховой — пилой: один дядек наверху, на высоких козлах, другой внизу, лицом друг к другу стоят, тянут широкую, длинную, звонкую пилу — будто кланяются друг дружке, и летит сверху стружкой запашистый, теплый, желтоватый снег — опилки...

...О, этот запах свежих стружек, опила, свежеразваленного на плахи бревна! О, этот белоснежный, матовый — слоновой кости, фарфора опала, — потаенный цвет осины, березы, ольхи; золотистый, инкарнатный — цвет сосны; беж — старого дуба; аметистовый, алолиловый — мореной ольхи... перепелесый — ясеня, клена! О, теплая, персиковая шероховатость необработанной древесины, атласно-шелковистая гладкость столярной поделки! О, эти незабываемые первые детские ощущения...

Родился и прожил детские годы Владимир в дедовском селище (доме, т.е.), с дядьями и тетками. Постепенно тетки замуж выходили, дядья — выделялись; строились, причем, рядышком, с отцовским селищем, так и жили — гамузом, с общим колодцем (Что за колодцы! — с журавлем, с воротом ли, — загляденье: все резьбой изукрашены, с душой обихожены!»).

Детство проходило в посильном труде в огороде и в подворье, на безымянном Ручье, на речке Словечно, в лесу, в школе; в полезных делах и извечных детских проступках...

Дед Федор летом сторожил колхозные помидоры, огурцы. Был он черен, как цыган, невысок, коренаст. В своем

шалаше рассказывал внукам и их друзьям и про то, как их в колхоз загоняли, и про войну, случалось. Но если ловил кого, хоть и «родную кровь», был неумолим: заставлял съесть, сколько сможешь, остальное отбирал, приговаривая: «Ешь — хоть пузо нехай лопнет, а с собой брать — не моги! Потому как — воровство будет». Добру наставляли, приваживали к труду малолеток в Левковичах сызмальства («валка муха к меду — не мухе уподобься, а пчеле»!).

В пятнадцать лет закончил Владимир в Левковичах восьмилетку и пошел работать в «Колхозстрой» — на «подхвате» по первости.

В 61-64 годах работал в старинном селении Словечно на стройке и учился в вечерней ШРМ. Получив аттестат зрелости, закончил в Житомире годичную школу мастеров с правом «ответственного производства» строительных работ.

Через год призвали в армию. Два с половиной года служил в Белоруссии, в старинном городе Гродно. И, что редко бывает, «работал» в военно-инженерных войсках почти по гражданской специальности: строил дороги.

Богат историей славный город Гродно, памятными местами («старый замок», 16 век; иезуитский костел, 17 в.; «новый замок», 18 в., и еще уйма достопримечательностей), но еще больше примечателен Гродно — завлекательными девушками! Очаровала одна из них Владимира Невмержицкого, и стал он гродненцем: в 1968 г. женился... Между прочим, на учительнице. Через год сын родился.

И с работой определился: принял предложение стать мастером производственного обучения в строительном профучилище, готовившем каменщиков, штукатуров, маляров. Группа попала ему благодарная, тешившая сердце: пацаны тянулись к знаниям, к практике, к доброжелательным наставлениям. До 70-го года мастерил в училище, а в 70-м жизнь его сделала крутой поворот: перешел на общественную работу...

С семидеятого по семьдесят седьмой год Владимир Васильевич на комсомольской работе в родной Житомир-

ской области — в Бердичеве. Сначала инструктором, затем — вторым и, наконец, первым секретарем.

Бердичев — известный городок! Население — под сто тысяч. В районе почти пять тысяч комсомольцев. Работы инициативному работнику — вот так! Владимир Васильевич прошел к этому времени солидную жизненную школу: в двадцать пять лет знает и сельскую жизнь, и городскую, и армейскую закалку получил, и к нагрузкам привык: работать и учиться — не каждый выдюжит. Морально-политические качества и прочее, что в быту, — все на высоте. Развивай нюх, такт, осваивай правила игры: хвост по ветру, и двигай в гору!

Еще работая мастером в училище, не без влияние жены, поступил в Гродненский пединститут имени Янка Купалы. В 74-м году закончил, и стал просить (благо райком-парт был в этом же здании), чтоб отпустили учительствовать.

Три года уходил с «первого»: не отпускали. Наконец, в 77-м «парашютировали» на солидную должность: заместителем по строительству мясомолочного объединения. Это была пора, когда по всему Союзу — надо не надо, — создавались объединения; пух, как на дрожжах, аппарат управления. Если в объединение, куда направили Невмержицкого, входило хоть 6 колхозов, у нас в Главтюменьгеологии создавались в это время объединения аж на базе... двух экспедиций! Это было время создания приснопамятного АГРОПРОМА, Продовольственной программы, — первых детищ секретаря ЦК по сельскому хозяйству, — предвестников «перестройки».

Испытывая внутреннее неудовлетворение, через год Владимир Васильевич ушел в сферу наробраза: в течение трех лет поработал директором школы, в районо, после чего... уехал на Крайний Север: год директорствовал в Красноселькупске. А вскоре — очередной резкий поворот.

Находясь на малой родине в длительном северном отпуске, встретился с кузеном (дед Федор — общий дед) и дал себя уговорить... перевестись в Мегион! В «СУ-920», в котором работал сам двоюродный брат.

«Да ты ж строитель! — сватал он. — Дорожный стро-

итель — по военной специальности. Айда к нам. А педагогика — она и на производстве педагогика!..»

Приехал Владимир Васильевич в Мегион в 82-м году и — как тут и родился!

Устроился в «СУ-920». Теперь управление акционировалось: АООТ «СУ-920». И он, Владимир Васильевич Невмержицкий, начальник «деревянного» цеха, тоже акционер, собственник, и от работы его подразделения в определенной степени зависит благополучие всего АООТ, и он «старается сильнее».

Жена Владимира Васильевича учителствует в одной из мегионских школ. Старший сын, тоже Владимир, кстати, сам уже работает преподавателем. Дочь учится в Житомирском педучилище. Младший сын живет с ними, в 5-ю мегионскую школу ходит.

Живут Невмержицкие в балке, точнее, в блоке из спаренных металлических балков с пристроем. От благоустроенного жилья, думаю, они не откажутся, если им предложат.

Да и рабочий кабинет его в стареньком, просевшем, под одной крышей со столяркой, деревянном помещении, думаю уступает кабинету бывшего секретаря Бердичевского райкома.

Кто его знает, мне кажется, будь Владимир Васильевич настоящим, «упертым» ленинцем, не слезь добровольно и преждевременно с «первосекретарского» седла, может, занимал бы он сейчас кожаное кресло в какой-нибудь «ассоциации» или «фонде», находящихся под серым крылом неомассонской ложи-партии...

Но, видимо, еще в те, «бамовские» времена, во времена «починов» и «встречных» планов, разобрался он, что к чему, и выпрягся из пристяжной — комсомольской — упряжки, чтобы делать свое, пусть маленькое, но полезное, осязаемое дело, где не нужно держать «хвост» по ветру, доказывать, что черное — это белое, где можно говорить — что думаешь, и то же самое — делать, то есть жить с чистой совестью. Где можно вдыхать смолистый запах опилок и стружки, ощущать теплоту древесины, брать от дерев положительную биоэнергию и сбрасывать отрицательную...

Не поэтому ли и от него самого веет спокойствием и доброжелательностью? Не зря родители многих подростков, не нашедших себя после школы, просят за них: **возьмите, В.В., к себе в цех.**

И в заключение.

Сам Невмержицкий — Владимир. Сын — Владимир. Но ведь и внук, в мае, кстати, именинник, — тоже Владимир! Владимир в «кубе» получается! Ну что ж, это традиция, похоже. Да и с педагогикой то же: мать, сын, дочь... Кем внук будет? А младший сын?

...Да кем бы ни были — лишь бы возвели они в традицию отцовскую (для кого уже дедовскую!) внимательность к человеку и доброжелательность: возлюбили ближнего. Остальное — приложится.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕ ЖЕ ЕСТЬ

В кабинет главного инженера АООТ «СУ-920» вошла стройная черноволосая женщина. «Похожа на Хакамаду!» — автоматически отметил я.

После краткого делового разговора она, обаятельно улыбнувшись, попрощалась.

«Кто это?» — полюбопытствовал я.

«Начальник снабжения. До этого мужик был. Опытный. «Волк» снабженческий! Но... всякое бывало. А сейчас — никаких проблем!»

Вот это замечание главного инженера — «ноу проблем» — и побудило меня познакомиться с Раизой Рашидовой Алтыевой, и она любезно согласилась рассказать о себе и своей работе.

1. За полярную линией...

Есть единственный город в мире, который, словно невидимый «хула-хуп», вращает вокруг себя Полярный круг, и город этот — Салехард.

Аэропорт, Ангальский Мыс — это еще Приполярье. А Сенькина Протока, Гидропорт — уже Заполярье.

В этом городе, в районе Сенькиной Протоки, т.е. в Заполярье, на исходе северной ночи, целый «бабий» век тому назад, родилась Раиза Алтыева...

Вообще-то ее родовые корни — в Притоболье. Голодно жилось там в послевоенное время. Вот и подались ее деды — Алтыев Садык Валиевич и Назыров Нияз Паритович — со своими семьями, независимо друг от друга, в Салехард — «город рыбный», стали работать кто где. Там и познакомились их дети — Рашит Садыкович и Пакия

Ниязовна, а со временем стали мужем и женой, а для Раизы — отцом, матерью.

Семьи у сибирских татар традиционно многодетны, дружны, а родственные связи — многоколенны и крепки. У Раизы кровных братьев всего двое оказалось, зато сродных — кузенов и кузин, дядей и тетей — многоименно! И со всеми — если и не «явочно», то через «приветы» — душевная связь.

По крайней мере, все знают о существовании друг друга и его делах. И в Салехарде жили — многосемейно и дружно: «веником», поддерживали один другого.

Сейчас, по возможности, приезжает Раица Рашидовна в Салехард — и собирается родня...

До шестнадцати лет прожила она в Салехарде. Это — город детства ее и юности. Разве можно забыть его — с незаходящим солнцем — белые ночи, вводящие в заблуждение не только приезжих, но и старожилов? Или зимнюю полярную ночь? Полярная ночь — не только мрак и пурга, но и уютный полусвет и цветомузыка полярного сияния. Легкий морозец. Спиной на снег, глаза — в небо, и дивись небесной фантазии: сполохи, хороводы неслышные, ручейки, веревочки, что водят разряжен-

Гостя с соседнего стойбища.

ные в навешенные шелка, шифоны, атласы и прозрачные кисеи северные снегурочки...

Непередаваемы и неповторимы детские впечатления! Что — северное сияние! Даже вкусовые ощущения — и то недостижимы! Салехардская соседка-зырянка делала рыбу горячего копчения: изумительный был у нее вкус, особенно у осетра! Сейчас рыба всякого вида — не проблема, только плати, но вкус у нее — не тот!.. Самый бесподобный вкус рыбы остался там, за полярную линию. И все остальные — детские! — страсти-мордасти — там же.

2. Вот так и стала мегионкой...

То ли по зову «исторической родины», то ли по другой причине, но стал Раица постепенно «откочевывать» на юг: закончила Ханты-Мансийский торгово-кооперативный техникум, распространилась еще южнее — в Кондинское...

«Продвижение» на юг прервал родственный долг: двоюродной сестре, жившей в Мегионе, понадобилась помощь — так Раица стала мегионкой. Думала — на время. Но! Уехала давным-давно ее сестра, а Раица — все мегионка и мегионка, скоро уж двадцать лет, как мегионка!

(Видимо, в золотой серединке оказался Мегион — между Салехардом и «югом»!)

Первое время работала Раица Рашидовна в торговле, а в конце 77-го перешла в производственный отдел УПТК треста «МНПС», где трудилась, до его «самопроизвольного распада», шестнадцать лет.

Вообще-то, эти аббревиатуры — УПТК, МНПС — понятны мегионцам без расшифровки. Но, все-таки, поясним.

УПТК — Управление производственно-технической комплектации.

«МНПС» трест «Мегионнефтепроводстрой».

Трест «МНПС» занимался, в основном, промышленным обустройством месторождений: строил ДНС, КНС, а УПТК обеспечивал строительство всем необходимым — согласно отраслевым, союзным и местным нормативам...

Трест, соответственно и УПТК, креп, расширялся, процветал... Строилось жилье, менялись административные

здания (в последнем ныне аж городская администрация расположилась!), расширялась и переустраивалась промбаза. Матерели, становились асами своего дела работники треста, одни двигались по служебной лестнице, другие оставались на своем месте: за рычагами и баранками машин и механизмов, пультами и клавиатурами, а кто и просто за письменным столом — с картотекой, авторучкой и телефонной трубкой...

Конечно, в работе Раизы Рашидовны той поры, особенно со стороны, не увидишь романтики, трудового подвига: подумаешь! Производственные нормы расхода материалов, лимитные карты, заявки... Так-то оно так, но — чувство сопричастности к большому делу — его-то ведь не отнять! И оно — было! Помимо этого — командировки: в Главк (для защиты норм, заявок), к поставщикам... Новые города, люди... У каждого города, его уличной толпы — свое лицо, своя аура... Уютная, доброжелательная или суетливая, напряженная...

И продолжала бы работать в «МНПС» Раица Рашидовна, если бы не его «распад». Поэтому, когда предложили работу в АООТ «СУ-920», она согласилась: стала «начальником снабжения».

3. Проблемы все же есть...

«Сейчас нет фондодержателей, нет прикрепленных поставщиков — рынок! Деньги есть — всегда можно найти то, что нужно фирме. — Раица Рашидовна, извинившись, отвечает на телефонный звонок. — Но проблемы все же есть. Во-первых, многие материалы, изделия все еще выпускаются предприятиями-монополистами. Поставлять их, конечно, могут несколько посредников, и речь тут может идти только о цене: как сторгуешься. А качество-то одно: низкое! Во-вторых. Спрос рождает предложение. Это мы и раньше проходили. Много предложений — цена падает. Посредники, а следом и производители, устремляются за дорогостоящим — дефицитным — товаром. В результате повышенным спросом вскоре начинает

пользоваться то, что вчера, как говорится, «было в ассортименте». Особенно чувствуем себя неуютно мы, потребители, имея дело с мелкими поставщиками или посредниками. Другое дело крупные, солидные поставщики-посредники, ставшие коммерческими структурами на базе тех же, перестроившихся! — УПТК. Они не стали размениваться по мелочам, сохранили коллективы, производственные мощности и, самое главное, сохранили выгодные связи внутри бывшего СССР и завязали новые... Нам, строительным снабженцам, иметь дело с «Нижневартовскспецстроем», например, — одно удовольствие!..»

Авторское отступление: мне понятны нынешние сетования на разорванные хозяйственные связи, порушенные перестройкой и, особенно, созданием СНГ... Но, как вспомнишь бесчувственных монстров — присной памяти ГОСПЛАН и ГОССНАБ и их миллионоголовое детище — ФОНДЫ, прибавляется оптимизма: ведь и в их времена спасали производителей «горизонтальные связи», когда «толкачи» на подпольных биржах меняли фонды «баш на баш»! И хотя ежегодно, после ревизий, руководители лишались премий, тринадцатых зарплат, получали «строгача», фиктивно увольняли «толкачей», ради обеспечения своих предприятий «мелочевкой», они продолжали поддерживать эти самые «горизонтальные» связи. Будь наши «верха» элементарно благоразумны, предприятия сами, снизу, «тихой сапой», вышли бы на рыночные отношения. Но — не сподобил Господь...

«В этом отношении сейчас, разумеется, никаких проблем! «Ноу проблемз»!» — сдержанно улыбается Раица Рашидовна.

«Но ведь все же — есть?» — ловлю на слове.

Свободно смеется: «Конечно, есть! Но — решаемые!»

4. Экзамен — на выбор...

Некоторые мои вопросы Раица Рашидовна предвосхищала. Вот и этот, деликатный, о семейном положении я не успел задать.

Обезоруживающе спокойно, со свойственной ей сдержанностью и чувством собственного достоинства, сказала: «Была замужем. Но семейная жизнь не сложилась: разошлись. Из-за непонимания. Сыну четырнадцать лет. Считаю, что воспитываем его — оба. Встречаются они с отцом часто, общаются с взаимной приязнью. Нет, поступаем тут цивилизованно...» Она задумалась чуть, усмехнулась с теплотой. «Сын заканчивает 9-й класс... Четыре экзамена. Русский и математика — обязателька. Два — на выбор. Что, вы думаете, он выбрал? Историю и черчение! Не тривиально, да? С одной стороны — история... Нечто неясное, по разному трактуемое... И черчение: четкость, ясность, определенность... Сегодня звоню ему: «Встал? На экзамен не опоздай!» Он ворчит: вы что, мол, с отцом сговорились, он только что то же самое спрашивал!.. Нет, с отцом у него хорошие отношения, хоть у того и другая семья...»

«А... что же вам мешает тоже создать новую семью?.. По объявлению, например?»

Посмеялись... Потом она сказала, как обрезала: «Нет! По объявлению — только материалы да оборудование! А знакомства по объявлению... Есть что-то в этом ущербное... Ограничение свободы выбора? Вообще — свободы личности?.. Нет, если и случится выбирать-то явочным порядком. Спонтанно, может быть, но и с приглядочкой...»

«А выберете — «историю» и «черчение»?»

Сдержанно улыбнулась, загадочно, по-хакамадовски. Ровным голосом, но с «закругляющей» интонацией, ответила: «Вы правы: проблемы есть всегда. По крайней мере, проблема выбора. Особенно при нормальных рыночных отношениях».

Раица Рашидовна обаятельно улыбнулась и стала набирать на клавиатуре телефона длинный код какого-то, видимо, далекого поставщика...

ГОЛУБЫЕ ДАЛИ

Андрей Лазорский, инженер-геодезист АООТ «СУ-920», недавно отработал послеинститутскую «обязаловку», вышел из разряда «молодых специалистов» и сейчас — вольный казак: хочет — останется в управлении, а появится желание — может подать заявление и — на вольные хлеба, хоть на запад, хоть на восток, хоть в науку, хоть в бизнес...

Пишу я об этом совершенно серьезно, без малейшей иронии, наоборот, с легким чувством белой зависти, хоть и знаю, что завидовать грешно.

Обличьем мой новый знакомец пригож, с открытым, внимательным взглядом; ходит легко, пружинисто — как истинный геодезист, топограф, землепроходец, спортсмен. Конечно, по нынешним меркам, от прибавки 3-4 дюймов роста, думаю, он не отказался бы, но и при нынешней комплекции он вполне может постоять за себя: как-никак, кандидат в мастера спорта по дзюдо!

Родился Андрей в Кокчетаве, в семье бывших целинников Лазорских Владимира Михайловича и Людмилы Александровны. Там же закончил среднюю школу, начал заниматься спортом.

В школе привлекали точные науки, но особенную тягу испытывал к геометрии. Точные науки, как известно, требуют усидчивости. Неудивительно поэтому, что Андрей пошел в секцию дзюдо — в этом виде спорта, как ни в ином другом, хорошо сбрасывается, словно в электроразряднике, избыток энергии: быстрыми, молниеносными движениями...

Математические олимпиады — с одной стороны, республиканские соревнования по дзюдо — с другой...

Позднее, когда «забрили» в армию со студенческой скамьи, спортивное мастерство, наверняка, сыграло свою роль в определении рода войск, в котором он смог бы отличиться, — конечно, ВДВ! И направили Андрея в воюющий — Туркестанский — округ...

Надо полагать, довелось бы Андрею Лазорскому увидеть небо с овчинку из ущелий Кандагара, да, к счастью, едва он закончил «курс молодого бойца», начался вывод советского «ограниченного контингента» из Афганистана. Поэтому благополучно прослужил Андрей положенный срок в ВДВ на юге Узбекистана и вернулся в покинутую «альма матер» — Омский автодорожный институт — заканчивать курс мирных наук...

Таинственный зов пространств!.. Нет на земле человека, которого в юношеские годы не взволновал он, не напустил хоть на одну ночь «цыганской» тоски! Что с того, если у одних он навсегда утоляется однодневным походом и сентиментальной песней у костра, поездкой с родителями в горы или на морской берег... А вот другие... те, кого он задел за нутро, те стремятся к нему навстречу: выбирают профессии, связанные с перемещением в пространстве или его освоением... И, естественно, что первое стремление у них — «выйти» в море!

Андрей Лазорский первоначально сделал эту попытку: в Одесскую мореходку, да неудачно и попытал счастья в Омском автодорожном институте — прервавшись ради ВДВ, закончил его 92-м году по специальности «строительство дорог и аэродромов».

Голубые дали,
Синие края!..
Вы меня позвали,
Ну, так вот он — я!

...И пусть не океанские, но такой же необъятности — сибирские — таежные дали предстали перед ним! Как когда-то, для Лазорского-старшего, — казахстанские — целинные — просторы и горизонты... Жаль, что уже — хоть и ближние, но зарубежные...

... И лес как лес... и небо как везде —
Высокое — над Западной Сибирью...
И взору праздному, пожалуй, скучно здесь,
Как над морской — в штиль — синеватой ширью...

И, хотя взор у Андрея не был «праздным», попервости, ни «голубые дали», ни работа — не очаровали его: уехал бы — кабы не «обязаловка»!

И молодой специалист Андрей Владимирович Лазорский впрягся в положенную «лямку»: стал работать мастером на строительстве межпромысловых дорог... Переиначив Юрия Шевчука об этой должности можно спеть так:

Что такое «мастер»? Это — «горло»,
Могущее взять любую «ноту»...
Что такое «мастер»? Это — «ноги»,
Что, бывает, к «генералу» вхожи...
Что такое «мастер»? Это — все же! —
«Голова» и «руки» и... душа!

Трасса дороги будет здесь.

Почти два года проработал Андрей Владимирович мастером. Но когда генеральный директор предложил перейти на должность инженера-геодезиста (единственную в АООТ, кстати), он согласился.

...Студентом, мне приходилось работать в топотрядах, а позже — контактировать с геодезистами и топографами; люди разных поколений, все они — нравились мне, и я не раз посвящал им стихи и тут не удержался, процитировал Андрею несколько строк:

...Теодолит, как винтовка, плечо натер...

Скоро палатка: ночевка, костер...

Сидят, отдыхают... консервы жуют...

Костер полыхает, создает уют.

Задумчивы, строги... глаза горят.

Не топики — боги со мной говорят.

«К сожалению, сейчас — не совсем так... — стараясь не разочаровать меня, подбирая слова необидчивые, отозвался Андрей. — Сейчас и аэро-, и космо-... И не просто фотоснимки, а обработанные компьютерами... Да и в нашей — практической — работе... В прикладной, так сказать... Тоже изменилось многое. И приборы — не те уже, с которыми вам приходилось работать: и легче, может быть, и сложнее с ними работать. Это — если про полевые работы. А про камералку и говорить нечего: сплошная компьютеризация...

Да и характер работы моей — скорее, конторский. Расчеты, обмеры... Проектные объемы работ, фактические... Акты, протоколы... Бумаги, короче. Ну никакой романтики! А костры — это уж, пожалуй, на рыбалке разве, на «пикничке» по поводу...»

...Ах, Андрей, Андрей! Как легко рушишь ты милый моему сердцу стереотип «топографа-тошика»! «Болота тошки, тайга густа... Идут топики, чертовски устав», «... у геодезистов результат — Шар Земной, попавший в сеть координат!», «... наша жизнь — непрерывный маршрут, где разлуки и встречи — пикеты!» Но я не сдаюсь: качества природы — чувство направления, чувство «отметки»,

т.е. альтитуды, высоты, способность ориентировать пространство вокруг себя — качества, присущие «топику», его внутреннему состоянию, — они-то извечны! Внешние атрибуты — пусть они принимают иные очертания и краски, лишь бы душа оставалась неизменной — душой «топика»: созвучной пространству и времени, всем четырем измерениям, применяемым пока на земле.

«А почерк у тебя, — между тем, говорю я, — профессиональный — каллиграфический. Я бы сказал: картографический, «топографический»! Топографы и штурманы еще, я заметил, могут разборчиво и красиво писать в любых условиях: на весу, при тряске...» Андрей оставил «лешика» без комментариев. «Ну, ладно, — меняю я тему. — А как у тебя с перспективой? С ориентацией, так сказать, в пространстве и времени? «Вестибулярный аппарат» не закружился?»

«Вопрос понят! — отвечает Андрей. — Отец у меня водитель, мать учительница. Они люди в возрасте, как говорится. У них, конечно, голова кругом может пойти. Ориентироваться и адаптироваться им труднее. А мне — что? «У меня, — как сказал Маяковский, — в душе ни одного седого волоса...» Хочется и профессионально вырасти, и в бизнесе себя попробовать. А что? Стать владельцем фирмы...»

«Вроде вашего АООТ?»

«А что? Солидная фирма! Но это — в будущем. А пока — делать то, что делаю. Без «жучка»!»

«А как же «голубые дали»?»

«А я люблю «лазоровые»! Заметили? Не «лазурные», а — «лазорские», виноват — «лазоровые»...»

ПУСТЬ КЕДРАЧ ЕЩЕ ПОСТОИТ...

В прорабском балке на «придорожном» карьере я рассматривал технологическую карту его разработки, составленную институтом «Тюмендорпроект», — из этого карьера берется песок для отсыпки земляного полотна дороги Сургут — Нижневартовск на отведенном АООТ «СУ-920» участке.

«Мы тут место разработки, по согласованию с лесничеством, чуть в сторону сдвинули: если брать по проекту, то вон ту кедровую гриву пришлось бы снести. Жалко: хороший кедрач!»

Признаться, я не ожидал от начальника участка № 1 Швецова Владимира Николаевича такой сентиментальности: он мне казался более жестким и прагматичным. Что касается кедрача, то вряд ли он доживет и до осеннего ветра-шишкобоя: уж больно удобно расположен карьер — при дороге. Да и гидрогеологический режим нарушен: при жарком лете иссушатся корни деревьев, стоящих на краю обнажения...

«Ну уж сколько простоит — все его! А пока — пусть пошумит!»

Сам Владимир Николаевич «с Белоруссии». Родился он 27 июля 58-го года в деревеньке Ковшово, что на Гомельщине, на берегу речки Сож стоит среди красивейших лесов — сосновых и березовых, в благословенных и многострадальных местах, посещаемых еще по сию пору аистами. Богаты ягодниками поляны и лесные опушки, урожайны и повсеместны разнообразные грибницы, вольготно зимующие под толстым слоем палого листа и хвои.

Восемнадцать лет провел Владимир среди этой красоты, а потом поманил «большой мир»: неведомый, а потому, казалось, и более прекрасный.

Для начала поступил в Киевский университет на геологический факультет: мечталось об этой профессии еще в школе — сквозь юношеский романтический туман. Однако, через пару месяцев разочаровался: не столько профессией, сколько атмосферой раскованного быта студентов: беспардонные манеры иностранцев, особенно негров, действовали на деревенского паренька угнетающе.

Уход из университета автоматически означал призыв в армию. Так и случилось: пошел сниматься с воинского учета — получил повестку. «Учебку» проходил в Подмосковье. Несколько его одноклассников поступили в Симферопольское Высшее военно-политическое училище. Владимир Швецов подал рапорт по команде, и тоже был принят. Но вскоре с будущим «замполитом» случился казус.

Командирско-организаторские способности его были замечены: в своей группе он был помкомвзвода. В тот день командира отделения его взвода, находившегося в самоволке, жестоко избил группа «лиц кавказской национальности». Взвод в то время занимался неподалеку. Часть курсантов с помкомвзвода снялись и по горячим следам малость вломили обидчикам.

Пока шло разбирательство, друзей посадили на 15 суток на «губу» (как раз на день рождения). Все пятнадцать дней Шевцов осваивал «строительную» специальность: разбирали трамвайные пути. «За проступок, несовместимый и т.п.» их исключили из училища. Владимира, как «специалиста по дорогам» направили на БАМ для дальнейшего прохождения службы.

А вот на БАМе он действительно стал дорожным строителем: получил права бульдозериста, грейдериста, освоил эту технику и путеукладчик впридачу. Кое-что понял в технологии дорожного строительства.

Демобилизовавшись, поработал некоторое время в родных краях на грейдере, потом, списавшись с сестрой — она работала уже в Нижневартовске, приехал к ней... Было это в 79-м году.

В Нижневартовске в то время работал один автобусный маршрут «Аэропорт-речпорт — старый Вартовск», и была на нем остановка СУ-909; проезжая мимо, увидел бывший баовец грейдер последней модели, и судьба его была решена: в СУ-909 появился машинист грейдера Владимир Швецов.

Участок, где он стал работать, базировался на Песчаном мысу, там же располагались гидромеханизаторы; его будущая жена была дочерью одного из них, жила на мысу с отцом и двумя братьями и сестрой.

В 80-м году «технологический союз» был закреплен брачным: Владимир Николаевич женился.

Определенный опыт работы на разнообразной дорожной технике, теоретический багаж (хоть недолго, но на дневном учился) помогли ему закончить с отличием Омский автодорожный заочный техникум. После окончания техникума стал работать мастером и учиться заочно на дорожном факультете Тюменского индустриального института.

Восемь лет проработал Швецов в СУ-909. Всякое бывало. Из мастеров уходил в грейдеристы. Работал прорабом, начальником участка. Одно время работали с нынешним Генеральным директором Андреевым А.В. по соседству. На стыке участков контачили по геодезии, экспериментировали с технологией работ: выемки то так, то по-другому обрабатывали, — творческую жилку привносили в общение. Творческую жилку и уставные отношения попытался однажды внести Владимир Николаевич и в партийную жизнь: выступил на партсобрании не только с самокритикой, но и с критикой... Поэтому, когда Каспаров-младший пригласил его к себе в СУ-920 в 87-м году, он согласился и — с месяц, для притирки, прорабом, потом — и по сей день — начальником участка. Строил автодорогу на «Хохряках», и внутрипромысловые дороги, и подъезды, и кусты обустроивал, намучился с многими недобрым словом поминаемыми карьерами. И до Радужного дорогу замыкал: в укладке последней плиты участвовал. От «Хохряков» на «Молодежку». И на «Колик-еган». Пока не соединились, работал. Пока были «объемы». По-

зже — на Ван-Еганском месторождении. Любую работу выполняли на разных объектах: будь хоть вертодром на БПТОиКЕ или ВРП в аэропортах. В последнее время возникли определенные трудности с фронтом работ, связанные с недостаточным финансированием. Руководство АООТ «СУ-920» в связи с этим берет подряды даже на самые мелкие объекты, в городе ли, на месторождениях. Производственные и деловые потенции управления котируются высоко: это позволяет на конкурсной основе получать и довольно крупные заказы. В частности, участок № 1, которым руководит Шевцов, начиная с прошлого года, занимается сооружением автодороги Сургут — Нижневартовск со стороны Лангепаса. Дорога эта очень важна, и затрагивает интересы как организаций и предприятий, так и частных лиц: в Сургут через пару лет можно будет попасть на машине чуть не в два раза быстрее, нежели сегодня.

К своим подчиненным Шевцов требователен. Особенно не любит тех, кто безынициативен, кто пасует перед трудностями: не ищет возможности, как сделать дело, а причины — почему его нельзя сделать. Уважает тех, на кого можно положиться, кто ответственно относится к своим обещаниям: «Дал слово — держи!»

Первые среди них — прораб Федоров, машинисты экскаваторов Камынин, Дауд, Поляков, Голубев, машинисты бульдозеров Тюпа, Голубев, Носовец, Мальцев. «И молодежь есть толковая! На глазах растут, специалистами становятся, — отметил он молодых. — Вот к вахтовикам у нас претензии есть! Наши, кадровые специалисты, по пять-восемь лет работают на технике — и она у них еще «пашет». А у тех — в дороге: на ремонт и с ремонта...»

Сам Владимир Николаевич также старается быть ответственным и болеет за производственные дела горячо. «С заказчиком, с субподрядчиком, в своем коллективе: пообещал — выполни. Если уж только какая сверхобъективная причина... А то — всегда!»

Объекты, на которых они работают, за некоторым исключением, всегда в движении. И вопросы оперативного управления, инициативность и распорядительность, с

учетом сложившейся обстановки, линейного персонала: мастеров, прорабов, — имеет первостепенное значение. И, на мой взгляд, оснащение «трассовиков», линейного персонала современными средствами связи не только повысили бы качество оперативного управления, но и облегчили бы труд руководителей производства.

«До трехсот километров в день наматываем... И не всегда по уже обустроенным дорогам: случается, и по зимникам, и по свежееотсыпаному земполотну. Чтобы владеть обстановкой и управлять ею, приходится крутиться».

«Нива» у нас — всего ничего, а уже полтора десятка тысяч км накатала. Дорогой — и в дороге — живем! — скаламбурил Владимир Николаевич. — Но времени и на остальную жизнь хватает. Главное и очень большое хобби у меня — футбол. Когда наш спорткомплекс работал, я после работы в Вартовск за семьей — и сюда: жена с детьми в бассейн, я — в спортзал или с ребятами на поле...»

«Так вы еще и в Вартовске живете?!»

«Да. Восемь лет езжу... А прежде многие в Вартовске жили. Сейчас — как последний могиканин. Привык: как будто так и надо! Мегион и Нижневартовск. Как у мусльманина, только вместо жен — города».

«И на хобби время еще находите? — подивился я. — Для меня в Вартовск съездить — событие!»

«В футбол — в селе играл, в армии... В СУ-909 команду создал. Сюда перешел — тоже играть стали. Андреев навстречу пошел: помог деньгами на приобретение приличной формы, инвентаря... Футбольная команда «Мега-СУ-920» последние два года стабильно играла... В 95-м году по городу — первое место, по району — второе... По округу, среди малых городов, по протоколу — второе, хотя ни одной встречи не проиграли, и по справедливости должны иметь первое (выступали как сборная Мегиона на базе нашей команды). Сейчас вот жеребьевку делали — футбол на снегу — нас даже не спрашивали: будем — не будем? Уверены: будем! Кто я? Постоянно — защитник!»

«А как семья?»

«Семья — спортивная! Жена поплавать любит, на лыжах походить. Дети — сын и дочь, погодки, компанию ей всегда составят. У сына еще увлечение — коньки, с корта не выгатишь, на коньках бы и ел. Дочь зато общественница. Такая целеустремленная — порою удивляешься! Она хорошо танцует, а вот голос — не очень, на мой взгляд. Нет! Сказала: буду участвовать в конкурсе «Цветы Севера». И что? С подружкой, дуэтом пели: успешно прошли отборочный, несколько промежуточных туров, и только в финале проиграли.

Что еще о себе? В родные места люблю приезжать, но ненадолго: пройтись, красотой полюбоваться, но не косить... Ягоды собирать в том числе. Из газет — «Спортивные» просматриваю. Видики не люблю. По ТВ серьезные программы смотрю. В азартные игры люблю сыграть!»

Когда мы ехали на «Ниве» на куст № 54, где под руководством мастера Николая Ивановича Лизунова началась отсыпка песка, у машины произошел — с хлопком — прокол заднего колеса. Я не догадался засечь время, но прошло не более 2-3 минут, и колесо было заменено — заменено так быстро, потому что действовал «экипаж»: водитель Леша отворачивал гайки, Швецов ставил домкрат, а Федоров откреплял запаску...

До этого я часто слышал от многих: у нас в СУ-920 дружный (хороший и т.п. синонимы) коллектив. И сейчас я имел возможность наблюдать дружные действия представителей СУ-920 своими глазами в натуре, в нестандартной ситуации.

С «кедровой» темы начинал я этот очерк, ею и закончу.

Весенний кедр — метелки распушил,
Как будто вместе с глухарем токует!
Какие он морозы пережил!
Недавно бурю выдержал какую!
И вот теперь — ликует, как глухарь,
Ввысь тянется, смолой изнемогая...
Но, изрыгая сизый дым и гарь,
Свой ток творила рядом жизнь другая:

И ТОЗовки отрывистый хлопок
Заглушен был одышкой железа.
Глухарь свалился прямо на капот
Бульдозера — тот кедру горло резал...

Стихотворению этому десять лет, и написано оно было под впечатлением «брачной» схватки на току жизни двух стихий, двух жизненных начал.

И мирное соседство кедровой гривы наверху и мощной железной техники — внизу, в карьере, «чуть в сторону от проекта», затеплело во мне надежду, что в самом деле — «кедры еще пошумят!» — и долго-долго!

Р.С. Обратной дорогой показал мне Швецов старый карьер: «Мы не только свои карьеры рекультивируем, но и чужие, старые: дорогу-то нам предстоит сдавать! Чтобы уже без претензий: фирменную марку держим!»

ЖИЗНЬ — НЕ БЕТОНКА, НЕ ПЕРЕЛОЖИШЬ...

Иван Иванович Федоров, старший прораб дорожного участка АООТ «СУ-920», производит впечатление надежного человека, умеющего владеть своими эмоциями и поступками, хотя горячий нрав его выдают и сдержанность жестикуляции, и играющие желваки, и жаркие темные глаза. Ему чуть за сорок: до седины — и в бороде, и в кудреватой шевелюре — еще далеко. Он широкоплеч, крепок и поджар, смуглолиц и по-цыгански красив: одеть бы на него рубаху алого атласа, блескучие, в гармошку сапоги со скрипом и подковками, да в пару — цыганочку в ярких юбках из «Ромэна», он бы — будто таким и родился. Отлично подошла бы ему и пилотская форма. А уж про казацкую — любого войска — говорить нечего! Впрочем, и обычная партикулярная одежда мегинца сидит на нем, как влитая. А в работе дорожника, по его словам, есть вольный воздух цыганщины, азарт и лихость пляски, и скачки, и как бы восторг полета — когда едешь с ветерком по построенной тобой дороге.

Родился Иван Иванович Федоров на переломе столетия в деревне Стюхино под Куйбышевым, в привольных лесостепных краях — заволжских прериях. Отец работал в колхозе на разных работах: трактористом, водителем, мельником, маслоделом (на маслодавильне: в колхозе были плантации подсолнечника), завскладом. Работы действительно разные: мастер на все руки. А мать работала на бахчах: арбузы выращивала, дыни. Детство проходило как у большинства деревенских: без особых забав, в полезном труде на себя и государство — в колхозе. Да и забавы, вроде рыбалки на прудах, с отцом и братьями, были не пу-

сты: караси, а то и сазаны попадали. Десятилетку закончил в Стюхино: своя была школа (Стюхино — деревня не малая, дворов полтыщи). И вскоре — в армию.

В учебке пробыл долго — 6 месяцев — в городе Каменка (серьезная специальность осваивалась!). Остальные полтора года служил в Приморье, под Уссурийском.

Недалеко от родных мест расположен город Бугурус-лан, а там знаменитое летное училище гражданской авиации.

Мечта — стать летчиком, пусть и гражданским, была, и он рискнул поступить. Но! Как говорит сам Иван Иванович, произошел какой-то «облом», т.е. как я понял, срыв, и он завалил экзамены. Предлагали ему остаться: поработай, потом, как свой, наверняка поступишь. Но он решил больше не испытывать судьбу, боясь потерять время, и поступил в учебное заведение, которое давало специальность, также связанную со скоростью и ветром, но — на земле, — в Куйбышевский техникум транспортного строительства. Учился успешно. Практику преддипломную проходил на «крыше мира» — на Памире, в городе Хороге: строил противолавинную галерею. А направление получил «противоположное»: строить дороги по Западно-Сибирской впадине.

В Нижневартовск Иван Федорович приехал в 76-м году с однокашницей — своей будущей женой. И пошел процесс превращения Ивана Ивановича в северянина... Работал мастером, прорабом... Строил многие дороги, обустроивал месторождения. Трудностей хватало: климатические, гидрогеологические, организационные... Иной раз попадет — не то, чтоб уж очень болото, а ссыпашешь грунт, ссыпашешь — как в бездонную воронку. Вот и север так засасывает: наши годы заглатывает! Ну это бы ладно: стихия и вообще непонятный феномен — север. А вот когда техники — машин, особенно, не хватает, или они «сыпятся» — вот это изматывает. Спланируешь так, а получается — как уж сумеешь оперативно вывернуться из сложившейся ситуации. А тут еще график работы неудобный был: на субботу-воскресенье приедешь домой — ничего не успеваешь! А у него семья!

Вот и решил Иван Иванович свой жизненный путь «реконструировать»: спрямить, выполнить, уширить, «плиты» кое-где переложить...

Поработал на ПЖС (участок промышленно-жилищного строительства) рамщиком, в кооперативе, в тресте МНПС прорабом — восемь месяцев, а потом его Андрей, нынешний генеральный директор, увидел — предложил вернуться обратно: было это в 88-м году. И вот уже восьмой год, по второму кругу, мастером, прорабом, старшим прорабом — это сейчас, на 1-м участке. И старшие руководители, и непосредственный начальник, и подчиненные отмечают главную черту — надежность, добросовестность, исполнительность и... инициативность.

Эти качества Ивана Ивановича знакомы смежникам и кураторам заказчиков: многие вопросы, утряска которых по бумажным каналам привела бы к потере времени, решаются поэтому на трассовом или кустовом уровне. И как возрождение России идет из провинции, так и уважение к данному слову, его изначальной, как в заговоре и молитве, нерушимости, пойдет из нутра народного: от рабочего, мастера, прораба. И, будет время, дойдет до самых высоких верхов — тогда, наконец, перестанут обещать нам коммунистический рай — к «святому» году, квартиру каждому — к 2000-му, стабилизацию — к концу года, а зарплату — в этом месяце.

И еще хотелось бы отметить один момент.

Десятилетия полтора-два назад я заметил тенденцию северян ограничиваться рождением одного, самое большее — двоих детей, трое и более — уже редкость. Так вот, у Ивана Ивановича — трое детей. Не многодетная семья, но все же, если все были бы, как Федоровы, России не грозило бы вымирание. Старшему сыну идет девятнадцатый, учится он в Москве, в Губкинский академии, содержится на родительский кошт. Дочка в восьмом классе. Младший сынишка — в третьем. Разность в возрасте детей приличная, с одной стороны, хлопот больше, но зато и подольше побудут они под родительским крыльшком, — не в этом ли главная радость? Не в семье ли?.. А, может, в работе, в коллективе, с которым трудим-

ся в жару и в холод, в ведро и ненастье? Или в этой, полюбившейся с многотысячного погляда скромной, неброской земле?..

Этот глинистый берег крутой,
В кедраче, будто в шубе бобровой;
Тальниковый, далекий — другой,
Где протока блестящей подковой —
Этих вод величавых поток,
Серебристо-зеленых на стрежне, —
Позабыть я в разлуке не смог,
Возвратился к ним — прежний!
И, хоть трудно узнать берега,
А кедрач — будто моль источила,
Но земля эта мне дорога!
Все — до боли! — здесь мило.

И в заключение.

Во время поездки по его объектам, в дорожных, пересекающих с одного на другое, разговорах Иван Иванович заметил: «Дед мой в 53-м умер — я родился, в 86-м отец ушел от нас — сын мой Дима появился на свет, и думаю: неспроста все это! Не дедова ли во мне душа, а в Димке — не отцова ль? Читал я где-то про такие случаи».

...Все может быть на этом свете, Иван Иванович. Но если так, не зная твоего деда, могу сказать: хороший он был человек! И Димка твой будет не хуже: в твоего отца, в своего деда!

«ШАРОВЫХ» ОБЪЕКТОВ НЕТ

Фраза, ставшая заголовком этого материала, была произнесена начальником дорожного участка № 2 АООТ «СУ-920» Петриченко Юрием Алексеевичем во время беседы с ним. Я его спросил: «Нравится ли ему работа? Чем она привлекательнее кабинетной, к примеру, или любой другой, но — оседлой». Он ответил: «У дорожного строителя «шаровых» объектов (т.е. стандартных, типовых, конвейерных, легких) нет, все — с изюминкой! Кругом — новизна: профиль, грунт, ландшафт. Новые люди: заказчики, субподрядчики... Времена года, в конце концов, — во всей их первозданности и обнаженной свежести: в сорах, в приболотьях и в гривах! И — видимый, осязаемый, обозримый, воспетый в песнях результат твоего труда: дорога! Дорога, которая символизирует свободу — свободу выбора: хочу — туда, хочу — обратно! Понимание этого — что ты даруешь людям свободу выбора перемещения в пространстве, — и привлекает меня в моей профессии, позволяет гордиться ею».

Что ж, если не позавидовать, то понять его пристрастие к своей работе — можно. В любом случае: человек пристрастный вызывает уважение.

Краткая биографическая справка.

Родился Юрий Алексеевич Петриченко 4 июля 63-го года в городке Шахтерске Донецкой области (б. поселок Катык). Сейчас он — в Ближнем Зарубежье. По числу жителей раза в полтора больше Мегиона. Но так же, как в Мегионе не все — нефтяники, точно так же и в Шахтерске не все — шахтеры: отец его Петриченко Алексей Григорьевич работал водителем, а мать Валентина Ивановна — учителем.

Жили они в Шахтерске в собственном доме приличных, по тем временам, размеров. Строились долго, последний кирпич был уложен в семидесятом году. И хотя дом — творение отца, помощников у него было много, и Юрий — дошкольник был в их числе.

В 80-м году он закончил школу. Куда поступать — сомнений не было.

Конечно же в автодорожный!

Дело в том, что вся родня по отцовской линии — дорожные строители! Дяди, тети... Кузены и кузины... Все!

Одни — в «Юждорстрое» — в Крыму строили и магистрали, и внутренние дороги.

Другие — в «Донецкстрое» — продолжали ликвидацию бездорожья как явления в Донбассе.

Третьи — в Закарпатье — прокладывали дороги по гуцульским полонинам. Поэтому он поступил в Харьковский автомобильно-дорожный институт на дорожный факультет. Учился. Ездил на практики: два месяца — в Феодосии, три — в Ленинграде. Практиковался в должности дорожного рабочего, но присматривался и прислушивался ко всем: к механизаторам и мастерам, рабочим и начальникам. Из Феодосии на работу ездили под Керчь: каждый день 170 км, туда и обратно. В Ленинграде — ближе: на знаменитую дамбу, стройку века. Но — дамба — дамбой, а инженерные сооружения — шлюзы, мосты — были впечатляющи, и работа на их строительстве определенную пользу принесла. Таким образом, в 1985 году диплом инженера по специальности «Дорожное строительство» получил теоретически подкованный и кое-что видевший на практике молодой специалист. Это был стройный, темноглазый, чернявый, высокий, холостой молодой человек, помимо специальности любивший дискотеки, начинающий преферансист и книголюб, потенциальный рыбак и грибник. И — с философским складом ума. Это качество подтверждает хотя бы такой незначительный факт, о котором Юрий Алексеевич поведал так (цитирую дословно): «Направление на работу дали в объединение «Нижевартовскдорстрой». Приехал — двое суток добирался, не спавши. Мне говорят: едешь в Стре-

жевое. А мне — без разницы: хоть в Стрежевой, хоть в Стрижевой — начинать где-то надо. Говорю: завтра — хоть куда, а сейчас бы поспать. Наутро переиграли: в Стрежевом, говорят, инженеров с избытком, поедешь в Мегион — там нехватка, поедешь туда. И поехал».

Привезли Юрия Алексеевича на Покачи: там базировался дорожный участок, существовал вахтовый поселок, и вообще тогда еще жизнь на Покачах была ключом: дорожники, механизаторы, буровики, нефтедобытчики.

29 августа 1985 года вышел на работу. И такое впечатление — будто первый день на Покачах растянулся на три года, а потом — на десять лет. А ведь думал: отмантулю «обязаловку» — три года — и уеду «до хаты».

Как жестокий отец, ректор так мне сказал:
«Направленье в Тюмень я тебе подписал!»
Подписал? Ну и что ж: аль Тюмень мне невеста?
Отпашу свой оброк — и на новое место:
Приглашали меня в институт, в Бугульму.
Подписал? Ну и Бог с ним... и «быть по сему»!
Я поехал. Без страха. Без радости — тоже.
Как на встрече с невестой — рябой иль пригожей?..
... Ректор был и жестокий, и хитрый мужик:
Тридцать лет не прошло — к северам я привык.
Ох, крепка оказалась сибирская сворка!
Я судьбою своей подтвердил поговорку:
Я — стерпелся, слюбился с Сибирью-невестой,
И пытаюсь слагать в честь ее свои песни...

Так я написал когда-то о себе. Как видишь, Юрий Алексеевич, не первый ты и, надеюсь, не последний — «стерпевшийся и слюбившийся с Сибирью-невестой»!

Первая должность — дорожный мастер. Веселая, хлопотливая работа!

«Куража» требует, вдохновения! Амбивалентности! «Химической» активности — чтобы донять самый «инертный» элемент. И в то же время — с чуткой душой, способной отметить нюансы человеческих отношений:

Спозаранку — мастер, будто заводной!
Лишь к обеду пот смахнет со лба рукой
И заметит: сколько света нынче — всклень!
По весеннему сегодня яркий день.
В круговерти зиму все-таки прожил!
Вдруг откуда-то веселое: жив-жив!
Оглянулся — видит: рядом на трубе,
Охорошиваясь, живкнул... воробей!
Настоящий нахаленок городской!
И растрогался тут мастер: — Жив-живой?
А откуда ты в тайге, родной такой?
Иль вахтовым тоже методом летать
Приловчился — нам в работе помогать?
Коли так, тебе спасибо, сорванец,
Птаха Божия, веселый горобец..

Только вошел в работу, втянулся — участок расформировали, работы свернули... Уехать бы в Мегион, да его — «молодого, холостого, неженатого» — задела за ретивое «покаченка, покачуха, покачаночка» молодая. И он — специалист все-таки! — проложил «дорожку» надежную к ней: неудивительно, что они уже в 86-м году поженились, а через год в Покачах стало на одну жительницу больше... Дочь сейчас в третий класс ходит, жена работает в «параллельной» фирме начальником отдела кадров.

По этой уважительной причине сменил работу: устроился в мехколонну № 129 того же, впрочем, треста; характер работы при этом мало изменился. Проработал полтора года, и ситуация повторилась: возникли проблемы с объемами работ. И тогда Юрий Алексеевич вернулся в родное СУ-920.

«Но и не только по этой причине! — говорит мой собеседник серьезно. — Это был, скорее, повод: и до того тоска брала по СУ-920 — очень уж коллектив понравился! Разумеется, может и от того, что он был первым. Но уж больно хорошие люди у нас».

«Вернувшись, какое-то время я проработал прорабом. Вместе с рабочими ездил на объекты по вахтам. Соприкасался с людьми и денно, и ночью, узнал их с разных

сторон. Сейчас уже четвертый год работаю начальником участка. И вот самых лучших, честно говоря, затрудняюсь выделить: все в моем подразделении и как люди, и как специалисты — хорошие. Благодаря им, несмотря на трудности, в 95-м году участок сработал четко, программу выполнил. Мы занимались обустройством пробной эксплуатации Покурского месторождения, возводили дорогу с твердым покрытием — 10,5 км; на автодороге к НПС «Юган» произвели отсыпку земшлотна».

В конце разговора мы снова коснулись темы: «Опереться есть на кого! — подтвердил свое мнение о коллективе Юрий Алексеевич. — И в первую очередь на ветеранов. Машинисты экскаваторов Белкин Николай Иванович, Дауд Михаил Иванович — с 76-го года в управлении! Пузанков — бульдозерист, Мытарев — грейдерист, Еремеев — экскаваторщик... Ещенко — начинал машинистом грейдера, после техникума, прораб сейчас. Сычев — выпускник института, сейчас прораб. Инициативные специалисты, грамотные. Главное — неравнодушны, болеют за производство, и на них можно положиться. А в работе это — залог успеха».

«А в неслужебное время — общаетесь со своими подчиненными?» — спросил я Юрия Алексеевича.

«В Мегионе, если приглашают, да. На трассе в вахтовом поселке, — нет!» — таков был ответ. — «Там» — будет панибратство. Здесь — уважение. Я святого из себя не строю: люблю азартные игры, и преферанс в их числе. На машине с ветерком могу проехаться. Но и почитать люблю. Грибником стал заядлым. И рыбаком — с удочкой, сети не люблю. Процесс нравится: поклевка, подсечка и выуживание... Но больших компаний не люблю: вдвоем или один!»

Тишина морочная над сором.
В мегионском небе дымный смог.
Посижу еще под косогором:
Погляжу на сонный поплавок.
Разведу у самого уреза
Светлый костерок из сушняка.

На душе обидчивой порезы,
Может, зарубцуются слегка.
Заменю наживку и закину
Снасть подальше — так, что
Чмокнет
Груз...
Подложу трескучую осину
В свой костер, а вместе с нею —
Грусть...
А когда осинка разгорится,
Искры в синий сумрак полетят,
Может, и тебе вдруг загруститесь,
Если ты на Мегу бросишь взгляд...
Тишина морочная над сором.
Затопил закат лиловый смог.
Выхожу я в город косогором...
... Ты летишь навстречу со всех ног!

Но на такой — элегической — ноте заканчивать свой «материал» о Юрии Алексеевиче Петриченко, начальнике участка № 2 АООТ «СУ-920» мне не хочется, поэтому скажу, что, как бы походя, он рассказал несколько анекдотичных случаев из «имевших место быть» в его коллективе, который, как я понял, не «шаровой» тоже, а с изюминкой.

Но об этом в другой раз и в другом месте.

ЧУВСТВО УРОВНЯ, ИЛИ БУЛЬДОЗЕРИСТ — СЫН БУЛЬДОЗЕРИСТА

На отсышке подъезда к будущему кусту № 7, бульдозерист Мухадаев Андрей Анатольевич шутовой репликой, обращенной к начальнику участка № 1 АООТ «СУ-920» Шевцову: «Владимир Николаевич, когда за вредность платить будете? Задолбали!»

«Дежурная шутка, — пояснил мне старший прораб участка Федоров. — Видите: бульдозер стоит справа, с разворотом, т.е. перекрыл отвалом ту часть полотна, куда не нужно сыпать. Так ведь некоторые водители умудряются завернуть за него и разгрузиться там, где не нужно. Неопытные водители обычно так делают. Вот бульдозеристы и недовольны: за нарушение технологии просят как за «вредность». Шутя, конечно... Но нет-нет да разбираемся с этим делом в МСТК».

Пока начальство определяло выполненный объем работ, проверяло качество работы, я в кабине бульдозера пообщался с Андреем Анатольевичем. Я знал уже, что его отец, мой одноклассник, бульдозерист Анатолий Афанасьевич Мухадаев не очень давно скончался от инфаркта. На мою просьбу, рассказать что-нибудь об отце, сын сообщил: «Родился он в селе Кинель-Черкасские Самарской области в 37-м году, потом перебрался в Отрадное, там работал шофером, хотя и заканчивал техникум. В Отрадном же родился и он, Андрей, 16 февраля 68-го года, и старшая сестра. Мать Надежда Васильевна, в девичестве Кудреева, на год младше отца.

Когда Андрею было три года, отец уехал на север — на заработки, как и многие другие. Через год, когда получил жилье, привез семью. Андрей помнит — ему было четыре года — как по поселку и на Мегу ходили они по «досточкам». В садик его не водили: мать приглядывала или наезжавшая бабушка. Отец работал бульдозеристом в СУ-920 с 72-го года, мать — кочегаром в МУБРЕ. Как и большинство поселковых, ходил во вторую школу (сейчас ее уже снесли, а место застроили). Учиться ему не нравилось!

«Ни фа себе! — удивился я. — А что ж тебе нравилось?»

Ответ его, скажу честно, шокировал меня: «Гулять нравилось. Драться!»

«Тоже мне: юный гардемарин!» — подумал я про себя: дело в том, что чем-то уж больно напоминал он Харатьяна. Я пригляделся внимательнее: удлинненный овал лица, нос, разлет бровей... Белозубость улыбки только притушили коронки на нескольких зубах. «А может мосты: результат опасного «хобби»?»

«А что ж тебя привлекало в драке? Что в ней хорошего? Ну я понимаю — когда по необходимости...»

«Независимость привлекала! Когда бояться — свободно чувствуешь себя, хорошо».

«Дрались-то хоть честно?»

«Старались... Но когда вдвоем против пятерых — тут уж использовали все, что под руки попадет...»

«А сейчас как?»

«Сейчас я — самый спокойный в Мегиионе. То ж — пацанами дрались».

Ну, ладно, «гардемарин», поехали дальше: «Бульдозеристом-то как стал — отец натаскал?»

«Было и это. Но сначала кончил школу, поразработал слесарем в нашем РММ, отслужил в армии два года... В инженерно-строительных войсках. Вернулся в СУ-920, поразработал стропалем. И только в 91-м году обучился и получил «корочки» бульдозериста.

В 92-м году женился, в том же году родилась дочка: сейчас ей уже шестой год. В садик не ходит, сидит когда с мамкой, когда с бабушкой. Материна помощница: посу-

ду помыть, пол — со всем удовольствием, в крови это или, может, жена приучила.

Я вот как: не получалось бы, ушел с бульдозера. Но, видно, тоже — бабкины гены передались! Это все говорят: бульдозерист или есть или нет его! В «компьютере» должно быть заложено чувство уровня или уклона. Ну и чтоб машину... — он похлопал по приборной доске, — своего кормильца, чувствовал... Вот оно: хобби и стихия...»

«А подраться?»

«Не-ет... Спортзал работал — на классическую борьбу ходил. Нет, не для соревнований: для себя, для душеуспокоения...»

«С напарником работаете? Как он?»

«Нормально! Доверяем друг другу и не подводили еще. Это не то, что у вахтовиков... Вообще, отношения между собой на участке доверительные. И начальство у нас, видим, крутится само и другим дремать не дает. Так и должно!»

Пока мы разговаривали, с полдюжины разгрузившихся КраЗов создали для бульдозера фронт работы, и я понял, что нужно «закругляться». И задал Андрею Анатольевичу Мухадаеву последний вопрос: «Дочери братца «покупать» не собираетесь?»

«Сложный вопрос! — серьезно сказал Андрей. — Даже болезненный! Надо бы — да объективные обстоятельства мешают: жилье! — первое, живем-то в семейном общепитии, и перспективы — никакой. И второе: заработки! Едва-едва выкручиваемся...»

Вот на такой минорной ноте закончился шутивно начатый разговор.

Но свой материал о «бульдозеристе — сына бульдозериста» я хочу закончить шутивными и оптимистическими словами, которые я написал 15.10.96г., т.е. почти за четыре месяца до встречи с бывшим «сорванцом».

Я живу в Мегионском Посаде,
Возле леса, на самом конце.
«Сорванцом» меня звали в детсаде,
«Сорванец» — и сейчас на лице.

Но! Есть одна городская девчонка,
Говорит она мне о другом:
Что — натурою я очень тонкий,
И — что скоро я стану отцом...
Хоть за это сейчас не «посадют»,
Но ведь так разволнуется мать,
Что — придется остаться в Посаде,
К Невмержицкому* — брусья «пилять»**...
Ну и пусть! «Нашиляем» мы брусьев,
Свой — чуть дальше — построим Посад.
«Сорванцы» станут взрослою Русью:
И детей своих с радостной грустью
Поведут в ставший тесным детсад...

Так что, Андрюша, — «надо»!

* Невмержицких В.В. — начальник цеха ПЖС, к нему обычно направляли «трудных» подростков.

** «Пилять» — пилить.

КОЗЫРНАЯ «КАРТА»

Без насыпных оснований кустов, перекачивающих станций, пунктов сбора, прочих инженерных сооружений, а самое главное — без насыпных дорог, невозможно представить освоение и обустройство ни одного месторождения.

Материал для отсыпки добывается либо путем разработки песчаных карьеров, либо гидронамывом речного песка.

Выработанные карьеры уродуют ландшафт, наносят ущерб лесному хозяйству; рекультивация их требует определенных затрат. Добыча песка гидромеханическим способом, безвредная для обитателей водоемов в процессе разработки, компенсирует свои недостатки в дальнейшем за счет расчистки и углубления фарватеров рек, дна озер, пробуждения родников...

Добываемый земснарядами песок складывается в огромных песчаных «грядках» или «скирдах» или, правильнее, на профессиональном жаргоне — в «картах». Толщина и площадь «карт», где меня познакомили с экскаваторщиком Касмыниным, была не ниже трехэтажки, и разработка ее велась террасами. Песок с этой «карты» шел на отсыпку земля полотна автодороги Сургут — Нижневартовск.

Мы приехали к «карте» с начальником участка Швецовым тотчас после обеда и застали очередь из десятка самосвалов разных марок. Касмынину было не до разговоров: запарка!

Работал он красиво, споро: в ковш набирал песочка с «горкой», высыпал в кузов машины точно, загружал их щедро, под завязку, но так, чтобы на крутом повороте

или при резком торможении ни один комок не упал на дорогу. Я понял, почему с ним считаются в АООТ «СУ-920» и коллеги, и начальство: мастерство и добросовестность — поистине «козырные» карты!

Родился Касмынин Анатолий Николаевич на юго-западе Башкирии, на Южном Урале, в красивейших местах, часто называемых Башкирской Швейцарией, первого февраля 1960 года. Отец, Касмынин Николай Петрович, 26 года рождения, и мать Раиса Сергеевна, в девичестве Карнаушенко, поженились и всю жизнь прожили в селе Старо-Михайловске.

Анатолий родился четвертым ребенком, а всего их было шестеро: три брата и три сестры.

Родители всю жизнь работали в животноводстве. Держали скотину и птицу и в домашнем подворье: корову, овец, кур, гусей. В те времена ограничили поголовье в частном секторе. Едоков в семье было много: восьмеро самих да дед с бабкой из села Кушкуль, из-под Стерлитамака наезжали. Тесно, но весело и дружно жили. Благо выручала печь с лежанкой да диковинные ныне полати (поговорка «с печи на полати!» как тут и была).

Разница в возрасте у детей была приличная, но процесс самовоспитания шел непрерывно: старшие могли помочь, научить младших, а когда надо, и защитить — от бодливого ли бычка, злого гусака, драчливого соседа. В этом незыблемое преимущество многодетных семей!

Вместе со старшими, охвостком, таскался Толян в лес, на вырубку, в лога — за грибами и ягодами, на речку — рыбачить, а позже, подросши, — и сам также водил младших, учил — где искать дары природы, как их отличать от несъедобных, ядовитых.

Учился в сельской школе-восьмилетке. Класа с седьмого на каникулах работал в колхозе, помогал матери на свиноферме и дома. Отец умер рано, забот хватало всем.

Школу закончил и в шестнадцать лет стал работать. Учился в вечерней: среднее образование было тогда обязательным! Параллельно занимался на курсах трактори-

стов. Аттестат зрелости получил вместе с правами на управление трактором. Было это в 1978 году. В этом же году призвали Анатолия на службу в армию.

Служил в Чехословакии в военном городке возле Млады-Братиславы. А точнее: работал на хлебозаводе! Выпекал и белый, и черный хлеб: и солдатам нашим, и гостям — чехам и словакам хлеб нравился.

И хотя работа хлебопека не из легких, Касмынину можно было и позавидовать: при Хлебном Духе все ж служил!

Если со службой Анатолию Николаевичу можно сказать повезло, то последующие за дембелем два года нельзя назвать удачными: туда ткнулся, сюда — не нравится! Скоропалительно женился, так же и разошелся... Ну, плохая «карта» пошла: ни козыря тебе, ни туза... Полоса такая в жизни выпала — смурная. Да не вечно же ей быть в конце концов!

И точно: пошли сдвиги к лучшему, как женился на школьной подруге своей — Красновой Галине Федоровне.

Сестра жены жила в Мегионе и пригласила их на север тоже.

С 18 февраля 1983 г. стал работать Анатолий Николаевич Касмынин в СУ-920 слесарем на трассе, помощником машиниста экскаватора.

Во время перерыва мужики наставляли «помазка»: тренируйся — копать, грузить, зачищать, набивай глаз и руку. А экскаватор был тросовой — в управлении более сложный, чем на гидравлике.

Понравилось Анатолию орудовать почти кубометровой «ложкой»! «Ничего» — сказал себе. — Научусь — что и в темноте мимо «рта» не пронесу!»

Написал заявление на курсы экскаваторщиков. На его счастье — вот они, в Калининне. Почти полгода проучился, и с 23 декабря 1983 г. по сей день в СУ-920 трудится выпускник Калининской техшколы Касмынин Анатолий Николаевич: не одну «карту», а целую уж, поди, колоду их «сдал» он в кузова «КраЗов», «КамАЗов», «Татр» и «Магирусов»...

«Быстро ли освоился с экскаватором после курсов? Друга в нем почувствовал, не противника?» — спрашиваю Анаголия.

«Честно? Ну, где-то месяца через два-три... Да! Быстро как-то... Скачком. Как на велосипеде: оп! И понял, хоть и заносит еще туда-сюда, но уже знаешь, что едешь и не разучишься больше! А дальше — дело техники, прилежания и тренировки. Вот и «тренируюсь» тринадцатый год. И чем дальше, тем больше. Жена говорит: спать скоро в нем будешь! Шутит...»

«Дети? Сын, двенадцати, и дочь, девяти лет. Учатся хорошо. Жена — медсестра, в ЛДЦ работает. Сын хочет быть врачом. Дочь — только учительницей! Погуляет — и с куклами на занятия. Строгая растет учительница. Да! Что интересно: у меня день рождения 1 февраля, у сына — 4, а у дочери — 6-го! Почти неделю празднуем!»

...Говорят: жизнь — игра! Ну что ж! Касмынину, по всему, выпали неплохие «карты»: дай Бог, сыграть ему грамотно и выиграть, в крайнем случае — остаться при «своем интересе».

Залогом успеха — позолотевшая в лучах солнца, в алмазных блесках изморози на песчинках «карта», на которой — «картинкой» — экскаватор и цепочка машин.

«ПО КОЧКАМ», ИЛИ ДОРОЖНИКИ ШУТЯТ

Дошли однажды дорожники до «точки», то есть до самого последнего пикета, ну, им и говорят заказчики: вы, этта, мужики, покурите пока, а мы порешаем: вперед дорогу строить, вправо, влево, или эту — взад расширять и благоустраивать.

А дорожникам — че? Они — заказные. Если б сами по себе были, давно бы весь шар земной сплошной дорогой был, да и по морям-океанам, как по Самотлору бы ездили. А то — заказчик хозяин-барин!

Сидят мужики, покуривают. Про технологию поговорили, про стабилизацию, про зарплату... Поговорили да и замолкли надолго.

Тут один и говорит: «Вот, блин, ситуация! Как один раз на нашей разнарядке...»

Случай на разнарядке

«На Покачах еще это было. С утра все не заладилось: все, как с цеши сорвались, или не с той ноги встали. Не планерка, а рэкетирская разборка получилась: переругались все друг с другом. Только что до рукоприкладства не дошло. Наконец, выложились, выдохлись. Напряженно сидят, угрюмо... Молчат.

А Покатаев был там. Бульдозерист. Анатолий. Опытный мужик, себе на уме... Вот он и скажи в тишине: «Ну, че, споем может?!»

Че бы и сказал-то, а усмеялись — до потери пульса. И работать пошли — весело!»

«Ну, на разрядке, — это верно заметил, чего не бывает — вступил в разговор другой — цирк натуральный. Сидим как-то тоже. Слева у меня друг, вопрос поднимает: на ремонт, мол, надо вставать; пускач забарахлил. А справа сосед — он с открытыми глазами кимарить мастак, — и всхрипни резко: точь-в-точь пускач на морозе! Посмеялись; начальник и говорит: «Нормально ж схватывает! А ты: барахли-ит...»

«Про разрядку — все случаи с «бородой». А я вот вам расскажу производственный... В своем роде — единственный...» И пошли «случаи».

Экскаваторное «фуэте»

«Ну, вот особый случай... Экскаваторщик у нас один: опытный, грамотный. В те времена — хорошо «употреблял». Да дело прошлое: называть не буду.

Еду в карьер. По своим делам. Карьер работает — на встречу машины с грунтом. Два экскаватора там. Один — грузит машины, а второй... второй — как в кордебалете: экскаваторные «фуэте» крутит! Экскаватор стоит, двигатель работает, все освещено: в кабине — экскаваторщик сидит, а ковш со стрелой и все остальное — вращаются вокруг оси. Тут Бог знает, что подумаешь: свет играет, тени мечутся... Выбрал момент — в безопасную зону, потом в кабину: спит, барбос! В кабине тепло — разомлел, а ногу с педали не снял или, потянувшись, нажал. Разбудил его — он и сам обаддел!

«Не может быть! — говорит. — Да я ж только глазом сморгнул!»

Как в кино...

«А вот... Покачевскую дорогу переключивали когда. Технология была такая. Первая смена плиту снимает, корыто делает. Потом монтажный слой завозится, цемент... Все перемешивается и уж потом плита кладется. Да. Приехали мы во вторую смену: крановщик, монтажники, стропалья... Смотрим: кучи песка там-сям. И грейдерист

шебутится: здесь. Ну, думаю, пока он основание готовит до ума, мы отдохнем. Прикорнули чуток. Потом кто-то меня будит: погляди, говорит, грейдерист-то — что он робит? На часы глянул — около полуночи, темновато, конечно. Выхожу из автобуса — грейдер работает, вроде, слышно как машинист перегазовку делает. Подхожу поближе: что такое? Грейдер завис на куче намывного песка, а машинист рулит и перегазовку делает! Ну, если бы еще, как при киносъемке, дорога «уходила» — иллюзия движения была бы полной! Подбегаю к нему: «Ты чего делаешь?» — спрашиваю. Он обороты сбросил, потянулся из кабины, удивленный: «Как — че? Работаю: спланировал все уже. «Утюг» можно таскать». Я его вытащил: «Сам ты — «утюг»? Все кучи ж целые!» А он — че? Трясет его, покачивает... Как на тренажере: вперед-назад, газ... Вперед и по сторонам не смотрел: на «автопилоте» работал... Вот уж смеху было. И долго. Лет пятнадцать по-ди, прошло, а помнится. Как кино. «Волга-Волга» или «Полосатый рейс».»

То пусто, то густо, или дружный коллектив

«Не-ет! Коллектив у нас дружный. Взаимовыручка: один другого всегда подменит и заменит. Люди все опытные, не одну пятилетку отмантулили. Знают что к чему: разжевывать не нужно. Ты перед нами общую задачу поставь, а уж разложить ее на сомножители — сами справимся. Но — бывает... Ты ему задачу ставишь, он тебе слушает-слушает: каждое слово ловит, — бывает! — на миг один задумается о своем или отвлечется... Ты его спрашиваешь: понял? Он тебе: ага! И идет в противоположную сторону. Или делает все наоборот. Не потому, что он такой: поперечный! А — задумался же ж. Или — понадеялся на друга. Вот было ж: пять бульдозеров на отсыпке стояли. Исправные и при машинистах: делать нечего! И вдруг — ни одного! Бульдозериста. Шум поднялся было, но не успел оборотов набрать: все пятеро заводить кинулись. Потому что дружный коллектив! А замин-

ка вышла из-за того, что понадеялись друг на друга... День рождения у одного был накануне. Именинник — на всех понадеялся, а те — друг на друга. Один вышел бы — и никаких разговоров! Каждый и думал: хоть один-то, мол, выйдет...»

А ты сам попробуй! Слабо?

«Мастером я или прорабом? работал. Пригоняю машины с плитой, кран. Стропала со мной. А земполотно не готово еще: грейдерист с одной ямой волохается, раз срок прошел, а яма — все яма! Бывает, понять можно. Я сам грейдеристом достаточно работал, знаю: иногда от настроения зависит, от «куража» как у танцора или футболиста, — то сходу, легко получается, то — хоть испишуйся, ничего не выходит!

Ну, подошел я к нему, говорю: не психуй, спокойно пройдишь, совет дал как лучше сделать. Чтоб не стоять над душой, в сторонку стал: пусть работает. А у него — не получается и все!

Я только к нему, он кричит: «Советовать — все мастера! А ты сам попробуй! Слабо?» «Вылазь!» — говорю. За четыре ходки — ямы как не бывало! Красиво так получилось — мужики его долго потом «напрягали». В принципе-то Гладилин зря погорел: не знал он, что я грейдеристом еще на БАМе работал».

Вот на «Кировце» я бы прокатился!

«А вот про «назарбаевцев» — знаете?.. Приходит один в РММ. А там на ремонте бульдозер «КАМАЦУ» стоит. Кабина только снята, а так — целый. «Назарбаевец» обошел его вокруг раз, другой. Похлопал его по гусанке и изрек: «Вот на «Кировце» — я бы покатался: моща!» Мужики за животы: «Ки-и-ровец!» И где их там — по всему Казахстану, что ли? — таких отлавливают! Ну! Напринимают их, и начинается веселая работа. На ремонт — с ремонта. На ремонт — с ремонта! Двигатель отремонтирует, привезут на трассу — с трала сойдет, пару куч двинет

— оиять сломался! Одного такого «назарбаевца» утром на трал загрузил, в обед приезжаю — он на трале. Почему, спрашиваю, не съезжаешь? Другой бульдозер надо на ремонт вести! А он уже оказывается успел сломаться: кое-как затащили. Да что, уже сержусь, за бульдозеры у вас? пластилиновые, что ли? Пока везете — рассыпаются, размякают? Детский сад! Почему мегиионцы на таких же бульдозерах после ремонта месяцами, в крайнем случае неделями, пашут?! Анекдот! После ремонта поехал на заправку — гусянка лопнула! И то хорошо: а то бы увезли — в карьере разулся! Не-ет, не соскучишься с ними!»

«А «водилы»? С теми — что при загрузке, что при разгрузке, — за вредность надо платить. Под загрузку толком стать не могут, вечно без задних фар... на экскаваторщиков тянут: дескать, разбивают они их камнями специально, чтоб очередь создавать... А при разгрузке... бульдозерист отвал развернет, чтоб не сгружали, где не нужно, — нет, умудряются объехать, и вывалить песок, как нарочно. Тут уж не до смеха: до докладных доходит...»

В дыму, как в Крыму, ничего не видно

«Какой год у нас был самый дымный? Тогда не то что гривы, предболотья горели, — до того лето жаркое было. Белые ночи еще во всю, хотя июль стоял. Дышать нечем: все в дыму, как в Крыму, и ничего не видно. Как на перекуре у нас. График был: на выходные ездили. В жилпоселке только дежурный да грибники, ягодники. Остался как-то я тоже: морошки набрать, грибок; красноголовки — второй слой попер. Пробежался утречком, — дым, по прохладе, расслоился: и видать лучше, и дышится. В жилпоселок уже свернул, к своему вагончику. Вдруг — как током дернуло! Обернулся — а за столовой, на помойке... медведь стоит! Какой — «показалось»? Сутки нас в заложниках держал! Дыму, что ль, здесь меньше было? Но культурно гость вел себя: ничего не порушил, технику даже не пытался угнать...»

«Ус» — намотаем

«Пацанами были. Поселок — в уссурийской тайге. Да, где уссурийские тигры. Про него и рассказ. Случай. Вот. Лесник застрелил тигра: тот будто бы на его сына напал. Нет, взрослый тигр. Сын тоже. А зверь — в Красной книге уже был. Раз так — бить его нельзя. Вот, пока хозяин с инспектором бумагами занимались: актом, объяснительными, — хозяином уссурийской тайги пацаны занялись! Страшно было: издали сначала смотрели, потом — ближе, ближе... Кто-то, смелый, за хвост дернул — отбежал, потом — за ухо... А там у и до усов добрались... Ну и усы! Как жилка... Толстая, длинная... Сантиметров тридцать в длину. Ну уж под двадцать — точно! Мы ведь — что? Подергали: на палец намотаешь ус — дерг! на губье у него вздрагивает, — как будто он клыки скалит: страшно и весело! Кто-то сильнее дерганул — и ус у него! Ну и остальные оборзели: дерг да дерг! Когда хозяин с инспектором хватились — тигр как из парикмахерской: побригтый: без усов! Зарычали не хуже тигра они на нас! Без усов — шкура не шкура! Мы че? храбрость испытывали: вдруг оживет? Понять можно же ж!»

На западный манер

«Сродный брат у меня. Когда родился, записали его, как положено, в ЗАГСе Володей, Владимиром, то есть. Потом подумали и решили окрестить его. Крестины тогда не очень-то афишировали, но как положено: справили обряд по христианским правилам. После купели — пацана родителям, а кумовья — пошли в книгу церковную новокрещенного записывать. Вот. А пока шли — имя-то и забыли! Дьячок их торопит, а они имя своего крестника вспомнить не могут, хоть убей! Погодя решили: «Да ладно, шо ж! Пышы: Мыкола!» Так и стал он, на старый западный манер с двойным именем: Володя-Мыкола!»

Много историй было рассказано и на разные темы. И то ли солнце припекло, то ли рассказчики притомились (нет, не истории исчерпались: их на долгие зимние вечера хватает и еще остается!), то ли слушатели насмеялись и полностью сбросили отрицательные эмоции и теперь приводили в порядок положительные: главное — что замолчали все. Какое-то время молчание было легкое, непринужденное такое, — когда кажется, что все друг у друга мысли читают и молча разговаривают и взглядами понятными обмениваются.

Потом затянувшаяся пауза стала некоторых беспокоить, и они взялись память ворошить: что бы такое рассказать-то интересное? не удобно ж. И тогда бульдозерист Загребаев, но не тот, который на планерке, а другой, хотя тоже опытный и сам себе на уме, уважительно прозываемый за глаза «директором», предложил: «Может споем, а, мужики?»

Но никто не засмеялся, как на разнарядке. А Загребаев и не хотел никого смешить: он всерьез предложил. И, когда все проигнорировали его предложение, он проникновенно запел один хрипловатым голосом на мотив известной песни:

Мы в тайге дороги строим,
строим вдоль и поперек.
Скоро всю Сибирь покроем
сетью каменных дорог!
Будут всюду переправы.
Даже Обь нам — не межа!
Хочешь — влево, хочешь — вправо,
хочешь — прямо поезжай!
Хоть куда! Была б охота:
на четыре стороны!
Можешь ехать на работу
или — к теще на блины!
Можешь ехать днем и ночью,
от зари и до зари...
...только нас, друг, между прочим
изредка благодари, —
что тебе дороги строим
так вот: вдоль и поперек,

что потом асфальтом кроем
спины каменных дорог...

Незаметно, нехотя, — а все подпели! А тут и заказчик появился: вперед и прямо, мужики-дорожники! Дорожникам это и надо: случай-то во время работы да в дороге и приключаются, а на одном месте — мох да пролежни.

До новой «точки»: от «серебряного» пикета — до «золотого»!

ИЗ ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ДОРОГ

Первые дороги, сродни звериным тропам, возникли в эпоху палеолита: от стойбища к стойбищу, к местам охоты и рыболовства. С развитием земледелия и скотоводства появилась потребность в постоянных путях, прокладывались они вдоль рек и обозначались вехами, затесями, столбами, приметными камнями. Помните сказочное: «Направо поедешь — коня потеряешь, налево поедешь — голову свою сложишь, прямо поедешь — голоден, холоден будешь»? — на таком камне выбито, на приметном, у развилки дорог.

Первые — настоящие — сухопутные дороги сформировались в Древнем Египте в 25-24 веках до новой эры. Одна из наиболее известных — шла по дну высохшего потока Вади-Хаммаг из Коитоса к берегам Красного моря. На этой дороге, на скалах высекались на века придорожные «объявления» и «рекламные щиты»: сообщения о военных походах, батальные сцены и портретные изображения военачальников и правителей; устраивались они на расстоянии дневных переходов караванов. Дороги зачастую пересекали ирригационные каналы — через них строились мосты.

Строительство грандиозных пирамид также требовало дорог, по которым подвозился камень из карьеров. Специальные дороги для этих целей строились еще в 22-19 в.в. до н.э. — в скалистом грунте вырубали углубления и укладывали в них бревна. Салазки с каменными блоками скользили по этим направляющим (подобные «таски» использовали лесозаготовители, вмораживая направляющие, для вывоза леса на берег при молевом сплаве).

Для охраны торговых и военных путей вдоль дорог строились небольшие укрепления-форты с постоянным гарнизоном, запасом продуктов питания и воды. Такие сооружения известны с 16-8 в.в. до н.э. (Как все повторяется в мире! Вспомните военные крепости 19 в. новой эры вдоль Военно-Грузинской дороги. Грозный — одна из них. И снова — блок-посты на дорогах, но уже на излете 20 века новой эры!).

Дороги стали моститься камнем достаточно давно. По историку Геродоту, к примеру, в египетском городе Бубастис (8 в. до н.э.) была «...дорога, мощенная камнем, около 3 стадий длиной... Ширина ее четыре плефры. По обеим сторонам дороги стоят высокие до небес деревья».

В четвертом-третьем тысячелетиях до н.э. в Месопотамии появились впервые повозки сначала с дисковидными массивными колесами, а позже — колесами со спицами. Изобретение колесных повозок способствовало развитию сети дорог. Ассирия, Вавилон, были важнейшими транспортными узлами Древнего мира, и именно здесь широко применялось каменное мощение дорог, строительство деревянных и каменных мостов, придорожных укреплений и колодцев. С разницей в века и тысячелетия строятся дороги, с каменными насыпями и виадуками, на всех обитаемых континентах: в древних государствах майя и инков в Америке, на древне-греческих островах в Европе, в Древней Индии, Китае, Персии — в Азии... Упомянувшийся Геродот вот как отозвался о дороге, построенной Дарием I от Эгейского побережья до Месопотамии: «На всем протяжении есть царские стоянки и отличные постоялые дворы...» И что важно: была отлажена почтовая служба! На расстоянии суточного перехода стояли почтовые станции, содержащие лошадей для царских курьеров.

Значительно усовершенствовалась дорожная система в эпоху Древней Греции и Древнего Рима.

Одна из самых известных дорог Древнего Рима — Аппиева дорога. На участке от Рима до Капуи (212 км) она была построена цензором Аппием Клавдием в 312 г. до н.э. В 240 г. до н.э. дорога была продолжена до Брундизия

(370 км). Если дороги эллинистического периода были достаточно узки (под колеи шириной 140-150 см), то Аппиева дорога была шириной 6 м, имела в основном прямую трассу и сложное конструктивное решение: в основание были уложены тяжелые каменные блоки, скрепленные известковым раствором; поперечный профиль имел выпуклый вид. (Интересный момент. Прямолинейность дорог обуславливалась не только соображениями о кратчайшем расстоянии между пунктами, но и конструкцией римских повозок: отсутствием поворотных устройств!). «Королевой дальних дорог» назвал Аппиеву дорогу римский поэт.

Впоследствии эту важную магистраль дополнили другие крупные дороги, идущие во все концы Римской империи, включая и завоеванные земли: Британию, Галлию, Иберию (Англия, Франция, Испания). На дорогах были почтовые станции, менявшие лошадей, места для остановок и отдыха.

На каждой миле вдоль римских дорог устанавливались каменные столбы, на которых указывалось расстояние от «Золотого» мильного столба, стоявшего в центре Рима на Форуме у храма Сатурна. Помимо этого указывалось имя императора, при котором поставлен столб, и основные его деяния. Рядом с основной дорогой прокладывался проселок — для движения некованных животных.

Свои кладбища-некрополи римляне устраивали вдоль выходящих из Рима дорог. Вдоль Аппиевой дороги были распяты спартаковцы после подавления восстания.

По разным оценкам протяженность дорожной сети Римской империи составляла от 50 до 150 тысяч км и состояла она из 372 больших дорог, 29 из которых оканчивались у Рима.

Феодалная раздробленность средневековой Европы не способствовала развитию дорожной системы. В Азии же, в период создания монгольского каганата, огромные размеры созданной империи требовали постоянного развития путей сообщения. Со времен Чингисхана знаменитая ямская служба («дзям» — дорога, «дзямчи» — ямщик) связала воедино покоренные монгольскими завоевателя-

ми земли и немало способствовала военно-политическому контролю за ними и сбору дани.

Степные пути монгольских кочевников были очень широки, т.к. по ним передвигались стада и огромные повозки с юртами — по описанию очевидцев, расстояние между следами колес такой повозки достигали 20 футов, т.е., около 6 метров! Монголы использовали опыт оборудования дорожной сети у покоренных народов, в частности, китайцев (очистка дорог, строительство мостов, караван-сараяв — в некоторых из них могло разместиться до 3 тыс. человек и 2 тыс. лошадей, источников воды и т.п.).

Заметное оживление в дорожном строительстве в Европе происходит начиная с 18 века. Во Франции создается Школа дорог и мостов. Разрабатываются новые технологии строительства. Шотландский инженер Мак-Адам предложил, например, на прочном грунтовом основании делать щебеночное покрытие с выпуклым поперечным профилем. Такие дороги стали называться «шоссе» и получили широкое распространение в Европе. В России «шоссе» строили по «русской технологии»: нижний слой щебня заменили песком.

В Древней Руси торговые сношения, военные походы и пр. осуществлялись по водным, водно-сухопутным (знаменитый путь «из варяг в греки») и сухопутные (грунтовые, через болота — бревенчатые гати, через мелкие реки — броды, мосты). Характерна для тех времен (впрочем, в Сибири и по сию пору!) сезонность дорог — подразделение их на «летники» и «зимники». Дороги трассировались, обозначались и камнями, и крестами, и часоуенками. В придорожных селениях существовала «дорожная» повинность: давать лошадей, принимать проезжающих на ночлег, чинить гати. После освобождения от монгольского ига, ямская служба при Иване III преобразуется в государеву службу «ямской гоньбы» способствовавшую централизации Московского государства.

Началом систематического строительства дорог в России можно считать 1722 г., когда по Указу Петра I было начато строительство дороги Петербург — Москва, полу-

чившей название «Перспективной дороги». Это была грунтовка, укрепленная бревенчатыми настилами в топких местах; она была оборудована верстовыми столбами, постоянными дворами и пр. В 1724 году принимается исторический закон «О содержании дорог», которым повелевается «ставить верстовые столбы, крашенные и подписанные цифрами», «на перекрестках руки с подписанием, куда, которая лежит». Также устанавливается требование устройства постоянных домов с описанием состава построек и помещений в них. Предписывается «заводить по дорогам аллеи за канавками в два ряда, сажая одно дерево от другого на две сажени расстояния. Употреблять на это: липу, осину, березу, тополь и другое дерево». В начале 19-го века начинают строиться почтовые станции по типовым проектам.

«Перспективная дорога» в 1817 году начала моститься щебнем, реконструироваться и к 1834 году имела длину 700 верст и стала называться Московским шоссе. В эти же годы строились шоссе Москва — Варшава и С-Петербург — Киев; трассировались длинными прямыми участками, благоустраивались; толщина твердого покрытия на них составляла 24-27 см.

Мостились и благоустраивались улицы городов и посадов; мостовые были: торцевые, каменные (булыжные), асфальтовые, клинкерные.

В СССР дорожное строительство было продолжено, хотя и в недостаточных объемах по сравнению с Западом и Америкой. За 1928-32 г.г. было построено 93 тыс. км дорог, в т.ч. 12 тыс. с твердым покрытием.

С 1932 г. в СССР вводится стандартная система дорожных сигнальных знаков, предназначенных для регулирования движения. В эти же годы начинается строительство крупных, высокого класса, дорог, таких как Москва — Минск, Москва — Симферополь и др.

К началу ВОВ было построено за годы советской власти 1,5-1,6 млн. км дорог, в том числе 150 тысяч с твердым покрытием.

В послевоенное время развитие автодорожной сети продолжалось: строились автомагистрали с твердым по-

крытием, в основном, бетонно-асфальтированные, между крупными административными и промышленными центрами. А в последнее время, в связи с развитием топливно-энергетической базы, в отдаленных районах Сибири и Дальнего Востока.

В Сибири сезонные дороги — «летники» и «зимники» — и «сакмы» — дороги в южных ее лесостепных и степных оподольях — были известны давно: со времен «сотрясателей вселенной» — Чингисидов. Но это были дороги с «востока». Строительство же дорог с Запада, из Московии, относится к концу 16-го, началу 17-го в.в. И связано с походами Ермака и присоединением Сибири к Москве.

Сибирский тракт, который проходил через Тобольск (этот участок от Тюмени до Тобольска называется Старый Тобольский тракт, длина 247 км) относится к 1601 году. За Уралом он проходил через Тюмень, Тобольск, Тару, Иркутск. Тракт был устроен, промерен, обставлен верстовыми столбами и обеспечен ямщиками. Позже было построено на Тобольском тракте девять станций; была заведена первая государственная регулярная почтовая служба Сибири. Вдоль тракта возникали селения, жители которых обслуживали тракт (запасали и торговали провиантом, фуражом, изготовляли сбрую, сани, телеги, экипажи, сами подражались ямщиками).

В 1733 г. было принято решение проложить сквозную дорогу через всю Сибирь. К 1735 году ее промерили, поставили 10 тыс. верстовых столбов стандартного размера и раскраски в черно-белую полосу высотой 3 м. Обустройство было закончено в 1773 г. В начале 19 в. проезжую часть расширили до 2-10 сажень (10-20 м), вдоль тракта сделали рвы для стока воды, создали дорожную службу (смотрителей).

Сибирский тракт был и почтовым, и торговым, и казначейским. День и ночь шли по тракту обозы с товарами, гнали почту и указы с фельдъегерями, ехали переселенцы, брели партии ссыльных. Позже Сибирский тракт пустили через Ялуторовск и Ишим, путь, таким образом, сократился на 240 км. Тобольский тракт стал называться Старым Тобольским; в дальнейшем он тоже реконструировался и спрямлялся.

Первые автомобили на Тобольском тракте появились в 1929 году. «Тракт Тюмень — Тобольск ремонтируется... — писала газета «Красное знамя». — Зимой по нему будут ходить 50 грузовых автомобилей «Форд»...» Но еще долго по этому тракту грузы и пассажиров возили на лошадях. Та же газета сообщала, что для перевозки пассажиров «...будет артель легкой гоньбы, состоящая из 12 пар лошадей с необходимой упряжью и нужным количеством зимней одежды», а для перевозки грузов — «...не менее 2 тыс. грузовых подвод...»

Пассажирские автобусы пошли по тракту в 50-х годах.

В шестидесятых — «зимники»...

В семидесятых — частично — дороги с твердым покрытием (знаменитые «бетонки»).

В восьмидесятых — уже можно говорить о дорожной сети: «бетонки» стыкуются, замыкаются в кольца, в сети... Строятся мосты через притоки Оби.

В девяностых — интеграция «бетонок» в дорожную систему, покрытие бетонных плит асфальтом. В нашем регионе до конца девяностых планируется строительство автодорожного моста через Обь, который соединит наши дороги с общероссийской дорожной системой. Перспективный план предусматривает строительство автодороги Нефтеюганск — Ханты-Мансийск, соединение с автодорогами Томской и Свердловской области (Томск — Колпашево — Стрежевой — Нижневартовск — Сургут — Нефтеюганск — Ханты-Мансийск — Приобское — Свердловская область) и далее.

В настоящее время до Сургута на автомашине можно поехать по окружной дороге через Покачи — Когалым. Но существует и более короткий путь: через Лангепас. Строительство автодороги Сургут — Лангепас ведется сейчас силами Северавтодора со стороны Сургута, а со стороны Лангепаса — АООТ «СУ-920». Сдача автодороги с твердым покрытием запланирована на 98-й год (в т.ч. участок длиной в 20 км, построенный дорожными строителями СУ-920).

А всего построено дорог в Среднем Приобье коллективом акционерного общества за четверть века более восьмисот километров!

Пройдено восемьсот километров, прожито четверть века.
Или: дорога длиною в четверть века.
Жизнь — как дорога.

Список литературы:

1. БСЭ, т.
2. А.С.Иваненко «По Тюменской области». Св-к, 1984 г.
3. А.С.Сардаров «Архитектура автомобильных дорог».
М. Тр-т, 1986 г.

ГОРОД НАД МЕГОЙ

Город над Мегой
сегодня укрыт белым снегом.
А на бетонках вьюга — как песец
голубой.

В город над Мегой
еду я с вахты — домой.

Город над Мегой
весною — вселенским ковчегом
высится средь половодьем залитых
болот.

Город над Мегой
полон весенних хлопот.

Где бы я не был —
меня, как паломника в Мекку,
сердце влечет — я лечу, забывая покой, —

в город над Мегой,
в город над Мегой-рекой.

«Город над Мегой...» — залетные цедят
надменно.

«Город над Мегой!» — им говорю я в ответ:
«Город над Мегой! Город над Мегой! —
лучше которого — нет!»

«ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА: ЗА ГОДОМ ГОД. ЧЕРЕЗ ТАЙГУ И ПУЧИНЫ БОЛОТ».

- 1971 г. — 4,1 км Промысловая дорога на Мегионском месторождении на участке Нижневартовск — Мегион
- 1972 г. — 10,5 км Автодорога Мегионское месторождение — Сургут на участке Нижневартовск — Мегион и подъезд к поселку Мегион
- 1973 г. — 11,1 км Автодорога Мегион—Урьевск, Центральный пункт сбора ЦПС Северо-Покурского месторождения — Аганское месторождение
- 1974 г. — 15,45 км Автодорога ЦПС Северо-Покурского месторождения — Аганское месторождение, подъездная автородорога в ЦПС Ватинского месторождения
- 1975 г. — 23,44 км Автодорога ЦПС Северо-Покурского месторождения — Аганское месторождение, подъездная дорога к ЦПС Ватинского месторождения, в п. Мегион
- 1976 г. — 11,4 км Автодорога ЦПС Северо-Покурского месторождения — Аганское месторождение, Аганское месторождение — Покачевское месторождение, магистральный подъезд к БПО НГДУ «Мегионнефть»

- 1977 г. — 18,24 км Автодорога Аганское месторождение — Покачевское месторождение, магистральный подъезд к БПО НГДУ «Мегионнефть», в п.Мегион
- 1978 г. — 2 км Магистральная автодорога Мегион — железнодорожная станция
- 1979 г. — 21,9 км Автодорога Лангепас — Мегионское месторождение, Аганское месторождение — Покачевское месторождение
- 1980 г. — 28,6 км Вахтовый пос.Покачевский — причал на реке Аган, внутрипромысловые дороги на Покачевском месторождении, Поточное месторождение — Аганское месторождение — Покачевское месторождение
- 1981 г. — 64,13 км (в т.ч. субподряд 31,18 км) Автодорога пос.Лангепас — ст.Лангепас — ДНС-2. Автомобильный подъезд к прирельсовой базе МБПТОиКО № 2. Внутрипромысловые автодороги на Покачевском месторождении и группе Локосовских месторождений, ст.Лангепас — Мегионское месторождение, ДНС-2 — ДНС-3, Поточное месторождение — Аганское — Покачевское, мост через р.Аган
- 1982 г. — 51,88 км (в т.ч. субподряд 9,1 км) Магистральный подъезд к складу ГСМ «ННГ», улицы Северная, Заречная, Свободы, Больничная в г.Мегионе, Мегионское месторождение — Лангепас, подъездные автодороги к СУ-236, ДСУ-6 и на территории из баз, автодороги на Северо-Покурском, Покачевском, Южно-Покачевском, Поточном месторождениях

- 1983 г. — 54,23 км (в т.ч. субподряд 2,4 км) Внутри-промысловые дороги и подъезды на Покачевском, Северо-Покурском, Поточном, автодорога Мегионское месторождение — Лангепас Покачевское — Нонг-Еганское, реконструкция дорог и подъездов к Ватинскому товарному парку и базе НГДУ «МНГ», к цеху подготовки и перекачки НГДУ «МНГ», к АБ № 2, автодорога по 1-му микрорайону
- 1984 г. — 45,60 км (в т.ч. субподряд 15,1 км) Автодороги Лас-Еганское месторождение — Поточное месторождение, Покачевское месторождение — Нонг-Еганское, внутри — промысловые дороги на Поточном, Северо-Покурском, Урьевском, Мегионском месторождениях, площадка для стоянки а/машин, подъезды и проезды по территориям АБ-6, ДСУ-6. Реконструкция подъездных путей к центральному товарному парку и цехам по перекачке нефти
- 1985 г. — 54,14 км (в т.ч. субподряд 19 км) Автодороги Мегионское месторождение — Лангепас, Покачевское месторождение — Нонг-Еганское месторождение, Лас-Еганское месторождение — Поточное месторождение, внутрипромысловые дороги и подъезды на Северо-Покурском, Северо-Поточном, Южно-Аганском месторождениях, реконструкция и строительство подъездов к объектам инженерного обеспечения
- 1986 г. — 71,20 км (в т.ч. субподряд 43,05 км) Автодороги Гун-Еганское месторождение

- Хохряковское месторождение, Лас-Еганское — Южно-Покачевское месторождение, Покамасовское месторождение — Локозовское месторождение, Нивагальское месторождение — Лас-Еганское месторождение, Обустройство Южно-Покачевского, Северо-Покурского, Лас-Еганского, Чумпасского месторождений
- 1987 г. — 56,11 км (в т.ч. субподряд 36,11 км) Автодороги Гун-Еганское — Хохряковское месторождение, Покамасовское — Локозовское месторождение, Нивагальское — Лас-Еганское, Лас-Еганское — Южно-Покамасовское месторождение, внутривидовые дороги на Северо-Поточном, Лас-Еганском месторождениях, обустройство Ю-Покачевского, С-Поточного, Нивагальского, Урьевского месторождений, мост переходной через реку Урьевский Еган
- 1988 г. — 65,1 км (в т.ч. субподряд 31,7 км) Автодороги Гун-Еганское месторождение — Хохряковское месторождение, Лас-Еганское месторождение — Ю-Покачевское месторождение, Покачевское месторождение — С-Покачевское месторождение, Покачевское месторождение — Ключевое месторождение, Покомасовское—Локозовское месторождение, обустройство Покамасовского, Чумпасского, Урьевского, Лас-Еганского, Ю-Покамасовского, подъездная автодорога к местам стоянок ИЛ-86

- 1989 г. — 61,34 км (в т.ч. субподряд 40,64 км)
 Автодороги Гун-Еганское место-
 рождение — Хохряковское место-
 рождение, Лас-Еганское месторож-
 дение — Ю-Покачевское, обу-
 стройство Лас-Еганского, Ю-Пока-
 чевского, Юрьевского, Нивагаль-
 ского, Покамасовского
 месторождений
- 1990 г. — 49,53 км (в т.ч. субподряд 25,03 км)
 Автодороги Гун-Еганское место-
 рождение — Хохряковское место-
 рождение, Покачевское месторож-
 дение — Ключевое месторождение,
 обустройство Покамасовского,
 Ван-Еганского, Ю-Покамасовского,
 Нивагальского месторождений
- 1991 г. — 36,6 км (в т.ч. субподряд 14,8 км)
 Внутрипромысловые и межпро-
 мысловые автодороги и обустрой-
 ство Покамасовского, Локосовско-
 го, Чумпоского, Кошелевского, Ни-
 вагальского, Ван-Еганского место-
 рождений
- 1992 г. — 6,03 км (в т.ч. субподряд 3,87 км)
 Автодорога Гун-Еганское место-
 рождение — Хохряковское место-
 рождение, обустройство Покама-
 совского, Локосовского, Кошивев-
 ского месторождений
- 1993 г. — 18,36 км Объездная автодорога в г.Мегионе,
 внутрипромысловые автодороги на
 Ново-Покурском месторождении
- 1994 г. — Внутрипромысловая автодорога
 на Ново-Покурском
 месторождении
- 1995 г. — Обустройство месторождений;
 строительство дороги
 Лангепас—Сургут.

Содержание

От автора	3
Они были первыми, или как начиналось СУ-920	8
Наша жизнь — дорога	26
Надо делать так — чтоб всем хорошо!	36
Серебряные свадьбы	43
Я родилась в Сибири	49
В своих детях себя узнаем	57
Лики творчества	60
Ржавь до блеска зачищай — и тогда только паяй!	68
Техника — профессия моя и хобби	73
Вятские — ребята хваткие!	82
Претерпевший же до конца спасется	88
Надежда Константиновна из ясной «Полянки»	97
Слабость моя — доброта	102
Воспитатель — не профессия, а образ жизни	110
Кадры решают все	114
Я не забыла вас, ребята	119
Испытание на прочность	127
Дороги Афанасьича	130
Ясная «Полянка»	137
Владимир в «кубе», или рождение традиции	144
Проблемы все же есть	150
Голубые дали	156
Пусть кедрач еще постоит	161
Жизнь — не бетонка, не переложить	168
«Шаровых» объектов нет	172
Чувство уровня, или бульдозерист — сын бульдозериста	177
Козырная карта	182
«По кочкам», или дорожники шутят	186
Из истории строительства дорог	194
<i>Приложение</i>	
Четверть века: за годом год через тайгу и пучины болот	202

Виктор Козлов
ДОРОГА ДЛИНОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

Редактор Г.Иванов
Оформление А.Кострикова
Компьютерная верстка О.Васюхина

Подписано в печать 09.01.97 г.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл.-печ. л. 10,92. Тираж 1000 экз. Заказ № 950.

Ассоциация «Аэлита» при редакции журнала
«Уральский следопыт»
Лицензия ЛР № 061451 от 17.07.92
ИК Э24(03)

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП «Уральский рабочий»
Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

